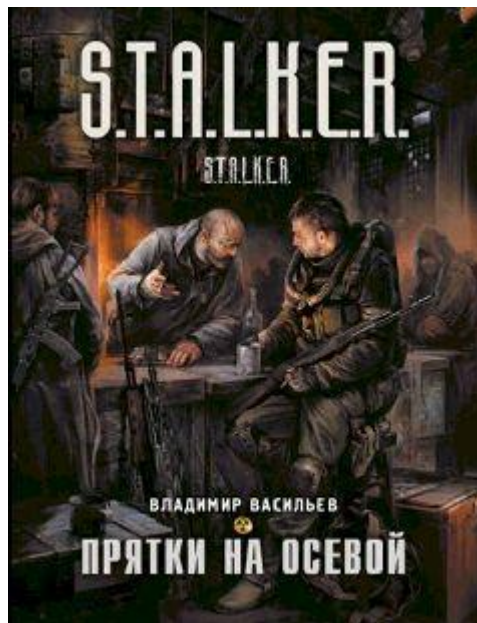

Владимир Васильев Прятки на осевой

S.T.A.L.K.E.R. – 41

Аннотация:

Чем больше времени проходит после Чернобыльской катастрофы, тем более странной становится Зона. Возникают новые виды мутантов, новые смертельно опасные аномалии, новые артефакты. Сталкеру Кексу вместо испытанной многими вылазками в Зону команды навязывают в спутники новичка по кличке Псих. Биолога Ивана Сиверцева нанимает консультантом воротила местного теневого бизнеса. И все это на фоне череды загадочных исчезновений опытных сталкеров вне Зоны.

События, на первый взгляд совершенно друг с другом не связанные, сплетаются в тугую нить очередной игры со смертью, игры столь же опасной, как прятки на осевой линии оживленной автострады.

Владимир Васильев Прятки на осевой

Автор выражает сердечную благодарность Сергею Каташу – за общие консультации по миру «Сталкера», а также Сергею Адаменко – за консультации в области влияния радиации на живые организмы.

Пролог

Еще десять лет назад отсюда до Зоны было довольно далеко.
Сегодня это граница.

И никто не угадает, что здесь будет ещё через десяток лет. Возможно, на месте вот этого углового столика кровосос позавтракает каким-нибудь нерасторопным горемыкой, барная стойка будет увита побегами радиоактивного плюща, а за углом, где сейчас ватерклозет, расположится смертельно опасная аномалия.

Очень может быть. Потому что все эти годы Зона только и делала, что расширялась, подминая под себя новые и новые территории и отдавая монстрам на откуп очищенные от людей площади — осваивай, не хочу. Монстры обычно с удовольствием осваивали. Во

всяком случае, ни пяди земли людям у Зоны пока ещё оттяпать не посчастливилось. И вряд ли когда-либо посчастливится. Не тот у Зоны нрав, чтобы делиться; она умеет только отбирать.

Лучше всего Зона умеет отбирать жизнь. Когда — исподволь, по крупинке, год за годом бомбардируя удачливого сталкера неизбежными миллирентгенами. Но чаще — разом, молниеносно. Был человек — нет человека, только комок окровавленной плоти в центре «воронки» или обугленный клочок одежды около «электры».

Не так много находится людей, которые ухитряются урвать у Зоны что-либо ценное и уцелеть при этом.

Но находятся и такие.

Глава первая

Кекс вздохнул, потянулся к бокалу и в два приема заглотил остатки пива. Зона понемногу отпускала.

В последние трое суток он почти не спал. И команда его почти не спала. Разве что последней ночью, урывками, когда пришлось вынужденно таиться в сырой лощине между блокпостами, уже в буферной полосе, где ещё не встречались аномалии и куда практически не забредали обитатели Зоны. Даже вездесущие собаки.

Больше всего Кексу хотелось махнуть стакан водки и завалиться спать в ближайшем кубрике, как поступила его везучая команда. Он бы и сам так поступил, если бы ходил в Зону, как пару лет назад, наобум. Но теперь он работал на Покатилова, а Покатилов расхлябанности не любит. Пришел — доложись. Хабар Кекс сдал ещё на входе, вместе со снаряжением, но это полдела.

Тоскливо поглядев на пустой бокал, Кекс подумал: «Может, ещё один?».

Первый он выпил залпом, едва добравшись до стойки. Бармен знает свое дело, выставляет пойло не спрашивая. Второй бокал Кекс утащил на любимый угловой столик, где и выцедил, изо всех сил стараясь не спешить.

И всё-таки водка была бы уместнее. Но Покатилов водку перед докладом не одобрял. И все не звал... сволочь. Сиди его жди. Занят он, видите ли!

В арочке слева от барной стойки едва заметно шевельнулась плотная бархатная занавесь. Древняя и помпезная, только что без позолоченных кистей. Зачем ее тут повесили, Кекс понятия не имел, знал только, что за ней заканчивается территория бара и начинается территория покатиловского офиса. Ага, похоже, зовут. Наконец-то...

Кекс встал, тяжело бухая ботинками по истертому линолеуму, пересек полупустой зал и сунулся в арочку. Отвел занавесь в сторону, пригнул голову и вошел в офис.

— Привет, — поздоровался Хома. Был он как всегда напудренный и прилизанный. — Водку пил?

— Нет, только пиво, — пробурчал Кекс. — Больной я, что ли, водку? Не доложившись...

— Молодец, — похвалил Хома. — Давай в позицию.

Кекс вздохнул и покорно повернулся к стенке. Руки на стену, ноги на ширине плеч. Он не видел, но точно знал: за спиной Хома из темноты коридора возникает высоченный охранник в костюме, водолазке и штиблетах с квадратными носками. Спасибо, что хоть без темных очков — на кой они в этом полумраке? Лопатообразные ладони сноровисто обшаривают Кекса на предмет припрятанного оружия — но кто, спрашивается, в здравом уме попрется к Покатилову с оружием? Потом у тела водят детектором аномалий, датчиком радиоактивности и сканером, настроенным на металл. ещё бы рентгеном просветили для пущей вящести!

Хлопок по плечу:

— Пошли.

Кекс повернулся. Рядом с Хомой никого уже не было — охранник бесшумно канул в темноту.

Под самым потолком тускло светили одиночные голубоватые светодиоды. Света они давали ровно столько, чтобы улавливать очертания коридора и дверных проемов, но при этом не видеть никаких подробностей. Кекс до сих пор не знал, какого цвета в этом коридоре стены.

Дверь, за ней тесная конурка, в темных углах охранники. Ещё дверь, и наконец-то покатиловское логово.

После коридорного затемнения кабинет казался ярко освещенным, хотя на самом деле тут тоже царил полумрак, только не тревожный, а мягкий. Самый яркий источник света — настольная лампа. Желтоватый конус бил из-под абажура и неохотно растекался по столешнице, обитой зеленым сукном. Кекс не без оснований подозревал, что письменный стол Покатилова когда-то был бильярдным. Во всяком случае, бортики по периметру и лузы по углам его не слишком испортили бы.

— Здравствуйте, — поздоровался Кекс почтительно.

Он всегда старался держаться так, чтобы не выглядеть подобострастным. Почтение, уважение — это понятно, тем более что Покатилова всерьез есть за что уважать. Но не лебезить. Хотелось верить, что это удастся.

— Здравствуй, Кекс. Присаживайся.

За спиной, словно по волшебству возник стул с высокой спинкой. Тот, кто выставил его в центр кабинета, снова растворился в царящем у стен полумраке.

Кекс сел, держа спину прямо.

— Рассказывай.

— Прошли удачно, без потерь, — бодро начал Кекс. — На входе, правда, долго отлеживаться пришлось, вояки на блокпосте пересмену затянули почти на час. Карьер и склады миновали чистенько, хотя там «воронок» несколько штук новых нарисовалось. По тропе теперь не пройдешь, только зигзагом.

— Ты о главном давай, — пробурчал Покатилов. — Мне твоя живопись до одного места.

— О главном рассказать нечего. — Кекс чувствовал, что в голосе начали сквозить виноватые нотки, хотя никакой вины не могло быть и в помине. — Мы нашли и нужный корпус, и нужную комнату. Только сейфа там не было. Там вообще ничего не было, даже хлама на полу не оставили.

Покатилов поднял на Кекса тяжелый начальственный взгляд.

— Хочешь сказать, что мои информаторы врут? — спросил он.

— Не знаю. — Кекс пожал плечами, противный сам себе. Получалось, что он оправдывается, словно действительно в чем-то виноват. — Там на полу пыли до фигища. В одном углу выделяется эдакий особо пыльный прямоугольничек, так что сейф там, скорее всего когда-то был. Просто мы опоздали. И еще: по лестнице из черного хода я пойти не рискнул, там, по-моему, свежая аномалия.

— Аномалия? — Покатилов вопросительно сдвинул брови.

— Да. Справа, если сверху смотреть, перила поросли ржавым мхом. Прямо мочало — кое-где аж до ступеней висит. А слева — чистенькие, разве только не блестят. И что-то там вдоль них переливается такое... Вроде как тусклый свет. Вдоль трубы, за которую рукой надо браться. Пэ-дэ-а определил аномалию неизвестного типа. Я поглядел-поглядел... и увел всех от греха подальше. Выбрались через окно на первом этаже.

— Вот дерьмо. — Покатилов продолжал хмуриться, но, похоже, Кексу он верил. — Кто ж это такой шустрый выискался, а?

Вопрос был явно риторический. Кекс неподвижно сидел на стуле и преданно таращился на босса.

— В аномалию на лестнице никто вляпаться не успел?

— Нет, я ж говорю, увел всех другим путем.

— До вас, — уточнил Покатилов.

— А, — сообразил Кекс. — Вроде нет, останков не видно было. Если б были останки, я б и не размышлял, сразу всех увел бы...

— Тоже правильно, — кивнул Покатилов.

С полминуты он сидел, молча, не отрывая взгляда от столешницы. Потом поглядел на Кекса.

— Ладно... по сегодняшнему, считай, все ясно. За хабар получишь как отоспишься; со своими сам делись, только Паню особо отметь. Кстати, ты молодец, Кекс, задание заданием, а артефактики по дороге собираешь. Все бы так.

— Паню-то за что? — удивился Кекс.

— Двадцатая ходка, забыл, что ли? Традиции надо чтить!

— А! — Кекс картинно хлопнул себя по лбу. — Забыл, босс! Я-то ходки давно уже не считаю.

— И зря. Перехвалил я тебя, видно. Впредь не забывай! Отмычки — они, конечно, всего лишь отмычки. Да только отмычка с мозгами и опытом порою на вес золота. Воспитывай их, береги — глядишь, и вытащат когда-нибудь.

Даже прописные истины в покатиловских устах звучали весомо и неизбито. Кекс невольно позавидовал — умеют же люди!

Тихо мурлыкнул вызов. Покатилов вынул из нагрудного кармана коммуникатор, мазнул по экрану пальцем и приложил аппарат к уху:

— Слушаю!

Подоспели какие-то новости, можно не сомневаться. Кекс терпеливо ждал, пока босс выслушивал чей-то рапорт или донесение.

— Понял, — буркнул Покатилов, убрал коммуникатор и добавил с досадой, ни к кому конкретно не обращаясь: — Холера!

Потом сфокусировал взгляд на Кексе и неожиданно сообщил:

— Розена нашли. В Зоне. Без оружия, без снаряжения. Сухонький, как Рамсес второй.

Розена Кекс знал. Шапочно, правда, но здоровались всегда. Никаких особых подвигов за Розеном вроде не числилось, но сталкером он слыл правильным и в Зону ходил лет семь, не меньше. В последний раз его видели в баре «Шти», откуда он ушел с неизвестным типом, и две недели о нем не было ни слуху, ни духу, хотя через день после посиделок в «Штях» Розену предстоял выход на Болото, давно оговоренный и заплаченный Покатиловым.

У Кекса по спине пробежались мурашки, и он рискнул откинуться на спинку кресла, чтобы перебить неприятное ощущение.

Розен был не первым, исчезнувшим незадолго до похода в Зону сталкером-ведущим. И не вторым.

Седьмым. За неполных три месяца.

Сценарий всегда складывался один и тот же: сталкера видят в баре с незнакомцем, а потом оказывается, что он не является к выходу в Зону. Отмычки нервничают, заказчик кипит. Выход, ясное дело, отменяют. А несколько дней спустя пропавшего находят в Зоне. Мертвого, разумеется. Всегда — без снаряжения, во всяком случае, без оружия и ПДА, поэтому сообщение о смерти по сети не проходит. И практически всегда в гибели сталкера оказывался виноват кровосос — кроме одного случая, четвертого по счету, когда рыжего Гриню нашли в буферной зоне просто со свернутой шеей.

Считая Розена, жертв кровососа стало уже шесть.

Чужаков в сталкерских барах вокруг Зоны и раньше не больно привечали. А сейчас вообще старались не пускать. Тем не менее, незнакомые лица все равно нет-нет, да и возникали, но что странно — если кто-либо из сталкеров покидал бар на пару с чужаком, отмечали это почему-то, лишь постфактум, причем почти, всегда уже после обнаружения трупа. Кто-нибудь обязательно хлопал себя по лбу: «Братцы, а ведь он третьего дня с каким-то хмырем из «Вотрубы» срулил, точно вам говорю! Я только сейчас сообразил!».

Внешность упомянутого, хмыря ни один из вспомнивших и сочувствующих обрисовать не мог даже приблизительно. Кекс тоже, хотя участвовал в попойке, предшествовавшей исчезновению Димы Булата. Дима отчалил чуть раньше, чем все как следует, напились.

Сослался на неотложные дела. С Димой намылился какой-то незнакомый тип, они переговаривались, когда проходили мимо охраны при входе. Но что это был за тип? Кекс не мог вспомнить ни единой детали: ни во что он был одет, ни рост его, ни прическу — ничего. Ни единой зацепки. И у всех так: о существовании человека помнили многие, но подробностей — никто.

Случай с Булатом произошел в баре Покатилова. Кекс краем уха слышал, что именно в тот вечер вышла какая-то досадная заминка с камерами наблюдения, и лик зловещего незнакомца попросту не запечатлелся.

Хотя Диме Булату вряд ли стало бы легче, если бы его загадочного спутника отыскиали.

Кекс преданно таращился на Покатилова, а тот снова оцепенел за столом, размышлял о чем-то, недоступном простому сталкеру.

«Не закемарить бы, — озабоченно подумал Кекс. — Свалюсь, блин, со стула...».

— Иди-ка сюда, — неожиданно позвал Покатилов.

Кекс сначала не сообразил, что это ему, — сидел, как и раньше.

— Але! — Покатилов повысил голос. — Оглох, что ли? Сюда иди!

— А? Я? — встрепенулся Кекс. Встрепенулся и вскочил.

Торопливо обошел стол и встал рядом с креслом Покатилова, чуть левее. За спиной сразу кто-то нарисовался, Кекс чувствовал это отточенным сталкерским чутьем, но озираться в кабинете босса не принято.

Оказывается, на столешнице перед Покатиловым были установлены два гибких экрана. С центра кабинета их и не разглядеть было толком. Под правой рукой Покатилова прямо из столешницы торчал короткий штырек джойстика.

— Знаешь его? — спросил Покатилов, указывая на левый экран.

На экран было выведено изображение с одной из камер видеонаблюдения в баре. В данный момент наблюдение показывало один из столиков у самого выхода; за ним сидели двое и что-то пили из высоких стаканов.

Покатилов показывал на сидящего слева из этих двоих.

Кекс всмотрелся. Сидящего он в принципе знал. Второго он знал ещё лучше — Юра Постышев по прозвищу Циркуль, отмычка. Перспективный хлопец; если не гробанется раньше срока, имеет все задатки стать неплохим сталкером.

Но Покатилов спрашивал не о Циркуле.

— Рожка знакомая, — честно признался Кекс. — Встречал его и в Зоне пару раз, и снаружи. Здесь, в «Вотрубке», в Климовке и в новых «Штях». И, по-моему, в кабаке у вояк разок его видел. Как зовут, не знаю, в Зоне виделся только мельком... По-моему, это одиночка. Скорее всего, из новичков, иначе я бы знал его лучше.

— Из новичков, — повторил босс задумчиво. — Ладно, Кекс, ступай... Вообще ступай, отсыпайся. Потом вызову.

Кекс выпрямился, с готовностью кивнул и быстро направился к выходу. Спать ему хотелось все сильнее и сильнее, глаза начинали опасно слипаться.

Хома перехватил его за дверью кабинета и сопроводил до бара.

— Будь здоров, бродяга, — бросил он Кексу в спину почти дружелюбно.

Кекс, не оборачиваясь, помахал рукой, на миг запнулся у барной стойки, но тут же скомандовал себе: «Нет, спать! Спа-а-ать!».

И промаршировал в сторону кубрика, невольно покосившись на столик у самого входа, где по-прежнему сидели Циркуль и тип, о котором спрашивал Покатилов.

Кубрик встретил Кекса могучим храпом — отмычки времени зря не теряли. Кое-как сковырнув с ног ботинки и не утруждаясь раздеванием, сталкер рухнул на железную армейскую койку и тотчас отрубился.

Отпустила Зона...

Глава вторая

Трасса была усталая и заброшенная. Асфальт потрескался; во многих местах его взломала настырная зелень, подогретая чернобыльской радиацией, но все равно она выглядела трассой, а не целиной, и по ней все ещё можно было ездить. Правда, лучше на внедорожниках.

Чуть в стороне от остатков дорожного полотна расположилась коническая беседка, некогда ухоженная, а ныне такая же усталая и заброшенная, как и трасса. Невозможно было понять, в какой цвет беседка была окрашена прежде; кроме того, шпиль на конической крыше целился наверху уже не точно в зенит, а заметно южнее. Однако сдаваться и падать она вовсе не собиралась.

Примерно напротив беседки к обочине приткнулись два джипа. Они стояли не рядом — на некотором расстоянии, и, похоже, приехали они с разных сторон трассы. У каждого из джипов мялись крепкие ребята, изредка ревниво поглядывая на коллег, явившихся с другой стороны.

В беседке на относительно целой скамеечке сидели двое. Между ними была постелена газета, на которой стояла бутылка дорогой водки, пакет сока, два старорежимных граненых стакана и фарфоровая тарелка с закуской — ломтиками буженины, резаными свежими помидорчиками и маринованным чесноком.

Один из сидящих — Покатилов — протянул руку к бутылке, сграбастал ее здоровенной ладонью, до половины наполнил стаканы и вернул на газету.

Чокнулись, выпили, закусили.

— Сколько у тебя было сбоев? — мрачно спросил второй некоторое время спустя.

— За последний месяц — четыре, — отозвался Покатилов. — А дольше месяца я записи не храню, места не хватает.

— У меня пять.

Покатилов сжевал пол-ломтика буженины и подытожил:

— Итого у меня четыре сбоя и одна пропажа. У тебя — пять сбоев и две пропажи. Многовато за один паршивый месяц.

— Если ты про сбой, то охренеть как многовато! Полгода назад нормой был один сбой в два месяца. А то и реже.

— Та же фигня, — вздохнул Покатилов. — Извини, что спрашиваю, но... ты своим парням на записи вполне доверяешь?

— Вполне доверять никому нельзя, — проворчал собеседник. — Однако сказать, что они выбились из доверия, — тоже не скажу. Да и не вижу я особой выгоды в махинациях с записями — оно и мне-то было нужно только от случая к случаю. И как раз в эти дни с записями все было в полном порядке. Я бы даже предположил, что в последнее время имеет место быть цепочка маловероятных случайностей. Только я, мать его, не верю во множественные случайности, особенно если они ещё и маловероятны! Вот не верю, и все!

Покатилов глубокомысленно хмыкнул и принялся очищать дольку чеснока.

— У тебя есть какие-нибудь идеи? — поинтересовался его собеседник.

— Действенных — нет, — честно признался Покатилов. — Но сидеть, сложа руки и ждать новых жмуриков тоже неохота. Опытных сталкеров и так немного, а если их ещё и давить начнут одного за другим... В общем, я попытаюсь всех новичков вербовать в отмычки. Не только подозрительных, вообще всех. Если дружок кровососа не миф, он быстро проявится. Да, будут трупы, в том числе и среди ценных сталкеров. Да, дружок кровососа однозначно уцелеет. Но мы почти наверняка будем знать, кто это. Фотка его будет, а не так, как сейчас. Думаю, выловим.

— Он может и не пойти в отмычки.

— Пойдет. Предложения будут такие, что никто не сможет отказаться.

— Не разоришься?

— Я не только деньги имею в виду, — усмехнулся Покатилов.

— Налей еще.

Покатилов налил; движения его очень хотелось назвать царскими.

Выпили. Закусили.

— Я ещё подумаю какое-то время, — сообщил покатиловский собеседник. — Но в целом я с тобой согласен и скорее всего, поступлю так же. Договор об обмене значимой информацией поддерживаю прямо сейчас.

Покатилов удовлетворенно кивнул.

После этого оба практически синхронно поглядели на часы, потом друг на друга и сдержанно рассмеялись.

— Всё-таки те, кто говорит, будто мы очень похожи, кое в чем правы, — сказал Покатилов, вставая.

Ребята у джипов тотчас оживились и подались навстречу.

Два босса шли прочь от беседки. Ни один из них не пытался вырваться вперед — они шли сначала рядом, но постепенно каждый отклонялся к своей машине и свите, поэтому их пути постепенно разошлись.

Покатилов очень надеялся, что хотя бы дела какое-то время будут делаться параллельно. Он доверял чутью, чутью бывшего сталкера, а чутье подсказывало Покатилову: в одиночку с ворохом нахлынувших проблем ему не справиться. Так пусть помогут хотя бы в том, что касается не только его, а всех, кто обитает вокруг Зоны и кормится с нее.

Охота на опытных сталкеров, развернувшаяся вне Зоны, была далеко не единственной проблемой, нежданно-негаданно появившейся перед покатиловским бизнесом. Затхлый воздух Зоны определенно пах множеством новых осложнений и неожиданностей, возникающих вдруг и ниоткуда, на пустом месте.

Раньше такого не было. Во всяком случае, в таком количестве и с такой интенсивностью.

Глава третья

Бар в новом военном секторе какой-то неведомый остряк нарек «Ать-два». Как назывался старый, никто уже толком не помнил. Большинство склонялось к мысли, что никак — раньше военные позволяли себе куда меньше вольностей, чем сейчас. Но территорию старого сектора поглотила Зона, и военные вынуждены были откатиться километров на десять западнее. Раньше от блокпоста до болот рукой было подать, теперь же приходилось топать полдня, а то и больше. Прежде бар посещали в основном офицеры; сегодня никто отсюда не гнал даже бритого под ноль салагу. При условии, конечно, что в баре он находился в личное время, а не вместо службы. Захаживали сюда и гражданские — в основном обслуга и (реже) вольнонаемные научники. Поэтому гражданская одежда практически не приковывала взглядов. Сидит себе человек в тупичке у дальнего края барной стойки, цедит что-то вроде хайбола, а что в балахон какой-то невообразимый вырядился и капюшон на самые глаза надвинул — так мало ли, вдруг ему врач пить запретил, а душа требует? Или жена-мегера не велела в бар ходить? Всяко бывает. За выпивку платит, других выпивох не напрягает — и ладно. На странного посетителя косились, но не более.

Бар тем временем наполнялся, свободных мест оставалось все меньше. Голоса становились громче, смех раскатистее, кто-то кому-то уже успел съездить по роже, и охрана взяла буяна за шиворот и вывела вон, кто-то фотографировал мобильником компанию за соседним столиком, жизнерадостно командуя: «Феда, подбери щеки, в кадр не влазишь!»; завеса из сигаретного дыма делалась гуще и плотнее, а перерывы между возгласами: «Эй, любезный, ещё по двести!» — все короче.

Обычное дело.

Сиверцев заказал и себе двести «Хортицы» с бутербродиком. Не успели принести заказ, как в зал ввалился Полоз, огляделся и взял курс напрямиком на столик Сиверцева.

— Привет, наука! — жизнерадостно поздоровался он. — Чего не пьешь? Карман отошал?

— Доставить не успели, — буркнул Сиверцев.

На Шуру Полозенко по прозвищу Полоз он не сердился, на эту кучерявую сволочь вообще невозможно было всерьез рассердиться. А вот неторопливый бармен с неторопливым официантом могли бы быть и порасторопнее, сохни тут без «Хортицы», ломай мысли в скороговорках...

Полоз плюхнулся на свободное креслице и немедленно закурил. Сиверцев досадливо помахал ладонью перед лицом: он никогда в жизни не курил. По крайней мере, табак. И сигаретный дым не переносил на дух, нещадно гоняя курящих приятелей.

— Так! — заявил Сиверцев категорично. — Хочешь курить — вали за другой столик!

Полозенко торопливо потушил сигарету в девственно чистой пепельнице, даже плюнул на кончик, чтоб не дымила.

— Чорт (он именно так и говорил, через «о»: чорт)! Все время забываю, извини. Надеюсь, хоть пить ты не бросил?

— Не бросил... Жду вот, маюсь, как видишь.

Полоз обернулся, поймал взгляд бармена и показал ему два пальца. Бармен величаво кивнул, не ускорившись ни на йоту — он что-то там методично смешивал за стойкой.

— Слыхал? — начал Полоз. — Розена нашли.

— Нашли-таки? Нет, не слыхал еще.

— Сухой и мертвый, — вздохнул Полоз. — Мертвый и сухой. Номер шесть. Или семь, если Гриню считать.

Гриня исчез четвертым, но его в отличие от остальных, попавшихся кровососу, нашли в лесополосе около третьего восточного блокпоста просто со сломанной шеей и синяками по всему телу.

— Хреново, — нахмурился Сиверцев. — Система это, стопудово система. Кровосос тварь опасная, но тупая. Тут люди замешаны, точно тебе говорю.

— А это не ваши вояки постарались? — уныло спросил Полоз.

— Да на хрена это воякам надо, сам посуди? У нас половина материала для исследований по леваку закупается, у таких, как ты, а не у штатных сталкеров. Наши, с позволения сказать, сталкеры с погонами в Зоне пукнуть без генеральского разрешения не могут, связаны миллионом инструкций и миллиардом предписаний. А в Зоне импровизация важна, там инструкциями только подтереться...

— Это да, — вздохнул Полоз. — Потому военные и злые на нас, вольных. Раньше вообще кошмар что творилось: чуть что, бабах в спину, и прощай, Маруся. А сейчас только взглядами провожают, но все равно словно сквозь прицел. Удивляюсь, как нас в этом баре ещё терпят!

— А на этот счет тоже инструкция есть, — сообщил Сиверцев. — Тебя что, ни разу не вербовали?

— В военсталкеры?

— Ага.

— Да чуть не каждый день! — фыркнул Полоз. — Только оно мне надо? Я инструкций не люблю. Я свободу люблю.

— Свободу, — проворчал Сиверцев. — Какая, к маме, свобода здесь, в Зоне и около? Мы тут все как пауки в банке. Если бы не бары по всему периметру, давно бы уже глотки друг другу поперегрызли. А так — упьемся, на сопли изойдем, пару носов расквасим — глядишь, и ещё на денек пахоты готовы. О, несут наконец-то!

Официант, а вернее — дневальный из числа салаг-новобранцев, доставил поднос к столику, разгрузил и молча удалился.

— Помянем, — сказал Сиверцев и взялся за посудину, слишком большую для рюмки, но маловатую для стакана. Посудин было четыре, все полные. Бутерброд на тарелке пребывал в одиночестве, потому что Полозенко выпивку заказал, а закуску нет.

— Помянем, — отозвался Полоз и протяжно вздохнул. — Будь счастлив там, за чертой, Розен. Ты был хорошим сталкером и честным мужиком. Аминь.

Когда они синхронно сглотнули, но ещё не успели донести пустые стакашки до стола, у Полоза тихо пискнул ПДА. Полоз полез в карман — он не жаловал наручные модели, у него был древний наладонник.

— Что там? — мрачно осведомился Сиверцев.

— А, ерунда, — сообщил Полоз, взглянув. — Семецкий под Агропромом гикнулся.

— Его поминать, пожалуй, не станем. — Сиверцев криво усмехнулся.

— Это точно! Каждого Семецкого поминать — сопьешься за неделю...

— Раньше.

— Раньше не успеешь. Вообще бардак, конечно. С этими пьянками погибшего друга помянуть некогда...

Сиверцева с первой же дозы ощутимо развезло. Полоза, кажется, тоже, хотя у сталкера доза вполне могла быть уже и не первой. Они допили оставшееся, на этот раз, чокнувшись, заказали ещё и некоторое время болтали о всякой ерунде, которая обыкновенно начисто выветривается из воспоминаний уже к завтрашнему утру. Со второй Сиверцева развезло ещё сильнее, а Полоз даже выпал из кресла, и ему кто-то сторонний помогал подняться, потому что сам Сиверцев обнаружил, что ноги начисто отказали, встать он не в состоянии и Полозу помочь, соответственно, не может. Потом, без всякого перехода, Сиверцев осознал себя дремлющим за столом в компании двух порожних бутылок из-под водки и полудюжины стаканов-недомерков, а нетронутый бутерброд так и лежит, одинокий, в тарелке. Кресло напротив, откуда не так давно сверзился Полозенко, пустовало. В баре почему-то было полутемно, у стойки торчали четверо патрульных с автоматами, а офицер с повязкой на рукаве о чем-то допрашивал бледного бармена и не менее бледного салагу-официанта.

Сиверцев оторвал щеку от столешницы и огляделся получше. За столами дремали ещё несколько бедолаг, а в сортире, судя по звукам, кого-то неудержимо рвало.

«Что за ерунда? — подумал Сиверцев с удивлением и растерянностью. — Чего это меня так сплющило? Или в водку какую-нибудь гадость подмешали? Вообще, похоже, башка раскалывается...».

Он поглядел на часы — было полвторого ночи. Куда подевались пять с половиной часов с момента прихода в «Ать-два» и первых двух доз с Полозенко, память не зафиксировала даже отрывочно.

Такого с Сиверцевым за четыре года работы в Зоне ЧАЭС ещё не случалось. Не случалось ничего и отдаленно похожего, хотя трезвенником исследователь Сиверцев себя отнюдь не считал. Но совершенно точно его никогда не убивало до полного беспамятства с жалких двухсот грамм.

Его тоже допросили, хотя рассказать Сиверцев смог постыдно мало.

Несколько позже Сиверцев узнал, что Шура Полозенко, он же сталкер Полоз, бесследно исчез. Вроде бы он должен был сходить в Зону по поручению кого-то из теневых воротил, но о таких вещах обычно информации мало, только невнятные слухи.

Короче, пропал Полоз. А хваленое видеонаблюдение военного бара «Ать-два» именно в этот вечер почему-то оказалось отключено.

Глава четвертая

Кекс отдыхал почти два дня. Остаток первого и всю ночь проспал, во второй сначала получил у покатиловского кассира денежку, потом привычно разделил ее на четыре части (ясное дело, неравные) и раздал причитающуюся долю отмычкам, не забыв премировать десятиной Паню. Самая большая доля полагалась ведущему, то есть Кексу, и с этим никто даже не помышлял спорить. Бездумно квасить в баре с солидной суммой на кармане Кекс не собирался, поэтому перед неизбежным обмывом гонорара успел выскочить в банк, домой и на почту. Свой гонорар он тоже разбил на четыре части, только на этот раз равные: одну положил на легальный счет, вторую схоронил в тайнике на съемной квартире, третью

отослал маме, и пусть недоделки без сердца смеются сколько хотят. Мама — это святое, а кто этого не понимает — что ж... Его горе. Поскольку обязательно аукнется.

Четвертая часть (а также при необходимости вторая, из заначки) предназначалась на пропой и для закупки снаряжения. Закупки Кекс считал более важными, и если приходилось брать что-нибудь дорогое — без колебаний домашнюю заначку потрошил. Ну а все, что оставалось, Кекс с чистым сердцем просаживал в окрестных барах. Большею частью в покатиловском заведении «Вотруба», поскольку там при нужде можно было без риска и заночевать, и подлечиться (во всех смыслах: с утра пивком, а после Зоны тем, что пропишет доктор, ибо у Покатилова профессиональных медиков на зарплате было даже несколько).

Когда при себе у Кекса остались только деньги на отдохновение, он с чувством исполненного долга направился в «Вотрубку». В иной день Кекс мог предпочесть очередную инкарнацию «Штейн» или военный «Ать-два», но сегодня полагалось отметить двадцатую ходку Пани. В Зоне поневоле станешь суеверным.

Не успели поздравительно отхлопать Паню по плечам после того, как он опорожнил полный гранчак с тыльной стороны ладони, и тут в поле зрения Кекса нарисовался Хома. Естественно — прилизанный и вроде бы даже набриолиненный. Он поманил Кекса пальцем и исчез за занавеской.

Кекс напрягся. С чего Покатилову звать сталкера так рано? Успел только вернуться да отоспаться. Обычно полагалось ещё пару-тройку дней отдыха, а иногда и больше — на зализывание ран. А тут еле двое суток с возврата — и уже зовет!

Чего-то там необычное, не иначе.

Процедура входа в покатиловский офис за истекшее время не изменилась ни на йоту. Собственно, она вообще не менялась с того момента, когда Кекс года четыре назад впервые предстал перед хозяином «Вотрубы» и негласным повелителем восточного сектора. Или уже пять лет прошло? Да, точно, скоро ровно пять. Черт, как же время летит, не угонишься!

А вот перед дверью кабинета Хома неожиданно задержался и сделал знак Кексу прижаться к стене. Вовремя: дверь открылась; из кабинета вышел сначала один человек, потом второй. Второй был охранником, но и первого, невзирая на скудное освещение, Кекс узнал.

Тот самый полужнакомый тип, собеседник Циркуля, о котором Покатилов расспрашивал сразу после позавчерашнего возвращения из Зоны.

Хома заглянул в кабинет, видимо, получил знак запускать Кекса, отступил назад, в коридор, и выразительно качнул головой:

— Давай, бродяга!

Кекс вошел.

Напротив начальственного стола возвышался стул, на котором, должно быть, только что сидел предыдущий посетитель.

— Здравствуйте, босс! — поздоровался Кекс.

— Здоров будь, сталкер. Присаживайся. Извини, что так быстро выдернул. Нужда возникла.

«Ну, все, — осознал Кекс с унынием. — Отдохнуть не получится...».

Он медленно опустился на стул, чувствуя, что не может скрыть гримасы разочарования.

— Не купись, сталкер. Зарабатывай обеспеченную старость, пока молод. Побухать успеешь и потом.

— Надеюсь, успею... — пробормотал Кекс, тщательно загоня досаду поглубже.

— Ладно, к делу. Узнал типа, который только что отсюда вышел?

— Узнал. Вы о нем и в прошлый раз спрашивали, босс.

— Верно. Он пойдет с тобой в Зону.

Видимо, Кекс изменился лицом, потому что Покатилов прищурился и добавил:

— Вижу, ты не в восторге. Почему?

Кекс хорошо поразмыслил, прежде чем сформулировать ответ.

— Я довольно давно хожу с одними и теми же отмычками, босс. Они, конечно, ещё лопухи, по большому-то счету, но они уже многое сделали, чтобы стать командой и поняли тоже многое. Четверка отмычек мне ни к чему, босс. А если есть выбор, кого брать в тройку — проверенных или незнакомца... Думаю, ответ очевиден.

— Складно излагаешь, — буркнул Покатилов, помолчал и уточнил: — Вы пойдете вдвоем.

«Фигассе!» — опешил Кекс, пытаясь переварить новость. Спорить было бесполезно, Покатилов, если решил — так тому и быть.

Невзирая на то, что Кекс считался бывалым сталкером, он ни разу не бывал в Зоне в одиночку, без отмычек. А идти с единственным... Какой смысл? Не выдержит, гробанется. В том и замысел, чтобы отмычки то и дело менялись местами. Пока рискует один, двое других отдыхают, главным образом морально.

Следующей фразой Покатилов Кекса окончательно добил:

— И на этот раз отмычкой будешь ты, сталкер.

У Кекса, что называется, в зобу дыхание сперло. Некоторое время он сидел безмолвно и неподвижно. Потом жалобно проблеял:

— Босс... Вы меня слить хотите?

— Если бы я хотел тебя слить, хрен бы я тебе все это рассказывал, — проворчал Покатилов несколько мягче. — Погоди выводы делать. Про сов присказку знаешь?

— Какую?

Покатилов внимательно поглядел на Кекса, потом подался вперед и доверительно сообщил:

— Совы — вовсе не те, кем кажутся.

«Спятил, что ли? — грустно подумал Кекс. — Какие, к лешему, совы?».

Но Покатилов объяснил:

— Вот и ты... отмычкой будешь только казаться.

И все сразу встало на свои места: мозаика окончательно сложилась в голове Кекса в стройную и понятную картинку. Полузнакомый сталкер по прозвищу... Кстати, а как его прозвище? В общем, наобещал он Покатилову золотые горы и исполнитель желаний в придачу, а Покатилов справедливо решил, что в случае неуспеха он теряет всего лишь лгуна-сталкера и надежного, но отнюдь не незаменимого Кекса. Сделка не шибко перспективная, но вместе с тем и недорогая — можно и рискнуть.

— Этот тип сказал, что может дойти до Янтаря, практически до самой пси-лаборатории. Вот и сходите.

Кекс совсем упал духом:

— Босс... На Яantarь? Вдвоем? Там же зомби кишмя кишат! Туда только на броневику с прицепом ездить. С прицепом — чтобы патронов хватило!

Покатилов криво усмехнулся:

— Если пройти не получится — повернете назад. Но меня уверили, что вы пройдете.

«Хана мне, — тоскливо подумал Кекс. — Пойдешь — зомби сожрут. Не пойдешь — покатиловские молодчики придушат. Вот угораздило же...».

Следовало помалу привыкать к мысли, что идти все равно придется. Если пойти — все же есть шансы выжить. Если отказаться... может, и не убьют, но из дела выпадешь моментально. Не тот у Кекса пока сталкерский калибр, чтобы отказываться от заданий Покатилова. Ему пока просто отдают команды, и попробуй не выполни, даже если скомандуют: «Сдохни, Кекс! Сей же час, вот возьми — и сдохни!».

Впрочем, способность мыслить здраво и связно быстро вернулась к Кексу — без этого в Зоне трудно выжить. Инстинкты помогают не гробануться в первые секунды аврала, а дальше вывозят в основном разум и смекалка.

— Босс, — сказал Кекс проникновенно. — Позвольте взять хотя бы одного из моих отмычек, самого толкового.

— Зачем? — поинтересовался Покатилов.

Вот чего не отнять у босса — всегда интересуется мотивацией своих пешек, даже если в конечном итоге отказывает в просьбе.

— Сами посудите, — принялся объяснять Кекс. — Я типа этого почти что не знаю. Поди пойми — какие тараканы у него в голове? А вдруг он на первой же стоянке меня придушит, обчистит и смоется? Или вообще сразу за блокпостом пристрелит — и в лес? А будет нас с отмычкой двое — уже на нашей стороне перевес! Спать можно безбоязненно, если по очереди. В общем... Как-то спокойнее, когда верным человеком жопа прикрыта. И для дела полезнее. Ну не могу я так — с первым встречным, и сразу на Янтарь!

— Ты ведь говорил, что знаешь этого типа, хоть и не слишком близко.

— Встречался! Но в Зону с ним не ходил. Да чего там, я даже не помню, как его зовут!

— Зовут его Психом.

Кекс нервически хохотнул:

— Обнадеживающее прозвище!

Покатилов задумался на целую минуту. Потом решительно хлопнул по столу ладонью:

— Хорошо! Пойдет с вами и третий. Но это должен быть не самый толковый, а самый тупой из зоновских отмычек, ясно? Здоровый как бык и тупой как второгодник. О Пани или Греке сразу забудь.

— А Батон? — оживился Кекс. — Он всегда соображал медленно! Зато стреляет — на диво. И молчун, каких поискать.

— Это твой третий, из новеньких, который белобрысый?

— Он самый! И он не новенький, просто тихий. Больше года со мной — а из отмычек уходить и не думает. Грек за пять месяцев уже дважды пытался! А этот ни-ни.

— Вообще-то я не хотел бы, чтобы шел кто-нибудь из твоих.

— Босс, как я могу верить чужим, а? А эти свои, прикормленные! Батон меня никогда не сдаст, клянусь!

— Не спеши клясться, — усмехнулся Покатилов без особого веселья. — Такие как раз первыми и сдают.

Он беззвучно пожевал губами и сказал:

— Хорошо, поговорю я сейчас с твоим Батоном. Если не разгляжу в нем Эйнштейна, может, и пошлю с вами.

— Только он уже поддатый небось, — поспешил предупредить Кекс. — Они с обеда Панину двадцатку отмечают. Я-то в город ходил, а отмычки из «Вотрубы» сегодня ещё не высывались.

— Вижу, — буркнул Покатилов, и Кекс сразу вспомнил о гибких экранах у него на столе. — Ступай в бар, с Психом познакомься, выпей с ним. обнюхайся. Наводи мосты, словом. Только о деле особо не трепитесь, инструктаж потом Соломон проведет. С каждым персонально. Выходить завтра в ночь, так что сегодня пейте, а завтра — сам знаешь...

— Понял, босс, — вздохнул Кекс, вставая. Вышло не слишком оптимистично, но хотя бы не безнадежно.

И на том спасибо.

В бар Кекс вернулся как в тумане, даже остановился посреди зала в задумчивости.

— Кекс! Чего тормозишь? Давай сюда!

Это Грек привстал за столом, где отмечали Панину двадцатку, и призывно замахал рукой.

Кекс встрепенулся, отогнал назойливые мысли и решительно двинул к своему месту, до сих пор не занятому. Даже стакан наполненный все ещё стоял, дожидаясь.

Краем глаза Кекс углядел и Психа — этот сидел за ближним к выходу столиком, где обычно ютились новички и чужаки. Сидел в одиночестве, что-то прихлебывал и неотрывно смотрел в телевизор над барной стойкой.

Взгляд у него был странный. Чумной, полусумасшедший — словно по телевизору только что объявили о прилете марсиан или победе сборной Украины в чемпионате Европы по футболу, хотя по телику транслировали совершенно заурядные новости о том, что на утреннем заседании Рады опять кто-то снялся биться на кулачках, а многострадальная

«Криворожсталь» в четвертый раз за последние пятнадцать лет национализирована и перепродана, на этот раз бразильцам.

«Потом его позову, — решил Кекс. — Сначала надо нервы пригладить...».

Он уселся за сдвинутые столики и потянулся к выпивке.

Глава пятая

Странно, но толком переговорить с Психом в этот вечер так и не получилось. Сначала Кекс со своей командой честно праздновал, а потом вдруг обнаружил, что Психа в баре уже нет.

«Ну и черт с ним, — подумал Кекс без всякого сожаления. — Все завтра. Вот бы ещё отменился этот выход дурацкий, вообще бы все стало тип-топ».

Батон к Покатилову ходил, Кекс сам видел. Вернулся Батон вполне спокойным; расспрашивать его при всех Кекс не решился, а повода отойти в сторонку как-то все не представлялось. Ясно было одно: если Покатилов Батону чего и сообщил, то очень скупое, так, что тот ничуть не встревожился и не принялся требовать объяснений от ведущего.

Ближе к ночи Кекс, памятуя о завтрашней подготовке и позднем выходе, решительно объявил:

— Я все. Баиньки.

И встал из-за стола.

Тут же поднялся и Батон:

— Я тоже.

Напрасно их пытались уговорить остаться (особенно старались Грек с Паней), Кекс твердо решил идти спать, причем домой, а не в кубрик. Глядя на него, не поддался уговорам и Батон.

На том и разошлись. Батон отправился в кубрик, поскольку отдельное жилье ему было все ещё не по карману, а съём комнаты отмычки справедливо полагали дурной блажью — чем оно отличается от кубрика, кроме большей цены и прискорбной удаленности от источников пива и прочей выпивки?

Кекс — иное дело, сталкер с каким-никаким именем, ещё не легенда, но уже далеко не неофит. Ему по статусу полагается собственная берлога, даже если это однушка в ветхой хрущобе. Зато в центре поселка.

Зона выпивает слишком много моральных сил, а потому почти всем, кто там часто бывает, органически требуется немножко одиночества, хотя бы время от времени. Это отмычки тянутся друг к другу, потому что пока глупы и неопытны. Матерый сталкер — зверь одинокий.

Свою степень заматерелости Кекс скромно оценивал процентов в семьдесят — семьдесят пять, и, если взглянуть трезво, оценивал вполне объективно. Зона вообще не прощает самоуверенности. Отмычка, пожалуй, от нуля до тридцатничка будет по той же шкале, просто сталкер — тридцать-пятьдесят. Выше полтинника — опытный сталкер, вроде Басмача, Мухомора или самого Кекса. Ну а сто — просто легенда, как Меченый, Шухов и Семяцкий.

Хотя нет, Семяцкий, наверное, даже больше ста затянет. Умирать каждый день по несколько раз в течение почти двадцати лет — для легенды чересчур. Это уже не менее чем эпос.

В подобных размышлениях Кекс дотопал до своей обшарпанной хрущобы, свернул во двор, потом к подъезду. И тут же остро почувствовал...

Нет, не опасность. Скорее, чье-то присутствие. Там, в подъезде, или на ступеньках, или на первой же межлестничной площадке. Свет, естественно, не горел, ибо скверная привычка вывинчивать общественные лампочки никуда не подевалась с древних советских времен. А что теперь это не устаревшие лампы накаливания, а экономичные светильники тлеющего разряда, так это дела не меняет: новые даже дороже. Сильнее соблазн вывинтить.

Тот, кто скрывался в подъезде, вряд ли хотел Кексу или ещё кому навредить, иначе спрятался бы получше. Скорее всего просто ждал.

— Кекс, ты? — донеслось из темноты. Голос был знакомый, это Кекс определил сразу, но кто именно из коллег-приятелей спрашивает, в первую секунду понять не сумел.

— Ну, я, — буркнул Кекс не особо приветливо. Дождаться его вполне мог кто-нибудь из безденежных завсегдатаев любого из баров. Кекс ведь из зоны вернулся, значит, хабар сплавил, гонорар получил. Можно стрельнуть деньжат на опохмел, а то и просто на посидеть вечеров в том же «Вотрубке».

— Это я, Жук, — обозначился собеседник. — Не пальни с перепугу.

— А, — Кекс тут же расслабился. — Ты, Жучара? Кого ждешь?

Даже странно, что Кекс не сразу опознал приятеля по голосу. Что-то такое сквозило в голосе Жучары — необыденное, возможно, даже тревожное. Потому, наверное, и не узнал в первую же секунду.

Жучара бесшумно выскользнул из темени подъезда на хоть и скудно, но всё-таки освещенное крылечко.

— Тебя. Поговорить надо. Ты сам-то никого не ждешь? В гости.

— Нет. Отоспаться надо. Завтра дела.

— В Зону идешь?

— В Зону? — довольно натурально удивился Кекс. — Что ты, как можно! У меня же лицензии нет.

Жучара вопреки ожиданиям не стал понимающе ухмыляться. Он вообще остался предельно серьезным, что только укрепило подозрения Кекса: у приятеля какие-то неприятности.

— Поднимемся, если ты не против?

— Поднимемся, — согласился Кекс без энтузиазма, но и без демонстрации недовольства. — Только ненадолго и без бухла. У меня завтра день тяжелый, не хочу усугублять.

Кекс подсветил фонариком-зажигалкой и первым вошел в подъезд. Однушка его располагалась на пятом этаже, и в ней все было обустроено для того, чтобы в экстренном случае без проблем уйти с балкона через крышу. Обустроил это прежний владелец, удачливый и умный сталкер по прозвищу Редактор. Удачливый, потому что много раз возвращался из Зоны живым, а умный, потому что сумел вовремя сказать: «Хватит!», раздать и собрать долги, продать снаряжение барыгам, а квартиру ещё зеленому, но как раз пошедшему в гору Кексу и навсегда покинуть эти гиблые места. Кекс ничего в новом для себя жилище менять не стал, только выбросил вместе с мусором и ненужным хламом полотенца и постельное белье, даже выстиранное, из шкафа, и купил все новое. Не то чтобы он был избыточно брезглив — просто посчитал, что так будет правильнее.

Впустив Жучару в прихожую, Кекс запер дверь, сменил кроссовки на тапочки, бросил под ноги гостю вторую пару и прошел на кухню. Здесь он приоткрыл форточку и ткнул выключатель чайника. Кухня почти сразу же наполнилась негромким гулом, постепенно перешедшим в утробный клекот закипающей воды.

Жучара без раздумий втиснулся в узенькую щель между посудным шкафчиком и крохотным столом, дабы не загромождать и без того клаустрофобическую кухню. В Киеве Кекс как-то видел грузовой лифт, заметно превышающий размерами это, с позволения сказать, помещение.

«Надо плиту отключить и выбросить, угол освободится, — с тоской подумал Кекс в тысячу первый раз. — Все равно не готовлю, а сухпай и в микроволновке прекрасно разогревается...».

Впрочем, реликтовая двухконфорочная газовая плита с пародией на духовку вряд ли бы увеличила площадь кухни намного.

Еще разливая кипяток по чашкам, Кекс отметил, что Жучара выглядит более мрачным, чем показалось внизу.

— Выкладывай, — вздохнул Кекс, пододвигая к центру стола сахарницу и коробочку с чайными пакетиками.

Жучара с отсутствующим видом подсластил кипяток и утопил в чашке пакетик «Хейлиса».

— Полоз вчера пропал, — сообщил Жучара отрывисто. — Я с ним сегодня в ночь договорился на Свалку выйти. Весь день его разыскивал.

— Ушел из бара с неизвестным типом?... — скорее утвердительно, нежели вопросительно сказал Кекс.

— Угу. Из «Ать-два».

— Твою мать, — выругался Кекс. — Значит, или через недельку найдется в Зоне сухим, или...

— Лучше бы или, — буркнул Жучара. — Только я не верю.

— Слежение, конечно же, не сработало, — Кекс снова принялся пророчествовать. — И никто ни хрена не запомнил. Так?

— Так, — подтвердил Жучара безрадостно. — Я сам у вояк вчера сидел. Правда, ушел раньше, до Полоза. Но ребята остались, я потом переговорил с ними — ни рожна не помнят. Вояки всех свидетелей допросили — шиш с маслом, как и в прошлые разы. Но на этот раз есть одна случайная зацепочка.

Кекс поневоле напрягся.

— Давай не томи, выкладывай, — подогнал он Жучару, который именно в этот момент вознамерился отхлебнуть чаю.

Жучара подтянул рукав и оживил ПДА. Машинка у него была из современных, даже с экраным удвоителем (хотя за каким хреном это нужно в Зоне — не очень понятно). Но зато фотки или видеоролики рассматривать было не в пример удобнее, чем на компактных моноскринах. А Жучара хотел показать Кексу именно фотку.

Поелозив пальцем по экранному меню, Жучара быстро вызвал нужный файл и раскрыл его.

Кекс сразу узнал внутренность «Ать-два» — столик, за столиком теплая компания: Жучара, Басмач, Дунай, Мухомор и толстяк Феда; на заднем плане отчетливо просматривались выпивающие Полоз и ученый-контрактник, которого Кекс знал только по фамилии — Сиверцев.

— Он, что ли? — недоверчиво протянул Кекс, пытаясь вспомнить за Сиверцевым хоть один серьезный грешок.

— Не туда смотришь, — тихо сказал Жучара, увеличил масштаб и сдвинул фотку так, что на экране остался только правый верхний угол. Почти весь видимый фрагмент занимала барная стойка и все, что за ней находилось, включая верхнюю половину бармена, кусочек салаги-дневального с тряпкой в руках и полки с шеренгами бутылок.

Зато в левой части фрагмента запечатлелся некто, сидящий на высоком табурете у самого края стойки. Он был с ног до головы укутан во что-то вроде бесформенного балахона — не дать ни взять бедуин или средневековый монах. Кроме балахона и капюшона, Кекс сумел разглядеть только кончики пальцев на стакане. Изображение было темноватым и нечетким, не в пример центральной части кадра с теплой компанией, куда и наводился фокус камеры.

— Кто фоткал? — поинтересовался Кекс, быстро сообразив, что раз Жучара присутствует на снимке, то вряд ли в роли фотографа выступал он сам.

— Да хрен его знает, сидел какой-то лось военный за ближним столиком. Вообще сначала я пару раз ребят сфоткал, а потом уж этого лося попросил — хотелось быть в кадре со всеми. Но вот он, — Жучара опять ткнул пальцем в верхний правый угол снимка, — только на последнем снимке.

Кекс лихорадочно пытался сообразить, что же с неожиданно свалившейся информацией теперь делать. Но, оказывается, Жучара все уже обдумал.

— Для начала я хочу попросить тебя: сохрани это, — сказал он и положил на скатерть перед Кексом мини-флэшку размером с двухкопеечную монету. — Там говна всякого вагон, и среди него эта фотка. Так... на всякий случай.

— Боишься, что... с тобой может что-нибудь случиться из-за этой фотки? — деликатно уточнил Кекс.

— Боюсь, — не стал отпираться Жучара. — Любой бы испугался. Но отправиться вслед за Булатом, Розеном и Полозом тоже не больно охота. Вот и трепыхаюсь, как могу.

— И поэтому решил меня тоже подвести под удар? — Кекс без труда предсказал один из возможных вариантов развития событий.

— Мы давно уже все под ударом, Кекс, — мрачно процедил Жучара. — Две недели назад Розен. Вчера Полоз. Кто знает, может, ещё через две недели скажут: «Кекс пропал!». Или не Кекс, а Жук.

— О тебе скажут не «Жук», а «Жучара». Только ты сам себя Жуком называешь.

Жучара не ответил, лишь зло поиграл желваками на скулах.

— Ладно, — пробурчал Кекс примирительно. — Но хотелось бы знать — почему я? Почему эту гребаную фотку ты решил сдать на хранение именно мне?

— Во-первых, не одному тебе, — пояснил Жучара уже довольно спокойно. — Я несколько штук раздал, ты просто очередной. Только не спрашивай, кому именно раздал и сколько флэшек, все равно не скажу. Никому из вас, ни тебе, ни остальным. Поймешь почему, если подумаешь.

— Уже понял, — оценил замысел приятеля Кекс. — Только когда спросят по-настоящему... скажешь ведь, никуда не денешься.

— По-настоящему спросят — ясен перец, скажу, — не стал упираться Жучара. — Я ж не Че Гевара. И любой скажет, кто ещё не окончательно с катушек съехал. Но пока будут спрашивать — у каждого из наших останется в запасе немножечко времени. Не думаю, что так уж много, но сколько-то по-любому будет. А значит, сохранится шанс, что хоть кто-то сумеет лечь на дно или свалить достаточно далеко, что хотя бы одна фотка уцелеет, а значит, всех, кто убивает наших, можно будет попытаться вывести на чистую воду. И я тебя ещё об одном хотел попросить, Кекс. Ты вроде к Покатилову вхож. Как думаешь... Ему зачем-нибудь могли понадобиться эти смерти?

Кекс выпятил губу и пожал плечами: поди пойми этих воротил-толстосумов... Что Покатилову выгодно, а что нет — станет понятно, только когда он прикажет одно из двух: или премию тебе выдать, или без затей пристрелить в ближайшей подворотне.

— Не знаю, Жучара. Просто не знаю, — безрадостно, но честно признался Кекс.

— Я не спрашиваю тебя — знаешь ты или нет. Я спрашиваю — как ты думаешь?

Кекс скривился, словно лимон надкусил, но всё-таки поразмыслил и осторожно предположил:

— Мне кажется, что Покатилову нужнее живые сталкеры, чем мертвые. Мы ж ему хабар таскаем, а он с этого купоны стрижет.

— Хабар носят не только ему, — заметил Жучара. — Может, он так конкурентам насолить пытается?

— Да брось, насолишь так, ага, — фыркнул Кекс. — Зона большая, артефактов там прорва, и после каждого выброса становится ещё больше. Но у Покатилова и прочих воротил весь мир в клиентах, а весь мир сожрет без остатка хабар из десяти таких Зон, из ста — сожрет и не подавится. И добавки попросит. Нет, Жучара, я бы ещё понял подобную борьбу с конкурентами, если бы у Покатилова были проблемы со сбытом. Но со сбытом проблем у него нет, у него проблемы только с поставками, потому что хороших сталкеров мало, а мелюзга всякую муть копеечную из Зоны таскает, вроде «медуз» или «крови камня». На этом разве наварись?

— А, может, Покатилов хотел тех же Розена с Полозом окончательно под себя поднять? Чтобы только на него работали? А они сдуру отказали?

— Полоз, считай, только на Покатилова и работал, — пожал плечами Кекс. — Какой смысл его убирать?

Жучара поморщился, словно услышал большую глупость.

— Нет, ты погоди, — Кекс принялся развивать мысль. — Если все так, как ты сказал, то Покатилов сначала должен вербовать чужих сталкеров, а потом уж, если откажутся, убирать. Верно?

— Верно.

— Во-от! На тебя Покатилов или ещё кто из крупных заказчиков выходил? Говорил с тобой — мол, давай ко мне в бригаду?

— Нет, — мрачно ответил Жучара.

— В таком случае — чего тебе бояться? Вот если тебе предложат, а ты откажешься, вот тогда...

— Ладно, — неожиданно сменил вектор беседы Жучара. — Раз ты так считаешь, тогда обратный вопрос: как думаешь, а есть ли смысл показывать тому же Покатилову эту фотку?

Кекс быстро уловил суть:

— Думаешь, он ухватится и сам вычислит тех, кто убивает наших?

— Раз смерти сталкеров ему не выгодны — должен ухватиться.

— Должен, — Кекс иронически скривил губы. — Я даже здесь, у себя дома, предпочитаю не произносить эту фразу — что Покатилов кому-то чего-то должен.

Ирония Кекса получилась откровенно грустной — могущество людей, подобных боссу, можно было сравнить разве что с могуществом стихий. А поскольку со стихией невозможно бороться, с ней приходится сотрудничать. Увы, исключительно в роли подчиненного, чтобы не сказать пешки. Давай, Кекс, бери ноги в руки и марш в Зону, где тебя в любой момент могут сожрать, прожарить или вывернуть наизнанку. Но только ты не моги в Зоне помирать, ибо велено тебе добыть для босса то-то и то-то и в целости-сохранности доставить в «Вотрубку», где поджидают Хома с охранниками и прочими покатиловскими подручными, вплоть до кассира и бухгалтера...

Кекс мотнул головой, отгоняя невеселые мысли. Рефлексия, конечно. Гнать ее, гнать, к чертовой матери! Надо относиться ко всему просто как к бизнесу: склонил голову, напрягся, получил бабки. Ещё несколько лет, и как Редактор — снаряжение барыгам, квартиру, например, Греку, если к тому времени не гробанется, ноги в руки и ходу отсюда. К морю, к маме. И гори оно все...

— И всё-таки, — Жучара поглядел Кексу в глаза, — покажи Покатилову эту фотку как-нибудь. Если не хочешь лишний раз мозолить глаза — сам не светись, просто перешли ему, подсунь, как получится. Я нутром чую: если нас что и спасет, так это гласность и расторопность. Нельзя нам молчать и бездействовать, понимаешь?

— Нельзя, — со вздохом согласился Кекс. — Но и светиться особо тоже неохота...

— Потому я и говорю — не светись. Оставайся в тени, играй себе в прятки. Только не забывай, что ты не во дворе с пацанами играешь, как в детстве.

— Прятки, — проворчал Кекс, невольно зевнул и поглядел на микроволновку, на встроенные часы. — У нас вся жизнь — прятки. Как шарахнет — мокрое место не всегда остается, зато всегда оказывается, что кто не спрятался, тот сам виноват... Ладно, Жучара. Считай, что ты меня убедил. — Он смахнул мини-флэшку со стола в подставленную ладонь. — Подсуну я твою фотку Покатилову и придумаю, как это сделать по уму, не дрейфь. Завтра же утром.

— Тогда на ещё одну. — Жучара выудил откуда-то из-под полы вторую флэшку, точно такую же, и уронил в ладонь Кекса. — Чтобы у тебя все равно одна осталась...

Кекс только тяжело вздохнул.

— Все, проваливай, — сказал он Жучаре, вставая. — Я спать буду.

Жучара кивнул, выцедился, словно таракан, из щели между столом и кухонным шкафчиком и без возражений протиснулся в прихожую, где сразу же принялся обуваться.

— Здоров будь, сталкер! — попрощался Кекс и открыл дверь.

— И тебе не чихать, бродяга, — отозвался Жучара.

Мрачновато отозвался, не без этого. Но хотя бы не безнадежно.

И на том спасибо...

Глава шестая

У Сиверцева с утра все валилось из рук. Сначала он уронил под стол журнал наблюдений за образцами, потом на покрытый резиновыми ковриками пол лаборатории рухнула кювета с контрольной культурой какой-то Пашкиной заплесневелой дряни (задел краем халата), а в довершение всего и сам Сиверцев оступился и с размаху присел на выкрашенный серебрянкой остов муфельной печи инвентарный номер семнадцать шестьсот сорок три.

Завлаб, подполковник медицинской службы Баженов, пожилой дядька с совершенно неуставными вислыми моржовыми усами, печально поглядел на Сиверцева и сердобольно посоветовал:

— Шел бы ты домой, Ваня. Работник из тебя сегодня...

«Как из говна пуля», — мысленно завершил фразу Сиверцев, которую деликатный завлаб оборвал посередине.

— Простите, Федор Витальич...

— Да прощаю, прощаю. Ты и правда иди. Я тебе потом отгул оформлю.

— Спасибо.

— Будешь должен, — привычно отмахнулся Баженов.

Сиверцев негнушимися руками стянул халат, повесил его в шкафчик, отодвинул журнал наблюдений подальше от края стола, поглядел исподлобья на Пашку и уныло побрел к выходу.

Сержант на КПП пялился на Сиверцева участливо, но пропуск все равно проверил, потому что за нарушения контингент исследовательского центра нещадно дрючили. Не спросили, почему в рабочее время в жилой сектор направляется, — и то ладно.

В принципе Сиверцев по совету завлаба действительно собирался вернуться в общагу, рухнуть спиленным тополем на койку и попытаться уснуть.

Но ноги сами привели его в «Ать-два». За тот самый столик.

Возможно, вокруг Сиверцева образовалась некая аура потрясения и подавленности — иначе чем можно объяснить, что обычно неторопливый бармен уже через десять секунд собственной персоной материализовался у столика с подносом в руках? Причем поднос был отнюдь не пустой.

— За счет заведения, — сообщил бармен, разгружая поднос, и это Сиверцева окончательно добило.

«Блин, неужели я так раскис, что меня жалеют даже эти бутлегерские прилипалы?» — подумал Сиверцев уже не с равнодушием, а с тревогой, и эта тревога его самого почему-то обрадовала и взбодрила.

Заведение в этот раз разорилось на сотку водочки, пару бутербродиков-канапе на шпажках и полушку светлого пива. Для закрепления, так сказать, наступательного водочного прорыва.

«Полоз, — подумал Сиверцев, потянувшись к рюмке, — давай ты найдешься, а? Живым...».

И засадил водку одним ударным глотком.

Через несколько секунд голова стала кристально ясной, а давешние муть и тяжесть бесследно схлынули.

Еще по пути на работу Сиверцев, невзирая на утреннюю подавленность, кое-как обдумал вчерашнее; версию с подмешиванием в выпивку какой-нибудь дряни он решительно отверг. Химию организм обычно чувствует, и уж от себя-то самого последствия отравления никак не скроешь, биолог-исследователь мог это сказать с определенной уверенностью.

Оставалось одно: пси-воздействие.

В Зоне полно и существ-псиоников, и соответствующего оборудования — на том же Янтаре, например, хотя как именно оно функционирует, во многом ещё загадка. Кроме того, странная энергетика Зоны сама по себе имела пси-составляющую. Но то в Зоне! А Сиверцев, похоже, попал под удар пси прямо в баре «Ать-два», априори расположенном за ее пределами. Что, собственно, считается теоретической границей Зоны? Не колючая же проволока и не кордоны военных всех мастей на временных участках периметра! Говоря научным языком — границей Зоны может считаться территория, где свойства, присущие собственно Зоне, становятся пренебрежимо малыми.

Будем откровенными: пси-воздействие, от которого вполне здоровый и сильный мужик вырубается на несколько часов и практически полностью теряет память, пренебрежимо малым не назовешь при всем желании.

Сиверцев сжевал один бутербродик, поковырял шпажкой в дуплистом зубе и машинально потянулся к пиву, не прекращая анализировать события.

Что же получается? Версия первая: Зона скачкообразно расширилась, поглотив бар «Ать-два». Сиверцеву уже доводилось наблюдать скачкообразные расширения Зоны, когда очередной выброс невидимым протуберанцем вырывался за колючку и заборы и обращал обычную приграничную территорию в ещё один участок Зоны. Бывало, Зона одномоментно заглатывала населенные пункты или военные объекты вроде блокпоста или узла связи. Это сразу становилось заметным: аномалии и артефакты возникали там, где отродясь ничего подобного не встречалось. Легко догадаться, что происходит, если в людных местах вдруг возникают аномалии. Паника, страх и смерти, смерти, смерти — вот что такое каждое расширение Зоны.

Потом, спустя считанные часы, на новую территорию Зоны вторгаются полчища монстров, что тоже очень трудно не заметить любому, кто зачем-то остался на свежепоглощенной территории.

Ничего подобного в военном городке, жилом секторе и исследовательском центре сегодня не наблюдалось. А значит, версию внезапного расширения Зоны следовало отбросить. Приходилось признать, что мощная и скорее всего направленная пси-атака произведена за пределами Зоны, в приграничной территории. Черт его знает, вдруг это возможно? Сиверцев по образованию был цитологом и занимался исключительно мутагенезом многоклеточных (точнее, собственно клеток) в комплексных условиях: при повышенной радиации и при одновременном воздействии аномальной энергии, периодически извергаемой из центра Зоны по всем направлениям. Псионикой занимались биофизики в северном и обоих северо-западных секторах, Сиверцев почти никого оттуда и не знал, потому что вояки там сейчас стояли европейские, да и научный центр формировался под патронажем Евросоюза. Что, если псионики поднапряглись и таки изготовили рабочий прототип пси-излучателя, а испытать решили на ничего не подозревающих соседях?

Но куда в таком случае подевался Полоз? И почему все, кто исчез до него, потом были найдены в Зоне сухими и мертвыми? Ошизели от пси-атаки и поперли дуром куда глаза глядят? В Зоне дуром нельзя...

Нет, чушь это, во-первых — блокпост, его дуром не минуешь. Во-вторых, если ломиться по Зоне не взвидя света, то до кровососа вряд ли добежишь: эти твари к границам приближаются редко, предпочитают держаться поглубже в Зоне. А вот на аномалию легко нарваться и в относительной близости от границ. Так что безумец, прущий дуром по Зоне, при определенном везении одолеет метров пятьсот, вряд ли больше. Ну, пусть даже километр одолеет. А потом неизбежно напорется на что-нибудь смертоносное.

Розена и Булата нашли гораздо дальше первого километра от нынешних границ Зоны.

Сиверцев задумчиво сжевал второй бутербродик и уже совсем было собрался заказать ещё выпивки, но тут за столик подсели Мухомор и Феда. Оба выглядели серьезнее, чем обычно выглядят сталкеры в баре. А ещё Сиверцеву показалось, что оба были трезвы, а это также, мягко выражаясь, удивляло.

— Привет, наука, — буркнул Мухомор, присаживаясь.

Стол заколыхался, когда за ним угнезвился толстяк Феда. Угнезвился, а затем приветственно кивнул.

— И вам не кашлять, бродяги, — отозвался Сиверцев, собирая в кучу разрозненные мысли.

Этих ребят он вообще-то знал, но дружбы особой с ними не водил, поскольку они якшались с Басмачом, а Басмач Сиверцеву был крайне неприятен. Поговаривали, что Басмач когда-то входил в бандитскую группировку «Шалман», а когда ее окончательно разгромили израильские спецназовцы — почти год скрывался где-то между Лиманском и Рыжим лесом и промышлял все это время банальным разбоем: грабил всех, кто ему встречался. Это вполне могло быть и неправдой, но Сиверцев не собирался ничего проверять. Не нравился Сиверцеву Басмач, и все тут; люди, от которых подспудно ждешь удара в спину, вообще мало кому нравятся.

Против Мухомора Сиверцев ничего не имел — за этим вроде бы не числилось никаких темных дел, равно как и особых подвигов. Прозвище свое Мухомор заработал ещё в сопливые отмычечные времена, когда его угораздило по уши вляпаться на краю болот в какое-то липкое несмываемое дерьмо, и потом месяца три от начинающего сталкера ощутимо пахло, но зато гнус, комарье и мухи облетали его за милю, а какие улететь не успевали — дохли на месте почище, чем от струи дихлофоса. Запах постепенно выветрился, а свойство вопреки ожиданиям осталось, и Мухомор служил штатным пугалом для насекомых целых два года, пока все неожиданно не закончилось — вдруг, внезапно, без всякого предупреждения. На Мухомора поворчали для порядка, все, кто с ним ходил в Зону, вновь подсели на репелленты, а прозвище осталось.

Что касается Феда, то Сиверцев вообще не понимал, как человек такой комплекции может стать сталкером. Феда стал и слыл сталкером как минимум недурным. Во всяком случае, он был одним из немногих, рядом с которыми в Зоне никто не погиб. Если в команде шел Феда, команда всегда возвращалась в полном составе, с добычей и чаще всего даже без единой царапины. Сам Феда считался знатоком аномалий, и на подобные гиблые места у него действительно имелся какой-то сверхъестественный, почти мистический нюх. Или не нюх, а ещё какое необъяснимое чутье. Из-за этого Феду когда-то обозвали Гайкой, но в его случае прозвище не прижилось и умерло, а Феда продолжал оставаться Федой. Точнее, конечно, Федей, но сам он произносил собственное имя со странным нездешним твердым выговором, вот и получалось «Феда» вместо «Федя».

К полупрозвищу-полуимени привыкли быстро.

Кроме этих двоих, в команду Басмача входили ещё два сталкера — Жучара и Дунай. Молодняка в команде не было: Феда не нуждался в отмычках, а Басмача начинающие сталкеры инстинктивно обходили десятой дорогой и правильно делали. Сложный был человек Басмач.

Сиверцев не знал, чего от него хотели ребята из этой пятерки. Он лихорадочно пытался вспомнить, не имел ли с ними каких-нибудь дел пропавший Полоз, и вспомнить, увы, не мог. А с исчезновением Полоза неожиданный интерес Мухомора и Феда к персоне исследователя Сиверцева был явно связан.

У исследователей тоже бывает чутье.

— Скажи-ка, Ваня, — по-простецки начал Мухомор, — ты ведь вчера с Полозом сидел тут же, на этом самом месте?

— Сидел, — не стал отпираться Сиверцев. — А вы вот за этим столом гуляли. Я помню. Но вас, наверное, интересует, помню ли я дальнейшее?

— Ты прав, — кивнул Мухомор. — Интересует.

— С дальнейшим паршиво, — вздохнул Сиверцев. — Захмелел я. И вырубился, похоже. Очнулся только за полночь, когда тут уже патруль дознание проводил.

— Об этом я тоже хотел спросить. — Мухомор навалился на стол локтями и грудью и понизил голос: — Что могли в «Ать-два» расследовать патрульные? Откуда они вообще взялись?

— Кто-то вызвал, — пожал плечами Сиверцев.

— Кто? — вкрадчиво спросил Мухомор. — И зачем?

Сиверцев мрачно уставился на Мухомора, словно вознамерился просверлить его взглядом.

— Думаете, патрульных вызвал я?

— А что, ты?

— Нет, — твердо ответил Сиверцев. — Я после первых то ли двух, то ли трех и «му» сказать не мог, не то что патруль вызвать. Да и они вряд ли побежали бы на вызов из бара, если звонящий лыка не вяжет.

— Это да, — согласно покивал Мухомор. — Справедливо подмечено.

К счастью, продолжать расспросы в данном направлении он не стал, от чего Сиверцеву сразу полегчало.

— А вот скажи, кто за вон тем столом сидел в тот вечер? Помнишь?

Мухомор указал на стол через один от того, за которым они с Сиверцевым и Федой сейчас сидели и разговаривали.

Сиверцев напрягся, честно пытаясь восстановить в голове вчерашнее.

— По-моему, военные какие-то. То ли двое, то ли трое... Точно не помню.

— Солдаты или офицеры?

Сиверцев опять напрягся.

— Вроде офицеры. Да, точно, у ближнего погоны со звездами были. Подполковничьи. И форма явно не солдатская.

— А ещё кого из посетителей помнишь? Может, не за столиками, а у барной стойки кто-нибудь сидел?

И в третий раз напрягся Сиверцев, но на этот раз безрезультатно: в памяти словно провал образовался. Если офицеры пусть смутно, но помнились, то ничего и никого связанного со стойкой Сиверцев не запомнил вовсе. Ну, бармен по ту сторону стойки торчал, это без сомнений.

Сиверцев прекрасно сознавал, что бармена ему подсовывает не память, а элементарная логика. Где ещё быть бармену, как не за стойкой, верно?

Поэтому о бармене он вслух ничего не сказал.

— Вон там, — неожиданно подсказал Мухомор, указывая пальцем в нужную сторону, — у дальнего края стойки. Не помнишь?

Сиверцев повернул голову и поглядел туда. Сидел ли кто-нибудь там? Черт возьми, Мухомор прав, вроде бы там кто-то действительно сидел! Только вот кто?

Неожиданно у Сиверцева резко заныли виски, словно воспоминаниями он разбередил что-то запретное и кровоточащее.

— Вспоминаешь? — Мухомор явно заинтересовался терзаниями Сиверцева.

Краешком сознания Сиверцев успел уловить, что Мухомор с Федой переглянулись и что Феда полез во внутренний карман куртки, собираясь что-то достать, какую-то бумажку или, может быть, фотографию — Сиверцев даже увидел светлый краешек. Но Мухомор отрицательно качнул головой, и Феда упрятал это назад, в карман.

— Ребята, — жалобно протянул Сиверцев. — У меня башка раскалывается. Я ещё рюмашку махну и домой, спать, ладно? Вы уж не обессудьте...

Не дожидаясь ответа, он встал и, с трудом переставляя ноги, направился к стойке, за которой по все той же логике полагалось находиться бармену и где тот действительно в данный момент находился.

Однако никакая логика не могла подсказать Сиверцеву, что он не первый, к кому с подобными расспросами сегодня приставали Мухомор и Феда. И того, что к бармену они тоже уже приставали, Сиверцев так и не узнал.

Впрочем, это все равно ничего не изменило бы.

Глава седьмая

Соломон с самого утра был подозрительно немногословен. И даже очками блестел как-то раздраженно — Кекс в конечном итоге заподозрил, что босс велел ему навести на плетень как можно более густую тень. А говоря проще — ничего о предстоящем выходе толком не сообщить. Соломон любил почесать языком, и подобный приказ явно не пришелся ему по нраву. Но так или иначе, десятиминутную картавую речь Соломона вполне можно было свести к единственной фразе: шуруй за Психом и делай, что Псих скажет. И еще: если Псих вынесет из какой-то, видимо, ухоронки на Янтаре нечто неназванное, выдать Психу стандартный контейнер, принять его уже не пустым, а потом беречь этот контейнер пуще ядерной кнопки. И внутрь, что характерно, не заглядывать.

Из услышанного Кекс для себя сделал два вывода: во-первых, Покатилов ни секунды не сомневается в том, что Псих способен дойти до Янтара и что-то там ценное добыть; причем для этой части задания Кекс не больно-то и нужен. И второе: на обратном пути Кекс уже нужен, по всей вероятности — исключительно в качестве гаранта благополучной доставки контейнера с добычей в покатиловский офис. Получается, Покатилов не очень надеется на Психа в смысле постоять за себя. В принципе правильно, мародеров-стервятников в Зоне хватает, одиночку общипать — святое практически дело. Вот тут-то матерый сталкер Кекс с верным спутником Батоном и пригодятся. Против Кекса даже с усеченной до единственного салаги командой не всякий и дернется, кроме разве что совсем уж законченных отморожков или фанатиков из темных кланов. Обычные воры-шатуны скорее всего поостерегутся, ибо в Зоне и окрестностях всякий знает: Кекс и сам парень не промах, да плюс ещё работает на Покатилова. А у Покатилова память хорошая, руки длинные и денег хватает, так что ссориться с ним вредно для здоровья.

В общем, Кекс чувствовал себя сконфуженным: в качестве заурядного боевика Покатилов его никогда ещё не использовал. Да и не чувствовал себя Кекс таким уж рейнджером-суперменом. Ну, бывало, приходилось постоять за себя, не без этого. Но считать себя боевиком? Нет оснований. В этом смысле куда полезнее были бы кубические мальчишки из покатиловской охраны. Но эти ничего не стоят в Зоне, тут все понятно, их не пошлешь.

И еще: Покатилов очень не хочет огласки, к бабке не ходи. Иначе зачем было сокращать команду Кекса? И Батона-то удалось выпросить в помощь не сразу... Плюс по скупым сборочным репликам Кекс быстро осознал, что Батон знает не просто меньше самого Кекса, а ещё меньше, чем Кекс изначально предполагал. Ему скорее всего было велено только: «Сам можешь сдохнуть, но эти вот двое должны из Зоны вернуться».

После инструктажей принялись экипироваться, и тут Кекс начал понимать, почему нового напарника называют Психом.

В арсенале Покатилова чего только не было! Выбирай — не хочу, тем более за боеприпасы платить не надо, а в экзотических случаях этот вопрос очень даже немаловажен. Поэтому Кекс с Батоном без колебаний выбрали по Herstal'у образца 2012 года — собственно, вся Кексова команда обычно выбирала Herstal'ы, причем всегда одни и те же.

Псих взял выдавший виды «калаш», да ещё специально нарыл со складным прикладом, под патрон 5.45 и без подствольника. Пистолета Псих не взял вовсе. Нож у Психа был свой, по мнению Кекса, более пригодный колбасу в поезде резать, чем в Зону идти, но другой Псих брать отказался с расплывчатой формулировкой: «Да ну его, таскать только». Он и запасной рожок к своему «калашу» взял только один!

— Ты точно псих, что ли? — обреченно поинтересовался у него Кекс. — Патронов больше бери!

Псих поглядел на него длинно и печально, потом вздохнул и как-то виновато, что ли, сообщил:

— Так на Яantarь же идем... Это близко.

На это Кекс даже не нашелся что ответить.

Единственное, чего Псих взял разумное количество, — это пищевых рационов и воды.

Батон тоже косился на полупустой рюкзак Психа неодобрительно, но благоразумно молчал. Зато Кекс молчать не собирался.

— Слушай, коллега, — Кекс начинал медленно свирепеть, — ты думаешь, мы за тебя все делать будем?

— Все — это что? — уточнил Псих с таким невинным и недоумевающим видом, что Кекс практически был готов ему поверить — не понимает парень.

— Да что угодно! — гаркнул Кекс. — От собак отстреливаться, от зомби! Мы в Зону идем!

Псих довольно-таки равнодушно пожал плечами:

— От собак и зомби отстреливаться не нужно.

Кекс снова не нашелся что ответить.

Тут дверь оружейки лязгнула, приоткрылась, и внутрь заглянул один из охранников.

— Кто тут ор поднял? — угрюмо спросил он и указал сарделькообразным пальцем на Кекса. — Ты? Ну-ка, выдь на секунду...

Кекс покорно примостил Herstal на столе, рюкзак на полу и выскользнул в коридор следом за охранником. Такое с ним тоже случалось впервые: охранники никогда не вмешивались в процесс подготовки сталкерских команд к выходам в Зону. Безмолвно наблюдали в стороне — не более.

На этот раз охранник дождался, пока Кекс закроет за собой дверь и повернется к нему лицом. Потом, чуточку растягивая слова, изрек:

— Босс велел передать: заткнись и не учи Психа жизни. Сам бери чего хочешь, а ему не мешай. Это приказ. Осознал?

— Осознал, — со вздохом пробурчал Кекс. — Надо было сразу предупредить, что ли...

Охранник только хмыкнул, затем мотнул головой в сторону оружейки:

— Иди, готовься...

Кекс вернулся к своей сегодняшней команде, злой и встрепанный. Молча проверил рюкзак, проверил ПДА и запасные батареи, убедился, что таблеток антирада достаточное количество, подхватил автомат и процедил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Не знаю кто как, а я готов.

— Я тоже, — на всякий случай доложил Батон, преданно глядя на Кекса.

«Ой, не зря я Покатилова занудел, чтоб Батона со мной послали, — подумал Кекс с неясной пустотой в груди. — В Зоне один на один с Психом... во всех смыслах... Бр-р-р...».

— Я давно уже, — жизнерадостно улыбаясь, сообщил Псих. — Долго же вы собираетесь! И барахла берете, как будто на год в Гималаи...

«Иди ты», — мысленно пожелал Психу Кекс.

Вслух Кекс не сказал ничего, потому что помнил об экранах на столе Покатилова и не сомневался, что в данный момент босс за процессом их подготовки пристально наблюдает.

Напротив оружейки уже дожидался Чига, один из покатиловских водителей. Этому было глубоко начхать, кто там и как экипирован. Его дело — доставить команду к месту просачивания в Зону. Где придется входить сегодня, Кекс точно не знал. С тех пор, как Кекс стал работать исключительно на Покатилова, об этом он всегда узнавал только сориентировавшись уже в Зоне, чаще всего — вместе с рассветом.

На улице успело незаметно стемнеть. Кекс подумал, что около Зоны даже сумерки как-то мрачнее и липче, чем вдали от нее. А ещё подумал, что давненько не видел ясного неба в солнечный день.

Ну и шут с ним...

Чига водил грязно-серый «Nissan» с обычным, левым рулем, великоватый для легковушки, но недостаточно габаритный для микроавтобуса. Эдакий гибрид-почтарь, даже какая-то голландская реклама с голубем и конвертом на задней дверце осталась.

Сталкеры забрались в кормовой отсек «Nissan'a», потому что в полном снаряжении на сиденье фиг поместишься — разве что сегодняшний Псих влез бы без проблем, но только при условии, что рюкзак он пристроил бы на соседнем сиденье. Кекс привалился рюкзаком к борту автомобиля и прикрыл глаза.

«Да уж, — подумал он. — Идиотский получается выход. Хорошо, хоть дурных предчувствий вроде нет...».

Впрочем, довольно долго все шло как по маслу: Чига довез на место и указал, в какие именно кусты следует уползать; Кекс уже понял, что это за место — второй восточный блокпост. Уползли; Чига уехал. Потом не торопясь допластовали практически до самого периметра и долго ждали нужного часа. Псих вроде бы даже уснул мордой в колючую траву. Спасибо, что не храпел. Трогать его Кекс не решился. Хорошо хоть проснулся Псих очень вовремя, как раз перед пересменкой у вояк. Как пересменка завершилась и на блокпосте все затихло, Кекс засек десять минут. По истечении скомандовал:

— Двинули!

И они снова поползли. Пока сталкеры подныривали под плохо натянутую колючку, часовой вдалеке старательно глядел в противоположную сторону. Дальше Кекс по шпаргалке в ПДА провел команду через минное заграждение в буферную полосу, уже считающуюся Зоной, но ещё свободную от аномалий и крайне редко навещаемую монстрами. Тут Кекс первым делом отыскал контрабандный тайничок, вынул из него две бутылки водки — в плоских, разумеется, бутылках — и оставил сколько полагалось денег по утренним ценам. Тайничками заведовали солдаты с блокпостов, те самые, которые обыкновенно глядят в никуда, пока сталкеры проходят периметр. Офицеры, понятное дело, тоже в доле, но в то же время как бы и в стороне — сами не делают ничего, а потому их не ухватишь.

— Ну, все, — шепотом произнес Кекс, надежно упрятав ценный продукт в рюкзак (не Психу же его доверять, пусть у того в рюкзаке гораздо больше места?). — Куда дальше, я не знаю. Командуй, Псих.

Как раз начало светать. Кромешная тьма ночной Зоны медленно разбавлялась серыми, постепенно светлеющими сумерками. В Зоне начинался новый день.

— Ну, пошли. — Псих кашлянул и как ни в чем не бывало встал во весь рост. — Раньше управимся, моложе дембельнемся.

Кексу захотелось взвыть от досады, но он, конечно же, сдержался.

— Куда?!! — прошипел он. — Стоять!!!

Псих замер с поднятой ногой и в этом положении умудрился обернуться.

— Чего? — недоуменно спросил Псих.

— Это Зона, придурок! — Кекс прилагал невероятные усилия, чтобы шептать, а не орать на всю округу. — Тут не бульвар с девками голожопыми! Тут надо сначала глядеть, куда ступаешь!

— Так я глядел, — по-прежнему недоуменно сказал Псих и без всякой команды встал на обе ноги.

Кекс закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти. Потом открыл, уже слегка успокоившись. Псих все так же торчал пугалом на самом краю буферной полосы.

— Ложись, не отсвечивай, — тоскливо пробурчал Кекс и оживил ПДА. Звук, разумеется, был загоя выключен, вибрация оставлена.

Как ни странно, Псих залег. Не скажешь, что мгновенно, но, в общем, довольно умело, быстро и бесшумно.

Первым делом Кекс глянул, нет ли сообщений, — не было. Потом принялся сканировать местность. В целом впереди было совершенно чисто, только очень далеко впереди и левее обнаружилась издыхающая старая карусель. По большому счету, неосторожно стартовавшему Психу ничего и не угрожало, но кто ж мог с уверенностью сказать это заранее?

Да и вообще с уверенностью в Зоне обычно плохо: нет ее никогда.

Рассвело настолько, что уже можно было рассмотреть прилегающие окрестности. Однако Кекс и так знал, что сразу за вторым блокпостом открывается чистое поле; справа остаются полуразвалившиеся коровники, а впереди, за полем, торчат, будто диковинные грибы, три водонапорные башни и несколько небольших строений около них. Когда-то там располагались насосная станция, бытовка для работников и будка дежурного. Теперь это были унылые бетонные коробки с выбитыми стеклами и прохудившейся кровлей, тем не менее годные для вынужденной отсидки.

— Нам ведь на Янтарь, правильно? — полуутвердительно произнес Кекс. — Значит, по-любому в ту сторону. Батон, вперед; потом ты (взгляд на Психа), а я замыкающим. И попробуй только пикнуть поперек, с-сталкер хренов! Аннигилирую!

Кекс не успел придумать — как поступит, если вдруг Псих упрется. Но Псих, похоже, был покладистый малый, совершенно не склонный к спорам и пререканиям. Кексу показалось, что он даже и не подумал огорчаться, а ведь по сталкерским меркам Кекс осадил его довольно бесцеремонно. Попробовал бы Кекс так поступить, скажем, с Басмачом! Все, на выходе смело можно было бы ставить крест, потому что с этого момента Басмач думал бы не о цели выхода, а о том, как половчее наехать на Кекса.

С другой стороны — будь на месте Психа Басмач, Кекс и вел бы себя иначе. На Басмача не больно-то поорешь, пусть и шепотом, да и не подчинится Басмач, сколько на него не ори. Не та натура.

А Псих отнесся к словам Кекса с полным равнодушием: хочешь вести — веди, хочешь командовать — командуй. Мол, главное, что на Янтарь действительно туда, через поле к башням-грибам.

«Ну и славно, — подумал Кекс, окончательно успокаиваясь. — Может, он и псих, но, к счастью, не буйный. И послушненький».

Батон уже встал и ждал указаний.

— Левая башня, — задал ориентир Кекс. — И не спеши, Батон, коротким. Двигай!

Батон мягко, неспешно и настороженно зашагал вперед, словно кошка по незнакомому двору. Псих сунулся было за ним, но Кекс велел чуть обождать и идти метрах в десяти позади.

Так и миновали поле, без сюрпризов и фокусов.

Шагов за полста до остатков совершенно истлевшей от ржи сетчатой ограды Кекс дал знак Батону остановиться и присесть на корточки, а сам снова взялся за ПДА.

Глава восьмая

Выспаться Сиверцеву толком не дали. Он кое-как прилепился в общагу из бара, сомнамбулически почистил зубы над древним эмалированным умывальником, свалился в койку и забылся, но скоро кто-то принялся настырно ломиться в дверь. Сначала Сиверцев решил, что уже вечер и это вернулся с работы Пашка, потом взглянул на часы и осознал: вряд ли это Пашка, рано, только полтретьего. Значит, проспал Сиверцев часа два, не больше.

— Иду, иду, — просипел Сиверцев со сна и закашлялся. — Кхе-кхе! Кого там черт принес?

За дверью некоторое время было тихо, Сиверцев даже решил, что загадочный посетитель ушел, но вскоре стук возобновился. Бухали увесисто, то ли кулаком, то ли вообще ногой. И никаких тебе воплей: «Открывай, сволочь!» — а подобное в общаге, надо сказать, вовсе не считалось редкостью.

Тапочки у кровати сначала не хотели нашариваться, потом упорно не желали надеваться, а когда Сиверцев все же сломил их молчаливое сопротивление и наконец встал с койки, на первом же шагу он споткнулся о снятые и брошенные где попало ботинки.

Грохот зафутболенных ботинок и буханье в дверь слились в единую драм-сессию.

Сиверцев наконец-то добрался до выхода, повернул ключ в замке и отворил несчастную дверь, попутно набрав воздуху в легкие и приготовившись без затей наорать на неведомого гостя. Однако узрев этого самого гостя, Сиверцев за несколько секунд сдулся, будто отпущенный в небо воздушный шарик, которому забыли перевязать горлышко.

Гость был на голову выше Сиверцева и вдвое шире. Одет он был в необъятную пару свободного покроя, но имеющую при этом весьма строгий вид, и начищенные до блеска штиблеты с квадратными носами. Нижняя челюсть гостя тоже имела отчетливо квадратные очертания; стрижка коротким ежиком довершала картину. Глаза и нос на этом лице как-то

терялись. Если бы на госте случились ещё темные очки, Сиверцев точно ощутил бы себя провалившимся в телебоевик.

— Одевайся, наука, — протянул громила вполне мирно, даже можно сказать, добродушно. — Босс с тобой потолковать хочет.

— Какой босс? — Сиверцев растерялся и оттого начал злиться на себя.

— Главный, — все так же миролюбиво пояснил гость. — Давай, давай, шевели арматурой!

Громила втиснулся в дверной проем и легонько подтолкнул Сиверцева к стулу с одеждой.

И попробуй тут возрази...

В коридоре Сиверцев притормозил у нужной двери.

— Я это, — виновато сказал он громиле, — в сортир...

И сунулся в дверь.

— погоди, — громила без усилий остановил его, поймав двумя пальцами за рукав, отодвинул с дороги и вошел первым. Окинул взглядом помещение, заглянул во все отсеки и мотнул головой — давай, мол.

«Ну и ну, — думал Сиверцев, журча со сна. — Точно как в кино. Во что ж это я вляпался?».

Удивительно, но ему совсем не было страшно. И первоначальная растерянность, к счастью, улетучилась. Когда везут прессовать — обращаются не так, рассудил Сиверцев и просто расслабился.

А внизу их дожидался бурый «Лендкрузер» с гражданскими номерами. Как его пропустили на территорию военного городка — неведомо. И вправду большой, видать, босс у мальчика в костюме. Хотя для значительных личностей в городок попасть скорее всего проблема невеликая. Вот на территорию исследовательского центра попробуй попади! Там ни деньги не помогут, ни связи, ничего.

Ехали минут двадцать и почему-то финишировали у бара «Вотруба». Сиверцева заносило сюда всего пару раз, да и то случайно. «Ать-два» были ему заметно ближе и роднее, причем «ближе» в обоих смыслах.

На входе Сиверцева ловко обыскали-обхлопали, причем умудрились сделать это до того ненавязчиво, что у Сиверцева и обидеться-то толком не получилось. Оружия он не носил, поэтому отбирать было нечего. В самом баре громила-проводжатый не задержался, сразу увлек во внутренние помещения, где было почти совсем темно и где Сиверцева обыскали вторично. Пока глаза привыкали к скудному освещению, его успели отвести в кабинет местного босса и усадить на стул в центре. Босс восседал за столом напротив Сиверцева. Или, если быть совсем уж точным, это Сиверцев сидел напротив хозяйского стола.

— Здравствуй, Ваня, — поздоровался человек за столом. — Моя фамилия Покатилов. Слыхал, наверное?

— Слышать-то слышал, — честно признался Сиверцев. — Но только фамилию, без подробностей. Здравствуйте.

— Подробности знать не всякому обязательно, — Покатилов хмыкнул. — Догадываешься, зачем я тебя позвал?

— Не-а, — Сиверцев отрицательно помотал головой. — Я вроде не сталкер, штучек-дрючек из Зоны у меня не бывает. А плесень наша лабораторная мало кому интересна. Так что тут я пас, никаких версий. Разве что вас тоже интересуется пропавший Полоз...

— Молодец, наука, — похвалил Покатилов. — Быстро соображаешь. Угадал.

— Да чего тут гадать? — Сиверцев пожал плечами. — Последнее время меня только об этом и спрашивают.

— А кто ещё спрашивал? — поинтересовался Покатилов вкрадчиво.

— Сначала офицер из патруля, ещё в баре, ночью. А сегодня сталкеры, Мухомор с Федой. Тоже чего-то вынюхивают. Да только я мало чего рассказать могу. Срубило меня там, в баре, совершенно не по-детски. Даже рассказывать неловко, ничегошеньки не помню.

— Не ты один... Многие жалуются. Память просто отшибает. Я об этом как раз и поговорить с тобой хотел. Ибо странное творится, странное и необъяснимое. Вот погляди сюда, к примеру.

Сиверцев поглядел на стену, на которой появилось спроецированное изображение. Бар «Ать-два», выпивающие Мухомор, Басмач, Жучара, Дунай и Феда; на заднем плане — Сиверцев с Полозом, стойка, бармен...

В следующий миг Сиверцева будто кувалдой по голове ударили. Вон же он, за стойкой сидит, тот, которого никак не получалось вспомнить! В плаще каком-то нелепом или в рясе с капюшоном — Сиверцев ещё с монахом его сравнивал. Но как же башка опять разболелась, мама дорогая...

Сиверцев застонал и едва не сполз со стула на пол. Спасибо, кто-то поддержал. В виски будто раскаленные гвозди забили. Мир дрогнул, заволокся дымкой и поплыл, поплыл...

Очнулся Сиверцев в том же кабинете, только получше освещенном. В дальнем углу, ранее совершенно темном, оказывается, прятался диванчик, на котором Сиверцев в данный момент и лежал. Над ним склонился человек, в котором даже без белого халата безошибочно угадывался медик. Рядом, у изголовья, стоял ещё один.

— Пришел в себя! — громко объявил склонившийся и заглянул Сиверцеву в глаз, чуть оттянув вниз веко. — Как себя чувствуете?

Сиверцев прислушался к себе. Голова все ещё побаливала, особенно виски, но такой боли, как перед потерей сознания, уже не было.

— Жив вроде, — пробормотал Сиверцев без особой уверенности. — Я сяду?

— Попробуйте, — разрешил медик.

Сиверцев сел. Куртки на нем уже не было, а левый рукав рубашки был закатан по локоть. На коже виднелся след недавней инъекции.

— Что это было? — поинтересовался Сиверцев.

— Обморок, — охотно пояснил медик, присаживаясь рядом. — Глубокий обморок на почве мощного психоблока. Вы вспомнили то, что должны были начисто забыть, ну организм и разрядился таким вот образом. Не волнуйтесь, психоблок я как мог снял. Не будет больше обмороков, хотя головные боли не только возможны, но и вероятны. Будет ломить виски — пейте анальгетики, любые, к каким привыкли. Только без фанатизма. Мне сказали, вы биолог, это правда?

— Да, цитолог, — пробормотал Сиверцев, морщась.

— Тогда чего я вам объясняю? — Медик встал. — Все, Виктор Павлович, моя помощь тут больше не требуется. Расспрашивайте, только недолго, если это возможно. Минут пятнадцать-двадцать. Потом ему рюмку коньяку — сосудики расширить, и пусть гуляет.

— Спасибо, Саша, — поблагодарил Покатилов и встал из-за стола.

Саша и второй медик (видимо, санитар) из кабинета вышли. Помимо хозяина остался ещё бесстрастный субъект у стены, в противоположность доставившему сюда Сиверцева громиле худощавый и какой-то на вид ломкий, словно пересохший цветок в вазе.

— Ну, что? — Покатилов подошел поближе и сел (стул моментально подставил ломкий охранник). — Продолжим?

Сиверцев кивнул.

— Хорошо. Тогда рассказываю. Из Зоны наружу повадился ходить контролёр. Он приходит в первый попавшийся бар, какое-то время просто сидит наблюдает. Потом намечает жертву, обычно кого-нибудь из stalkеров, и берет ее под контроль. Ещё берет операторов службы наблюдения и охрану — первые отключают запись и трут уже записанное, вторые не мешают уходить из бара. Посетителям просто ставится амнезийный психоблок, чтоб самого контролёра никто не запомнил. Жертву или жертв, если их несколько, контролёр уводит в Зону. А теперь, Ваня, подумай как биолог и опровергни эту сказочку.

Особо думать тут было нечего, поэтому Сиверцев заговорил почти сразу:

— Не, это вряд ли возможно! Во-первых, мутанты не способны покидать территорию Зоны: за ее пределами они довольно быстро гибнут, а тела их разлагаются. Их метаболизм

крепко завязан на высокий радиационный фон и постоянное пребывание в мощном аномальном поле, без этого они не жильцы. Во-вторых, вы приписываете контролёру слишком уж сложное и осмысленное поведение. Насколько я знаю, это тупые и алчные твари, практически лишённые интеллекта, а других мутантов или сталкеров контролёры берут на поводок только в качестве загонщиков для мяса, для добычи. В-третьих, я сомневаюсь в их умении ставить даже простенькие психоблоки. Способность контролировать живые существа может иметь вообще не псионическую природу. Вот смотрите: контролёры легко подчиняют любого зомби. Но у зомби вместо работающего мозга — гнилой кисель. Какие там могут быть психоблоки, какая псионика? Зомби вообще непонятно как функционируют, в случае с ними уже не биология работает, а не пойми что. Я, во всяком случае, не понимаю, а я, как вы верно подметили, биолог... Достаточно для ответа с ходу?

— Достаточно, — спокойно ответил Покатилов. — Что ж, твои выводы совпадают с выводами остальных экспертов. Я ведь, сам понимаешь, не только у тебя спрашивал. Но вообще-то контролёр со свитой как-то раз уже выходил из Зоны и именно для того, чтобы увести с собой человека.

— Это вы намекаете на историю с хемулевой плясуньей? — быстро сообразил Сиверцев. — Так согласно легенде контролёр вместе с зомби в итоге и обратились в биомассу в первые же два-три часа, как я и говорил только что. И поход затеял отнюдь не контролёр, а то ли темные, то ли вообще хозяева Зоны. Только это ж легенда, поди теперь разберись, что там и как произошло на самом деле...

— Ладно, тогда ответь: кто уводил Полоза и остальных? Кто ставил тебе и остальным психоблоки? У тебя стопудово стоял психоблок, доктор сказал.

— Я не знаю. — Сиверцев насупился. — Честно. Знал бы — не стал бы молчать. В конце концов, Полоз мне был вроде как приятель, да и Диму Булата пропавшего я неплохо знал. Какой мне смысл хитрить и недоговаривать?

— Я не считаю, будто ты хитришь, — сказал Покатилов, и Сиверцев ему отчего-то поверил. — Я просто хочу, чтобы ты подумал и рассказал мне — кто это вообще может быть, если не контролёр? Дай хотя бы одну правдоподобную гипотезу, ты же ученый. Я не тороплю, пара деньков у тебя есть. Если надо, отгулы тебе и на завтра-послезавтра организуют. Ну а за мной в случае чего не заржавеет, все, кто работает на Покатилова, имеют свой честно заработанный кусок хлеба с маслом да с икоркой, это всякий знает.

— Вы предлагаете работать на вас? — сухо уточнил Сиверцев.

— А почему нет?

— Вообще-то у меня контракт с исследовательским центром. И он действует ещё два с половиной года.

— Разве кто-то требует расторгнуть контракт? — усмехнулся Покатилов. — Да работай себе на здоровье, выращивай плесень, двигай науку! Мне нужны консультации, только и всего. Единственное что — консультировать будешь здесь, в этом кабинете, и более нигде. Это не обсуждается. Ну, как?

Сиверцев появился несколько секунд для приличия и сдался:

— Совершенно не вижу, отчего бы благородному дону цитологу не консультировать время от времени другого благородного дона... Особенно если это не противоречит основному контракту.

— Ну и прекрасно. — Покатилов встал. Только сейчас Сиверцев обратил внимание, насколько он высок и крепко сложен. — Считай, договорились. Ребята тебя проводят и доставят откуда вынули. Если желаешь — накати рюмашечку в баре, там все в курсе, нальют. Кстати, и доктор говорил, что тебе не помешает. А послезавтра жду в гости.

Сиверцев тоже встал, и его сразу же ощутимо повело вбок. Но под локоток тут же заботливо придержали.

«Видимо, у Покатилова так заведено, — подумал Сиверцев. — Упасть не дадут, даже если померешь на ходу. Но ловко он меня вербанул, ой ловко...».

Рюмашечку Сиверцев не удержался и всё-таки накатил. А чего? Консультации тоже предполагают гонорар — хотя бы и такой.

Глава девятая

— Стоп! — скомандовал Кекс перед самой опушкой. — Привал!

Батон облегченно вздохнул и огляделся, выбирая место, куда можно безбоязненно повалиться. Он порядком устал, потому что долго шел первым. Физически это ненамного труднее, зато нервы выматывает — будь-будь!

Пока никто никуда не вляпался, но каким бы Батон ни был тугодумом, он прекрасно сознавал, что наивысшие шансы неожиданно нарваться на один из сюрпризов Зоны именно у него.

Псих продолжал удивлять Кекса. С точки зрения нормального сталкера он вел себя не то что беспечно — вопиюще беспечно! Даже на ПДА не взглянул ни разу, сколько Кекс за ним исподтишка не наблюдал. Он вообще не доставал ПДА из кармана. Или где там у него ПДА? Кекс не очень удивился бы, если бы оказалось, что Псих носит детектор в рюкзаке.

«Кстати, — подумал Кекс. — А не проверить ли его на вшивость? Не помешает, чую...».

— Эй, Псих, — обратился он к спутнику. — Дай-ка ПДА на секунду, мой чего-то барахлит.

Псих, уже успевший присесть на поваленный ствол дерева, в котором отдаленно угадывалась сосна, поглядел на Кекса печально.

— А что не так? — поинтересовался он, шмыгнув носом. — Тут вроде спокойно все.

— Да хочу взглянуть, чего там впереди... Дай гляну, жалко тебе, что ли?

Псих насупился; было видно, что он колеблется. Потом махнул рукой и полез во внутренний карман комбинезона.

«Н-да, — подумал Кекс с досадой. — Внутренний. Надо думать, по фонащей местности он ходит мало...».

В принципе Кекс подозревал, что ПДА у Психа паршивый. Но увидеть настолько допотопный гроб все же не ожидал. Древний налаженный КПК, единственным преимуществом которого мог бы считаться довольно большой экран, если бы не присущее всем старым гаджетам доисторическое разрешение и неизбежная крупнозернистость.

«Мама, — подумал Кекс, затаив дыхание, — роди меня обратно. Как Псих вообще жив ещё с такой балалайкой, не понимаю...».

Потом Кекс долго жал на кнопку (не сенсор даже, а настоящую механическую кнопку) включения. Гаджет признаков жизни не подавал.

— Что, не работает? — Псих приподнял брови, а затем требовательно протянул руку: — Наверное, батареи сели...

Кекс молча перевернул КПК экраном вниз и подковырнул ногтем крышку батарейного отсека.

«Как бы тут не оказались батареи старого образца, ёшкин кот, — озабоченно подумал Кекс. — С этого станется».

Действительность снова превзошла все ожидания Кекса. Батарейный отсек был пуст. То есть вообще пуст, без каких бы то ни было элементов питания.

Не веря себе, Кекс поднял изумленный взгляд на Психа.

— А где батареи, напарник? — медленно проговорил Кекс, не в силах поверить в увиденное.

Псих перестал притворяться.

— Вынул, — уныло признался он. — Хрен ли их носить? Лишний вес только. Я ПДА действительно не пользуюсь. Ношу, чтоб не приставали с глупыми расспросами — где, мол, твой ПДА?

— А если всё-таки понадобится? — спросил Кекс; получилось неожиданно жалобно, словно это он, Кекс, носил ПДА без питания, а не теоретически ведущий группы. — Хрен с тобой, есть у меня резервные батареи, вставляй и пользуйся. Только не доводи меня до греха, напарник, прошу, не доводи! Я ж могу не выдержать!

Псих свесил голову ещё ниже.

— Не помогут батареи. Там экран треснут. Включается, клавиши горят, а экран — нет.

Сидящий в сторонке Батон не выдержал и всхрипнул в кулак, а потом и заржал чуть ли не в голос. Кекс сердито на него покосился.

— Ущипните меня, — попросил Кекс загробным голосом. — Я сплю.

Батон продолжал сдавленно перхаться в кулак. Долго перхал, почти минуту.

— Как же ты по Зоне ходишь, а? — сочувственно поинтересовался Кекс. — Или ты только говоришь, что ходишь? Колись, Псих, мне ж тебя вытаскивать, иначе Покатилов голову снимет!

— Как-как, — буркнул Псих. — Кверху каком! Глазами смотрю, куда можно, куда нельзя. Как видишь, жив пока.

— И куда тебе посчастливилось заходить? До Свалки доковылял хоть разок?

Псих пожал плечами и без видимой рисовки, вполне обыденно сообщил:

— Да я практически везде бывал. Только на саму АЭС не совался — стремно там, честно говоря.

— Что значит — везде? И на Радаре?

— И на Радаре.

— И в Лиманске?

— И в Лиманске, — подтвердил Псих. — А что?

— Прости, мил человек, — вздохнул Кекс сокрушенно, — но я тебе не верю.

Псих неожиданно ухмыльнулся:

— Ну, не верь, какие проблемы!

Любой сталкер на его месте принялся бы с жаром доказывать свою правоту, причем безотносительно того — бывал он на самом деле в Лиманске и на Радаре или только врет, что бывал. Чем жарче доказывал бы — тем вероятнее ложь и бахвальство.

— А скажи тогда, — быстро нашелся Кекс, — как в Лиманске памятник стоит? Рукой вперед или как-то еще?

— Какой памятник? — Псих насторожился, с него вдруг мигом слетело все недавнее легкомыслие.

— Ну, памятник Ленину. — Кекс лучезарно улыбнулся. — Их же в прошлом веке в каждом селе было понатыкано! Напротив гастронома который. Гастроном в Лиманске один, памятник тоже. Спутать невозможно.

Псих поглядел на Кекса словно на чумного, а потом медленно и раздельно произнес:

— В Лиманске напротив гастронома нет никакого памятника. Там фонтан всю жизнь был.

Поймать Психа на дурняка не удалось: он либо действительно бывал в Лиманске, либо умел слушать и запоминать чужие байки, так что ответ его ещё ничего не доказывал. Надо было импровизировать дальше.

— Хм-м-м, — миролюбиво промычал Кекс и украдкой поглядел на ПДА. — А ведь и правда фонтан! Запомнил я совсем.

Псих не ответил, вздохнул только.

— Да шут с ним, с памятником! Знаешь, что ещё я хочу, тебя попросить? Погляди глазами, как ты умеешь, и поведай нам, где расположена ближайшая аномалия?

— Да вон. — Псих не задумываясь указал за спину беспечно развалившемуся у дерева Батону. — «Жарка», слабенькая, но запечь сможет влегкую. Если обходить, я бы пошел слева, вон через те кусты, там чисто.

Псих был прав, на самой опушке действительно тлела почти невидимая в свете дня «жарка», ПДА ее показывал вполне отчетливо. Батон мог без опасений прилечь там, где

сидел, но если бы он вздумал отойти на пяток шагов за ствол (отлить, к примеру), мог бы и вляпаться.

Батон сразу начал беспокойно озираться.

— Во как... — Кекс немного смутился. Он не ожидал, что и на второй вопрос Псих так легко, быстро и правильно ответит. — А...

— Слушай, Кекс, — внезапно перебил его Псих. — Давай не будем тут долго сидеть, а? Как-то тут неуютно.

— Пожрать бы надо, — озабоченно встрял Батон. — У меня уже кишка узлом. А, Кекс?

— Я бы тоже пожрал. — Кекс прищурился, подозревая, что Псих просто поменял тему, не желая дальнейших расспросов и экзаменов. — Что ты предлагаешь?

— Давайте в деревушке отсидимся? Вон там, уже крайние дома рассмотреть можно. — Псих махнул рукой в сторону опушки. — Я знаю удобное место, вам понравится. И пожрать, и дух перевести. Можно даже заночевать, но по-моему, рано ещё устраиваться, успеем Свалку пройти до темноты, если не волынить больше часа.

Кекс коротко поразмыслил. С одной стороны, полагаться на Психа ему совершенно не хотелось. Невзирая ни на что, не верил Кекс в сталкерский опыт этого странного парня, утверждающего, будто без ПДА по Зоне шастать удобнее. Однако мимо близкой деревеньки Кекс и сам ходил не единожды и ничего особенно страшного там не помнил. Ну, собаки иногда забредают, так их везде в Зоне полно, не повезет — и в лучшем укрытии достанут. Поэтому Кекс решил: пусть Псих показывает свою ухоронку. Если все нормально — там и перекусон устроить можно, а если что-нибудь пойдет не так, уйти оттуда тоже не проблема.

— Ладно, — вздохнул Кекс, вставая на ноги. — Веди... следопыт. Батон, ты следом.

Потом поглядел Психу прямо в глаза и уточнил:

— Слева от «жарки». Там действительно чисто.

Через полчаса они сидели в тесной летней кухне, расположенной на задах одного из деревенских подворий. Кекс смутно припоминал, что в дом, который сейчас виднелся в окошко и заслонял большую часть пейзажа, он даже когда-то лазил. Но шариться по дальним сараям и прочей бревенчатой дребедени, которую понастроили рачительные селяне за долгие годы, у него и мысли не возникало. То ли собаки мешали, то ли ещё что. А ухоронка была хороша! Во-первых, две стены глухие, примыкают к прекрасно сохранившемуся сараю; обе сделали бы честь любому бастиону — не прошибешь и танком. Во-вторых, есть небольшой чердачок, через который в случае чего можно уйти, если входную дверь перекроют. В-третьих, если не лениться и периодически поглядывать в каждое из трех оконце, просматриваются почти все подходы, а что не просматривается — легко способен контролировать часовой с крылечка. И, наконец, в-четвертых, под кухней имелся обширный подвал, да не земляной, а каменный, с капитальной кладкой и запирающимся люком. Любой выброс можно пересидеть без проблем. В подвале было сухо, на полках рядами выстроились банки-склянки с бывшей консервацией, хотя нынче все это больше напоминало музей застарелой плесени. И ещё в подвале имелась печурка, точно под основной печью наверху, а дымоход у них был общий. Псих прекрасно знал, какая заслонка за что отвечает и вообще где что расположено. Когда решили приберечь саморазогревающиеся консервы и сообразить кипяточку под сублиматы, он моментально добыл откуда-то из-под лавки ведро с углем и несколько журналов на растопку.

Кекс ничему особо не удивился: в зоне много укромных мест, и опытные сталкеры всегда найдут, где с комфортом пересидеть и сутки, и двое, а если потребуется — и дольше. Но тут было как-то уж чересчур уютно, словно и не Зона. Только занавесочек на окнах не хватало.

И ещё Кекса поразили журналы, которыми топил напарник. Он ожидал увидеть какую-нибудь «Науку и жизнь», «Огонек» или «Радянську жінку», которых видал-перевидал и в Припяти, и в Лиманске, да и в нынешнем жилье Кекса вне Зоны две тумбочки были забиты подобной макулатурой советского периода.

Но журналы в этой ухоронке были старше советской власти. Подшивка «Ukrainian Wireless News» за 1913 год. И выглядела подшивка в лучшем случае прошлогодней — даже бумага не пожелтела...

Глава десятая

Врач у Покатилова явно был неплохой: по его совету Сиверцев заглотил таблетку ибупрофена, голова помалу успокоилась, и вскоре он действительно отключился. До самого утра Сиверцев спал крепко, без сновидений, как здоровый и сытый младенец. А поскольку залег ещё засветло, замечательно выспался и к жизни восстал бодрым и свежим. Взырошенный и измятый с просыпу Пашка как раз собирался на работу.

— Привет, счастливцев! — пробубнил Пашка, ненадолго вынув изо рта зубную щетку.

— Привет, страдалец, — ухмыльнулся Сиверцев, потягиваясь. — А почему это я счастливцев?

Пашка отмахнулся, жестом дав понять: отстань, не видишь, зубы чищу?

— Ну и ладно. — Сиверцев зевнул, нашарил тапочки и убрел в сортир. Общага была холостяцкая, так что никого он в коридоре не рисковал перепугать семейными трусами в крупный цветочек.

Перед дверью сортира он неожиданно вспомнил, как охранник Покатилова вчера сначала проверил — нет ли кого внутри, и только потом запустил подопечного. Вот дьявол, ну кто там может прятаться такой страшный? Полуразложившийся контролёр из Зоны?

Хрень собачья. Но холодок по спине все равно прогулялся.

Однако в сортире не хоронились никакие монстры, только сосед из двести четвертой читал обрывок газеты прямо на очке.

— Бог в помощь... — пробурчал Сиверцев и подался к ближайшему писсуару.

Когда он вернулся в свою двести третью, Пашка уже одевался.

— Так почему счастливцев? — повторил вопрос Сиверцев.

— Не придуривайся, Ваня, — сказал Пашка со вздохом. — Четыре отгула подряд — это не счастье, что ли?

— А что, Баженов аж четыре выписал?

— Выписал... Сначала, правда, только один, но потом вестовой приказ из первого отдела притаранил. Так, мол, и так, в интересах следствия настоятельно просим предоставить младшему научному сотруднику Сиверцеву три дополнительных отгула, начиная с...

— Офигеть, — буркнул Сиверцев. — В интересах следствия, значит...

— Про Полоза спрашивали? — участливо поинтересовался Пашка.

— Не только, — машинально ответил Сиверцев. — Причем ни разу не первый отдел...

— А кто?

Тут Сиверцев спохватился. В принципе молчать о вчерашнем ему никто не велел. Но и болтать направо-налево тоже вряд ли разумно.

— Да так, — уклончиво ответил он Пашке. — Люди одни. Видимо, не последние в округе.

— Уж понятно, что не последние, — закивал Пашка. — Ну, все, я побежал, а то опоздаю...

— Там мои пробы можешь на зады задвинуть, я не сегодня, так завтра все равно заскочу, обработаю! — крикнул он вослед коллеге.

— Лады! — на бегу кинул тот.

«И чего мне теперь делать? — подумал Сиверцев несколько растерянно. — Спать не хочется... Жрать зато хочется. Пойти в столовку, что ли? Или сразу в бар? Так в баре цены кусаются...».

Однако, поразмыслив ещё какое-то время, Сиверцев всё-таки решил идти в бар. Покатилов чего от него ждет? Каких-либо идей насчет случившегося и адекватного анализа

на основе этих идей. В баре, конечно, снедь дороже. Но зато там постоянно толкутся сталкеры. А кто лучше всех знает Зону и тварей, ее населяющих?

То-то и оно. Окупятся барные деликатесы, если, конечно, Покатилов не врет и действительно такой крутой и щедрый. Слуга себе, отец бродягам...

И Сиверцев направился в «Ать-два», причем кружным путем, потому что обычно бар открывался для посетителей только в девять утра. Есть шанс и проветриться, и пошевелить мозгами. Чтобы в дальнейшем подкатываться к бродягам не с абстрактными вопросами про Зону, а с вполне конкретными. Следовало также прикинуть, с кем ещё имеет смысл переговорить, кроме сталкеров. Кто из коллег-научников имеет большой опыт полевой работы и нюхал Зону вживую? Надо подумать...

Вроде группа Тараненко недавно вернулась аж с Милитари, где стояла лагерем почти месяц, а теперь плотно засела по лабораториям, обрабатывая все, что нарыли и наизмеряли в Зоне. Самого Тараненко Сиверцев знал плохо — калибр не тот. Дабы подкатиться к Тараненко, даже у Баженова калибр не вышел, даром что по возрасту усатый завлаб годился Тараненко в отцы. Зато у Тараненко был цепкий ум прирожденного исследователя, да и администраторскими талантами судьба его не обделила, иначе в свои неполные сорок лет он вряд ли сумел бы возглавить одно из наиболее престижных направлений в разгадке грустных тайн черныбыльской Зоны.

Группа Тараненко занималась исследованием наиболее редких и мощных артефактов. Напрямую это вряд ли могло заинтересовать Покатилова (в контексте человеческих исчезновений). А вообще подобная Покатилову братия главным образом ради артефактов тут и оседает, потому что артефакты стоят больших денег, а некоторые — так и вовсе безумных. Но артефакты Зоны возникают не на пустом месте — их рождение обусловлено цепочкой определенных событий и условий, связанных с аномалиями, выбросами, да и с обитателями Зоны тоже. Поэтому самый распоследний лаборант из группы Тараненко знал о Зоне поболее многих кабинетных светил-теоретиков.

В общем, стоило к этим ребятам подкатиться, определенно стоило. Ну а из сталкеров Сиверцев в первую голову решил побеседовать с Мухомором и Федой. Нанести, так сказать, ответный визит вежливости. Они ведь неспроста к Сиверцеву давеча подсаживались, причем по тому же самому вопросу. И, Сиверцев чувствовал, сказали ему далеко не все, что знали, а спросили не все, что хотели. Раз уж встрял в это дело, придется распутывать.

Распутывать...

Сиверцев потряс головой и досадливо фыркнул. Он понял, что чересчур увлекся и поэтому рассуждает будто... ну, например, тот же следователь первого отдела, который якобы выдавил для Сиверцева отгулы. Дело, распутывать... Рано пока оперировать подобными терминами. На сегодняшний день его, цитолога Сиверцева, всего лишь навсего вытащил к себе местный мафиозо и предложил пошевелить мозгами на определенную тему. Так что нечего строить из себя Пинкертона, Ваня. Цитолог ты, цитолог, твоя епархия — вакуоли-митохондрии, а не расследования. И вообще... следует относиться к себе сдержанно-иронически, как завещали классики.

С этими мыслями Сиверцев вывернул из-за угла, одновременно глядя на часы. Было без двадцати девять. Но невзирая на это, железная дверь «Ать-два» была распахнута настежь и у входа вместе с обычной охраной из солдатиков-срочников стояли несколько громил в камуфляжах, бронеках и при серьезном оружии.

— Опа! — тихо проговорил Сиверцев.

У него нехорошо засосало под ложечкой. Неужели опять кто-то пропал, а у прочих амнезия? Нет, не может быть, ни разу ещё никто не исчезал с интервалом в сутки. Всегда проходило минимум десять дней, а то и все две недели. Может, все ещё пытаются расследовать исчезновение Полоза?

«Чего гадать, возьму и подойду», — подумал Сиверцев и решительно направился ко входу в бар.

К его немалому, удивлению не последовало никакого окрика типа: «Стой!» или «Куда прёшь?». Один из громил даже посторонился, освобождая проход. Второй веснушчато улыбнулся из-под шлема и участливо поинтересовался с сильнейшим украинским акцентом:

— Шо, выкипило?

Сиверцев напрягся лицом и мыслью и только потом сообразил, что на самом деле это никакой не акцент, а просто украинский язык, а заурядное «выкипело», видимо, местный эвфемизм, обозначающий утреннее постанкогальное обезвоживание, в России более известное как «сушняк».

Все это промелькнуло в голове очень быстро, поэтому ответ Сиверцева прозвучал вполне естественно и без ненужной паузы:

— Пыво — сыла, спорт — могила!

Без сомнений, у русака Сиверцева в свою очередь акцент был ужасный, однако и вояки, и охранники около дверей жизнерадостно заржали — и только.

— Заходи, открыто, — сказал один из срочников и приглашающе повел головой.

Ну Сиверцев и вошел, раз открыто.

Он оказался не первым посетителем. Вторым.

За дальним столиком, позвякивая вилкой о фарфор, что-то поедал толстяк Феда. Помимо тарелки перед ним стоял и уполовиненный бокал пива. От завтрака Феду отвлекать было бессмысленно, поэтому Сиверцев сразу подрулил к стойке. Бармена на месте не оказалось, наверное, отлучился в подсобку по загадочным барменским делам. Или на кухню ушел — оттуда доносилось хорошо различимое журчание льющейся воды, видимо, дневальный мыл посуду.

Через пару минут бармен появился, узрел свежего посетителя за стойкой и вальяжно приблизился. Поскольку сегодня Сиверцев выглядел вполне пристойно, за счет заведения ему, надо понимать, не полагалось.

— Привет! Яишенку какую-нибудь сообрази, а? — попросил Сиверцев. — Со шкварками. И с лучком зеленым. Только, ради аллаха, без помидоров.

Бармен флегматично чиркал в блокноте.

— Кофе? — осведомился он, записав.

— Лучше чай. Черный. И в большой чашке, не в наперстке.

— Спиртное?

— Пока пас.

Бармен кивнул, с треском вырвал из блокнота лист и указал рукой в зал — присаживайся, мол.

— Да я лучше тут, за стойкой, — пробормотал Сиверцев, а затем неожиданно для себя самого прошел к ее дальнему краю и уселся на крайний табурет. На то самое место, где чуть больше суток назад сидел некто в балахоне.

За спиной Сиверцева Феда поперхнулся пивом и зашелся в приступе мучительного кашля.

Сиверцев обернулся, округлив глаза и приподняв брови.

— Ты чего? — спросил он с легкой тревогой.

Феда, все ещё кашляя, отмахнулся — сиди, мол, сам разберусь. Ну Сиверцев и повернулся опять к стойке. Было слышно, как где-то на кухне бармен внушает повару:

— Яишницу со шкварками и с лучком. Да с зеленым, Мосол, а не с гнилью твоей со склада.

— Яиц сколько? — бурчал невидимый Мосол.

— Сколько и всегда, три. И живее давай, ща народ набежит, уже почти девять.

— Хорошо...

Народ и правда начинал собираться, появился заспанный Жучара, бросил на ходу: «Привет, наука!» и подсел за столик Феда. Туда сразу же направился вынырнувший из кухни бармен, потому что официантов видно не было — скорее всего ещё не пришли после развода. Это салаги, которые убираются на кухне, спешат в бар сразу же после восьми — тут

и поживиться им, вечно голодным, всегда найдется чем, да и взгреют за опоздание. А в официантах сплошь черпаки, эти уже позволяют себе некоторые вольности.

Странно, но со своего места Сиверцев прекрасно слышал, о чем заговорили Феда с Жучарой, хотя говорили они тихо, а сидели достаточно далеко.

— Чё это сегодня открылись ни свет ни заря? — спросил Жучара с некоторым удивлением. — Обычно под дверью кукуешь, пока девять не пробибикает.

— А сегодня не закрывались, — пояснил Феда. — Кто-то из погон распорядился. Жлобов, вон, из штурмовой роты на вход отрядили.

— С какой радости?

— Почем мне знать? Может, и после вчерашнего...

— Тише ты, — прошипел Жучара, понижая голос, но Сиверцев все равно его слышал. — Орешь, блин, как в телевизоре...

— Я не ору, — Феда тоже понизил голос. — Я тихонько. Да и нет ещё никого.

— Вон Ванька сидит, похмеляется...

— Так он далеко.

— Все равно не ори.

— Не ору, — вздохнул Феда.

Сиверцев вчера вечером не пил, поэтому опохмеляться не мог при всем желании. Перед ним на стойке вообще ничего не было. В ожидании завтрака или хотя бы чая он решил полистать журнал, брошенный на соседнем табурете в паре метров справа, поэтому поставил правую ногу на пол и потянулся за ним.

Такое впечатление, что ему тут же заткнули уши ватой. Сиверцев перестал слышать целый букет звуков с кухни — шкворчание вожделенной яичницы, стук поварского ножа о разделочную доску, монотонный голос диктора из радиоприемника или телевизора. Федю и Жучару он тоже перестал слышать. Вернее, голоса-то улавливал, но как глухое нечленораздельное бормотание, в котором невозможно было разобрать ни слова.

Подцепив журнал и снова усевшись на крайний табурет, Сиверцев мгновенно вернулся в мир отчетливых звуков.

— ...обещал подсунуть Покатилову сегодня же, — тихо, но вполне разборчиво говорил Жучара. — Он сегодня с Психом в Зону пойдет, я слышал.

«Вот те на, — растерянно подумал Сиверцев. — Тут акустическая мода, что ли, в этом месте?».

А ещё через несколько секунд пришла следующая мысль: «Может быть, как раз поэтому некто в балахоне сидел именно здесь?».

Додумать Сиверцев не успел — принесли яичницу и чай. Но пересаживаться он не стал, тем более что разговор Феды и Жучары начал его занимать.

— Что, вдвоем пойдут? — спросил Феда.

— Втроем. Батон еще. — Жучара зашелестел оберткой сигаретной пачки. — Зажигалки у тебя, понятное дело, нету?

— Откуда у меня зажигалка? Я ж не курю, — хмыкнул Феда и спросил: — А почему только Батон? У Кекса ж целый выводок отмычек.

— Хрен его знает, наверное, Покатилов так распорядился.

И громче, бармену:

— Леха, дай зажигалку!

Феда кашлянул, видимо, ещё не совсем отошел от недавнего приступа.

— А мы когда? — спросил чуть погодя.

— Не знаю. Басмач вернется, там решим.

Голос у Жучары был то ли мрачный, то ли подавленный — в общем, не такой, как всегда.

— Между прочим, Покатилов Ваньку тоже вчера к себе таскал, — как бы невзначай заметил Феда.

— И что?

— Ничего, — вздохнул Феда. — Но я бы сказал, что Покатилов интересуется теми же людьми, что и мы. Где отстаёт, где опережает, но в целом копает туда же.

— С чего ты взял, будто он копает? — поинтересовался Жучара.

Феда помедлил с ответом, то ли решал, что сказать, то ли просто переживал, пока принесший зажигалку официант вернется за стойку.

— Понимаешь... — протянул он наконец. — Покатилов не может не копать. Он ведь тертый лис, ещё с Сидоровичем начинал. Зону знает, сам туда ходил, да и сталкеров изучил как облупленных. Охота на старичков не может его не заинтересовать. Особенно в контексте... наших поисков. Заметь, из семи пропавших только Гриня не разыскивал дубликатор, и похитители это поняли довольно быстро, потому что грохнули его на самой кромке Зоны, дальше не стали тащить.

Слушая все это, Сиверцев едва дышал, а вилкой орудовал так, чтобы не дай бог не звякнуть о фарфор — ему казалось, что любой звук спугнет сталкеров за дальним столом и они немедленно умолкнут.

— Тогда получается... — тихо начал Жучара.

— Угу, — прогудел Феда. — Следующий — Кекс. Если вернется, конечно.

— А с чего ты взял, будто Кекс знает о дубликаторе?

Феда хмыкнул, словно поражался наивности собеседника.

— Кекс может и не знать. Его просто послал Покатилов, понимаешь?

Жучара помолчал, словно переваривал услышанное.

— А Псих тогда при чем? — осторожно спросил он вскоре.

— Сам не пойму, — послышался тихий булькающий звук, видимо, Феда приложился к пиву. — Я вообще не понимаю — что он за рыба? Чайник же, грач желторотый, а в такие места забирается, где мы с тобой никогда не бывали.

— Может, просто трепло?

— Да не похоже, я ему как-то каверзные вопросыки позадавал. Ни разу не срезался. Что-то он такое знает... особенное. Видишь, и Покатилов это заметил, тут же под себя подгреб.

За столом надолго замолчали, потому что в бар потихоньку стягивался народ. Через столик от Феды с Жучарой обосновались два натовских офицера; в углу, налево от входа, уже довольно давно заседали какие-то бритые солдатики; за стойкой, только не с краю, а по центру, устроился благообразный пожилой мужчина из obsługi (Сиверцев несколько раз видел его в центре занятости и около вербовочного пункта).

А минут через пять в бар заявили Дунай и Мухомор. Эти, естественно, напрямик направились к подельникам. Сиверцев как раз доел яичницу и допивал чай. Из случайно подслушанного разговора он сделал единственный обобщенный вывод: происходящее гораздо сложнее и запутаннее, чем кажется на первый взгляд.

Впрочем, в жизни так выходит практически всегда.

Сиверцев решил пообщаться со сталкерами прямо сейчас, пока не явился Басмач, с которым категорически не хотелось пересекаться. И, конечно же, Сиверцев не собирался признаваться в том, что невольно подслушал их недавние разговоры.

Он подошел к столику и поздоровался:

— Здорово, кого не видел! Есть вопросик, бродяги. Особенно к тебе, Мухомор.

Дунай просто кивнул, Мухомор молча протянул руку для пожатия, а потом подвинулся, чтобы Сиверцеву было куда втиснуть стул, позаимствованный от соседнего столика. Феда с Жучарой с интересом взирали на биолога-контрактника, который неожиданно вовлекся в события последних недель.

— Я в продолжение вчерашнего, — сказал Сиверцев, присаживаясь. — Можно?

Обращался он к Мухомору, украдкой при этом указав взглядом на Дуная и Жучару, которые при вчерашнем разговоре не присутствовали.

Мухомор все понял правильно:

— Говори, у нас в команде секретов нет.

«Ну и чудненько, — подумал Сиверцев с облегчением. — А то придумывай ребусы да иносказания...».

— Меня вчера Покатилов отловил, — честно сообщил он. — И как раз по тому же поводу, по которому вчера вы с Федой ко мне подкатывались.

— И что? — Мухомор тщательно скрывал заинтересованность. Довольно успешно скрывал, выдавали его только глаза — жадные и беспокойные, поэтому Мухомор смотрел исключительно в столешницу прямо перед собой.

— Фотку показал... любопытную.

Тут Мухомор не выдержал и в упор взглянул на Сиверцева.

— Какую фотку?

— С посиделок тут, в баре. Снято позавчера вечером, перед тем, как Полоз пропал. Там и вы есть, и я... И ещё какой-то хмырь. Во он там сидел, у краешка стойки. Я его не запомнил. То есть совсем не запомнил, провал в памяти и — на минуточку! — психоблок поверх. Как Покатилов мне фотку показал, меня тут же и срубило. Психоблок потом доктор снимал.

— Срубило? — недоверчиво переспросил Мухомор.

Сиверцев решил объяснить, хотя был уверен, что сталкеры все прекрасно поняли.

— Ага. Увидел фотку, психоблок сработал, и я просто потерял сознание. Естественная реакция организма. Если бы доктор психоблок не снял, я бы очнулся, так ничего и не вспомнив. И не запомнив. В смысле — не вспомнив, кто сидел на этом месте, и не запомнив фотку, которую мне показал Покатилов. Но психоблок мне всё-таки сняли. Поэтому сегодня я могу рассказать чуть больше, чем вчера.

— Ну, рассказывай, — предложил Мухомор, зябко передерну и плечами.

— Вот этот тип в балахоне, он очень не хотел, чтобы его запомнили, — заговорил Сиверцев. — Это он выманил Полоза из бара. Это он поставил мне — а скорее всего не только мне — психоблок на воспоминания. Это он вынудил охрану сначала пропустить его в бар и беспрепятственно потом выпустить. Это он заставил админа вытереть все, что в этот день засняли камеры наблюдения. Покатилов думает, что это контролёр.

— Контролёр? — перебил Мухомор, не утерпев. — Здесь? Вне Зоны?

Лицо его недоверчиво вытянулось.

— Фигня, — подал голос Жучара. — Когда это контролёры и пределы Зоны начали ходить?

— Вспомни историю с подружкой Хемуля, — хладнокровно посоветовал Сиверцев. — Говорят, все, что от контролёра осталось, потом нашли в машине где-то то ли около старых «Штей», то ли у дома этой бабенки. Там ещё и зомби были, если не врут.

— Ну что ты, Ваня, как маленький, — поморщился Мухомор. — Ты этого контролёра видел? Я — нет.

— Я и не мог видеть, — ответил Сиверцев, как и раньше, спокойно. — Меня тогда здесь ещё не было, я завербовался через несколько лет.

— А я уже был, — ухмыльнулся Мухомор. — Молодой, правда, был, глупый и нахальный. Но все равно я в эти байки про монстров вне Зоны не поверил — даже тогда. Болтать-то много чего болтают, не спорю. Но ты и сам прекрасно понимаешь, что львиная доля сталкерских баек — вранье, бессовестное и неприкрытое.

— Хрен его знает, — не унимался Сиверцев. — Доказательств, понятное дело, нет. Но ведь нет и доказательств обратного. И потом, в Зоне вечно происходит что-нибудь новенькое, что-нибудь такое, чего раньше никогда не происходило. Вдруг лед тронулся — и монстры обратили взгляды за периметр? Ты можешь поручиться, что это не так?

— Ваня, — сочувственно прогудел Феда из своего угла. — Доктор тебе вместе с психоблоком ничего больше с мозгов не соскреб? Ты же биолог, бдя! Вспомни, ты мне сам рассказывал, что у порождений Зоны без подпитки аномальной энергией нарушается метаболизм, и они попросту растекаются по асфальту говенной лужей. Рассказывал?

— Рассказывал, — вздохнул Сиверцев. — Что было, то было.

— Ну и? Ты, научник, который до хрена понимает в метаболизме монстров, будешь рассказывать нам, сталкерам, которые ну просто до хренища понимают в повадках монстров, сказочки о контролёре в военном городке? Ты сам-то живого контролёра хоть раз видел, а?

— Нет, — честно признался Сиверцев. — Живого — ни разу.

— А любой из нас видел! Причем Басмач и Дунай как-то даже под колпак к одному умудрились попасть. Если бы не Жучара с гранатометом — как знать, сидел бы сейчас тут Дунай или гнил бы уже который год где-то на Агропроме...

Дунай мрачно поглядел на Феду, но ничего не сказал, только угрюмо поморщился. Он недаром слыл молчуном и угрюмцем.

— Да и вообще... Если уж на то пошло, то у контролёра не хватит ума придумать и осуществить подобное — пробраться поселковый бар и увести кого-нибудь отсюда. Ему Зоны, что ли. мало? Там кто только не шляется, контролируй — не хочу. И далеко не у каждого найдется встречный аргумент в виде гранатомета! Так на фига ему рисковать драгоценной шкурой?

Феда покачал головой напоследок и припал к бокалу, осушив его в четыре могучих глотка.

А Сиверцев вспомнил разговор с Покатиловым и решил продолжать по аналогичной схеме.

— Хорошо, будем считать, что вы меня убедили — это не мог быть контролёр. А кто мог быть? Может, излом? Эти как раз любят носить балахоны.

Мухомор досадливо фыркнул:

— Опять двадцать пять, за рыбу деньги! Излом подойдет вдали от Зоны точно так же, как и контролёр. Плюс к тому излом не сможет поставить психоблок и заморочить админа, чтоб тот повытирал все записи. Не гадай, Ваня, человек это, такой же человек, как ты или я. Может быть, даже сталкер с каким-нибудь редким пси-артефактом.

«Та-а-ак! — насторожился Сиверцев. — А вот это уже интересно!».

— С чем, с чем?

— С артефактом, — невозмутимо повторил Мухомор. — Усиливающим пси-способностями.

— А что, такие бывают? — поразился Сиверцев.

Мухомор с ехидцей осклабился:

— Что таких не бывает — пока никто не доказал. Вы ведь, ученые, доказательства страсть как любите, ага?

— Ну, дела... — пробормотал Сиверцев.

Не получилось у него остаться хладнокровным и уравновешенным, озадачили его всё-таки сталкеры. Все правильно, о Зоне они знают гораздо больше простого смертного. Говоря начистоту, Сиверцев довольно много знал о том, что Зона делает с живыми тканями и как они потом видоизменяются и функционируют. Но вот о самой Зоне... Ничего Сиверцев о ней толком не знал. Так, общие моменты. Монстры-мутанты, аномалии, артефакты. Слова. Абстрактный набор звуков. А вот когда сидишь с автоматом наперевес в каком-нибудь глухом закутке, а неподалеку воеет голодный кровосос, невидимый и оттого ещё более страшный, когда кровь стынет в жилах и цепенеют пальцы на спусковом крючке — вот это и есть Зона. Не абстрактная, а самая что ни на есть конкретная, с немудреной дуалистической перспективой: или стиснуть зубы и выжить, или запаниковать и гробануться, пополнив собой и без того обширный перечень жертв этого главного и ненасытнейшего из монстров Зоны Чернобыльской АЭС.

«В любом случае, — подумал Сиверцев, отвлекаясь, — к Покатилову идти уже не с пустыми руками. В смысле — с дельной информацией. Пси-артефакты — это определенно нечто новенькое. Да и выводы мои насчет контролёра сталкеры подтвердили, а это тоже немаловажно. Ну и подслушанный разговор... Стоит ли рассказать Покатилову о нем? Пожалуй, стоит. С такими серьезными дядями лучше играть в открытую, выше шанс остаться здоровым».

Сиверцев толковал со сталкерами ещё минут двадцать, но ничего сравнимого по значимости больше не услышал. В двенадцатом часу он попрощался и отправился в лабораторию. Отгулы отгулами, а работу все равно когда-нибудь делать придется. Да и коллег нагружать негоже — вон Пашка белым днем носом клюет, на ходу засыпает.

Пропуск на территорию исследовательского центра у Сиверцева, конечно же, был с собой.

Глава одиннадцатая

Из укрытия вышли чуть позже, чем собирались: в деревню забрели сразу три псевдоплоти и долго слонялись, невнятно бормоча, по улице, от забора до забора. Вряд ли они учуяли троицу сталкеров, скорее всего просто обитали неподалеку и считали деревню своей охотничьей территорией. Псевдоплотей Кекс не боялся — здоровому и вооруженному человеку они не противники. Хуже было другое: заслышав их бормотание, вдаль начали хрипло перекликаться и подвывать слепые собаки, и, кажется, в их милой компанше присутствовал также чернобыльский пес. Если псевдоплоти увидят или учуют людей, бормотать они станут громче, оживленнее и настойчивее, это неизбежно услышат собаки, а затем, без сомнений, пожалуют сюда лично. Сам по себе визит собак тоже не виделся катастрофой — ну, придется пострелять, эка для сталкера невидаль. Но это, во-первых, займет некоторое время; во-вторых, съест какое-то количество боеприпасов, а боеприпасы в Зоне лишними никогда не бывают; и, наконец, в-третьих — привлечет внимание всей округи. А быть в Зоне в центре внимания порою очень неприятно...

Кекс некоторое время с досадой зыркал в окно, а потом обратился к Психу:

— Давай-ка, наверное, двигать отсюда. Только задами, через деревню не пойдем. На задах ведь есть какая-нибудь тропа?

— Есть, — подтвердил Псих и поинтересовался: — Ты плотей испугался, что ли?

— Собаки воют, — пояснил Кекс. — Если плоти нас заметят — разорутся как пить дать. А собакам только дай повод... Оно нам надо? Лучше обойти и сберечь патроны.

— Разумно, — согласился Псих. — Тогда пошли. Если хотите, я поведу, за деревней аномалий — как грязи. Но пройти можно, я смотрел уже.

«Смотрел он, — мысленно хмыкнул Кекс. — ПДА ходячий... Тоже без батареек...».

Собраться, захоронить мусор и незаметно проскользнуть огородами к низинке за деревней было делом пяти минут. Огороды сплошь заросли буйной мутировавшей зеленью, однажды даже пришлось пустить в ход мачете, а потом некоторое время сидеть на корточках без движения, потому что псевдоплоти вдруг разом умолкли, словно прислушивались. Но ни одна так и не явилась на зады, а когда их бормотание возобновилось, уже глуше и тише, Кекс дал отмашку, и троица сталкеров окончательно покинула деревню.

В низинке, как и предсказывал Псих, обнаружилось скопление аномалий — слабеньких и незатейливых, к счастью, но зато довольно плотное. Псих, высунув от усердия язык, прокладывал извилистую трассу между «каруселями», «трамплинами», «жарками» и «электрами», Кекс с ПДА наперевес его контролировал и страховал. Справедливости ради следовало признать, что подсказка Психу не понадобилась ни разу, путь он проложил почти безопасный — настолько, насколько это вообще было возможно в Зоне. Миновали низинку с аномалиями, потом плоский унылый пустырь, откуда начиналась пыльная колея на запад, к одному из первых военных лагерей Зоны, ныне практически заброшенному, а там вскоре и Свалка замаячила на горизонте. Проржавевшие остовы автомобилей и тракторов отчетливо прорисовались на фоне светло-серого неба.

Перед остатками проволочного ограждения Псих остановился.

В Зоне вообще полно таких ограждений — вскоре после первой катастрофы много где вкопали столбики в рост человека и от души опутали их колючей проволокой. Ограждали все: зараженные объекты, места складирования техники, захоронения всякой дряни. За десятки лет многие столбики потеряли вертикаль и накренились, а то и вовсе попадали,

коррозия доедала проволоку, от чего та обращалась в коричневую труху. Кое-где ограды подновили, уже после второй катастрофы. Кое-где подновлять было не нужно — Зона сохраняла и столбики, и проволоку в идеальном состоянии, но таких мест было немного. Чаще всего заграждения ветшали, их разрушали ветры, дожди, радиация и неумолимое время, их валили и рвали местные тяжеловесы — псевдогиганты, например, или военные на бронетранспортерах. От взрывов и стрельбы столбы и проволока тоже немало пострадали. Кроме того, сталкеры не стеснялись когда вздумается перекусывать проволоку штык-ножами или специальными ножницами; однако во многих местах ограждения по-прежнему оставались непроходимыми для людей без специального снаряжения. Именно к такому месту Псих, Кекс и Батон и вышли.

— Так, — выразительно произнес Псих вполголоса и присел на одно колено.

Батон, умница, среагировал мгновенно — тоже присел, не дожидаясь команды.

Метрах в семидесяти за проволочным ограждением, как раз там, где начинался первый ряд обветшалых автомобилей, Кекс давно уже заметил слабое шевеление — внизу, у колес, в высокой, по колено, траве.

— Чего там? — шепотом поинтересовался Кекс, хотя был стопроцентно уверен, что это просто крысы. Они всегда копошатся по всей территории Свалки, и под открытым небом, и в полуразрушенных строениях.

— Люди, — тихо сказал Псих. — Там, чуть дальше. Давайте не пойдем через Свалку, а? Ну его... В обход, вдоль колючки, так вернее. А?

— Бэ! — передразнил Кекс, раздражаясь. — Если все время и обход ходить, никакого времени не хватит.

— Ничё, — улыбнулся Псих. — Нормальные герои всегда идут в обход!

Фраза была смутно знакомая, но откуда она — Кекс вспомнить не сумел.

Наскоро проанализировав собственное настроение, Кекс неожиданно осознал, что готов повиноваться Психу и поддерживать принятые им решения. Но — до первой ошибки, которую Кекс от напарника подспудно ожидал. Не верилось, что Псих способен долго обходиться без ПДА и оружия, рано или поздно он проколется, и тогда на первые роли поневоле придется выходить Кексу.

А с другой стороны — они в Зоне уже почти одиннадцать часов, и никто из троих ещё не сделал ни единого выстрела! Причем и необходимости в этом ни разу не возникло.

«Кстати, да, — озабоченно подумал Кекс. — За одиннадцать часов — ни одной собаки, кабана или плоти какой завалящей! В деревне — не в счет, мы их, если разобраться, и не видели, слышали только. Да что собаки — крыс даже давить не приходится! Хотя крысы больше в строениях шастают, чем в чистом поле...».

В любом случае этот необычный факт стоило запомнить. Выводы позже, пока просто следует фиксировать то, что выбивается за рамки обыденного. Внимание и память — друзья любого сталкера.

А Псих с достаточно беззаботным видом чесал вдоль ограждения на запад, даже вроде бы насвистывал чего-то. Пару раз он останавливался перед аномалиями; Кекс оба раза уже собирался лезть за гайками, но Псих именно в этот момент начинал аномалии обходить без всяких гаек. Оба раза успешно.

«Да как же он их видит-то!» — поражался Кекс.

Поражался, но молчал.

У очередной большой прорехи в ограждении Псих решил задержаться. Остановился, постоял, поводит носом туда-сюда, словно принюхивался, поозирался.

— Можно немного срезать, — объявил он через полминуты. Километр выгадаем, не меньше. Но придется по краю Свалки прогуляться, а там техника фонит — будь-буй.

— Таблеток сожрем, — пожал плечами Кекс. — Забрала опустим. Тоже мне проблема! Фонит — это на АЭС, а тут так, попыхивает...

Батон дисциплинированно полез в карман, вынул антирад, выдавил продолговатую капсулу, бросил в рот и запил из фляги. Кекс тоже добыл упаковку капсул, неотрывно щурясь на Психа, который никуда лезть и не думал.

— Дать капсулку? — спросил Кекс. И, не дожидаясь ответа, протянул одну: — На, держи.

Псих молча подставил ладонь.

Можно ходить по Зоне без ПДА и без патронов — само по себе это не самоубийственно, самоубийственны лишь следствия такого поведения. Но пренебрегать антирадом?

Псих только сделал вид, будто проглотил антирад. На самом деле он лишь поднес руку ко рту и клацнул зубами, а капсулу потом сунул в карман куртки. Кекс видел это совершенно точно, хотя намеренно повернулся к Психу боком и притворился, будто осматривает окрестности. И это уже не лезло ни в какие ворота. Радиация убивает всех без разбору, и дураков, и умных. Поэтому умные и пьют антирад, сильно смягчающий последствия излучения. Невзирая на все странности, Псих дураком не выглядел. Чудаком, сталкером с причудами — да, но не дураком. В его действиях имелась некая бесспорная система, просто Кекс никак не мог ее понять. Чего-то Кекс не знал о невольном напарнике, чего-то такого, что отличает его от остальных людей.

И вдруг пришла мысль — простая и пугающая одновременно.

«А может, он мутант? — подумал Кекс, внезапно холодея. Из темных, например. Мало ли что он из Зоны выходит? Никто ведь не знает, как надолго».

Кекс даже запнулся, но поспешил выровнять шаг.

Потом сообразил, украдкой вынул ПДА, переключил в режим биосканера и взглянул на экран.

От сердца отлегло. Кекс готов был расцеловать эти три зеленые точки, одна из которых отображала его самого. Зеленые! Все три зеленые! Будь Псих мутантом, передняя точка из этих трех была бы алой. Сканер не обманешь: метаболизм монстров и метаболизм людей различаются в корне.

Скорее по привычке, чем по необходимости Кекс уменьшил масштаб, полюбовался на багряную россыпь крохотных, в один пиксел, меток далеко справа (крысы, естественно), ещё раз уменьшил масштаб и в следующую секунду вновь запнулся и встал.

За ними кто-то шел. Из людей. Биосканер, он же портативный детектор жизненных форм «Кажан-17», утверждал, что преследователей пятеро и что в данный момент они примерно в километре от троицы.

Батон по примеру Кекса тут же замер и тихо шикнул Психу. Тот обернулся, вопросительно глядя на спутников.

Справедливо решив, что проще показать, чем объяснять от вами, Кекс скользнул мимо Батона и сунул экран чуть ли не под нос Психу.

— Кажется, за нами хвост, — процедил Кекс сквозь зубы.

Псих с интересом воззрился на экран; Батон все слышал и теперь с тревогой вглядывался назад, туда, откуда они пришли. Поскольку ограждение на самом деле было не прямым, а являлось частью окружности, оно постепенно изгибалось и загораживало преследователей от прямой видимости — если это, конечно, были преследователи.

В принципе Кекс забил тревогу рановато. Куда именно направляются эти пятеро, пока непонятно, с уверенностью можно будет это сказать только через некоторое время, по смещению меток на экране ПДА. Однако даже если они действительно двигаются той же дорогой, ещё не факт, что Кекс, Батон и Псих их интересуют. Мало ли, может, тоже на Янтарь топают! Или на Агропром.

— Давай-ка, друг, ноги в руки и быстрым шагом! — обратился Кекс к Психу. — Дорогу чувствуешь? Не вляпаемся никуда?

— Не вляпаемся, — заверил Псих. — Давай за мной!

И почесал дальше шустрее прежнего.

Кекс мельком взглянул на ПДА и на всякий случай выключил, но убирать далеко не стал. Решил запускать биосканер каждые пять минут и глядеть — что делает пятерка в километре позади, в каком направлении движется.

Первая проверка показала, что они идут по трассе Кекса, Психа и Батона, вдоль изгороди. Вторая, когда успели отмахать почти километр, утвердила Кекса в мысли, что это всё-таки преследователи.

— За нами? — мрачно осведомился Псих.

— След в след, — буркнул Кекс. — Как привязанные.

— Что будем делать?

Говорили на ходу, не сбавляя шага.

— Отворачивать надо.

— На Свалку или на Агропром? — Псих бросал фразы через плечо, потому что продолжал выбирать безопасную дорогу.

— А куда лучше?

— Я за Агропром, — уверенно произнес Псих. — В случае чего — ближе к цели. Меньше крюк.

— Значит, поворачивай...

Психа не нужно было просить дважды. Он сразу же свернул налево и повел почти точно на запад. Метрах в трехстах впереди виднелись заросли невысоких кустов; Кекс смутно припоминал, что там вроде бы течет почти невидимый в траве ручеек, а кусты растут отдельными группками вдоль него. За ручьем должна лежать неглубокая лощина, за которой уже рукой подать до старой растрескавшейся асфальтовой дороги, ведущей непосредственно на территорию бывшего НИИ Агропром. Перед самым Агропромом дорога раздваивалась; северное ответвление отклонялось, как и полагается, на север, обходя строения. Тянулось оно почти до самой железнодорожной колеи, ведущей мимо Янтара на бывшую базу «Долга» и чуть ли не к самым пенатам барыги Бармена к известному на всю Зону и окрестности бару «100 рентген».

Южное ответвление вело к корпусам Агропрома и уже на территории в свою очередь раздваивалось.

Псих очень ловко проложил путь между «чертовым колодцем» и сдвоенным «трамплином»; в одном месте пришлось пару десятков шагов идти практически назад, на восток и юго-восток, но потом, завершая прихотливый зигзаг, вновь отклонились к северо-западу.

У второго скопления кустов по ходу группы Кекс требовательно скомандовал:

— Стой!

И вынул из рюкзака бинокль.

— Залегли, орелики! — скомандовал он спутникам.

В общем-то было понятно, что он задумал.

Глава двенадцатая

Проснулся Сиверцев в том же препаскудном настроении, к котором накануне засыпал. Вроде так хорошо вчерашний день начался — отоспался, позавтракал в баре, вытянул из сталкеров много интересного и практически уже обдумал все, что будет говорить Покатилову... Осталось только на работе хвосты подтянуть. Отгулы отгулами, а сваливать свою работу на того же Пашку негоже.

Неприятности начались на КПП, когда Сиверцев проходил через чистилище. Нет, с пропуском все было в порядке, и пистолет ему в карман никто не подбросил. Оператор у пульта рядом с рамкой наподобие тех, что стоят в аэропортах на досмотре, неожиданно всхрипнул и уставился на Сиверцева.

— Ты что, в Зону лазил? — спросил он изменившимся голосом.

Сиверцев оторопел.

— В Зону? Окстись, как я туда залезу? А что случилось, собственно?

— Да фонишь ты, как килограмм плутония!!! — заорал оператор. — Бегом в медчасть, пока тут всё не позаражал!

— Фоню? — Сиверцев растерялся. Он лихорадочно пытался сообразить, где мог облучиться, и ничего путного ему в голову не приходило.

— Антирад ты, конечно, не пил? — продолжал «радовать» оператор. — Дать? У меня есть.

Он порывлся в ящике стола рядом с пультом и протянул Сиверцеву упаковку капсул.

— На! Советую сразу двойную дозу.

— И вали давай отсюда, на хрен ты нам тут не сдался, радиатор, — добавил озабоченный сверх меры начальник караула.

Сиверцев, на ходу заглотив две капсулы, помчался в медсанчасть и как мог быстро сдался врачам-радиологам. Те его быстренько упаковали и проверили. Оказалось, все не так страшно: доза заметная, но вовсе не смертельная, раза в два побольше той, которую сталкеры за несколько дней в Зоне получают. При нынешнем развитии медицины можно отпроцедуриться, расслабиться и идти домой. Сиверцева сначала подержали четверть часика в дезкамере, неприятно похожей на рентгеновскую, но глупо было предполагать, будто ему добавляют дозу и облучают дополнительно. Потом погнали в ионный душ, прямо в одежде, разумеется.

Одежду потом пришлось выбросить, вместе со всем, что нашлось в карманах. Больше всего Сиверцеву было жаль часы и мобильник. Ну и деньги, конечно, хотя денег было не особенно много. Пройдя через сканер ДНК и получив ещё две упаковки антирада, справку, талоны и указание пить побольше жидкостей (как будто можно пить что-нибудь помимо жидкостей!), принимать по капсуле дважды в день и не лазить больше по зараженным местам, Сиверцев в казенном одеянии из негнушейся, будто толстый картон, дерюги и уродливых ботинках-говнодавах поплелся на КПП, потому что на работу его в таком виде и состоянии просто не допустили бы. На КПП предъявил справку от врача, дескать, пропуск на имя такого-то пришел в негодность и изъят ввиду радиационной опасности для персонала и гражданских лиц, помаялся на улице, пока оформляли новый пропуск, потому что начальник караула опять выгнал его из дежурки. Спасибо, что не взащей, видимо, боялся прикоснуться. После чего Ваня смог-таки выйти с территории исследовательского центра в городок. На него озирались, но Сиверцеву уже было все равно. В военторге он сунул продавщице все талоны разом, сцапал пакет с двумя «Каберне», одним «Саперави» и одной «Кадаркой» и добрел до общежития, где одно «Каберне» тут же оприходовал. Анализировать и восстанавливать вчерашний и сегодняшний дни поминутно, чтобы понять, где же он облучился, постепенно расхотелось, и вместо этого Сиверцев оприходовал «Кадарку». Через полчаса наказ врача пить побольше жидкостей глянулся ему восхитительно мудрым, и Сиверцев всерьез начал собираться за пивом, потому что оставшиеся «Каберне» и «Саперави» разумнее было оставить на завтра, да и не хотелось больше вина.

К счастью, Сиверцев спохватился и никуда не пошел, а в плане жидкости решил обойтись зеленым чаем. Ко времени позднего прихода Пашки его просто сморило, чему Сиверцев потом только порадовался, поскольку Пашка, как позже выяснилось, приходил не просто так, а с коньяком, но, увидев пустые бутылки и спящего соседа, благоразумно решил дернуть коньячку с соседом из двести четвертой.

В общем, после столь сомнительных радостей трудно было проснуться в хорошем настроении.

Совершая утренний моцион до сортира на коридоре, потом умываясь-одеваясь в комнате, Сиверцев грустно, но последовательно соображал — где он всё-таки мог хватануть радиации? У Покатилова? В «Ать-два»? На работе?

Теоретически — где угодно, даже в «Лендкрузере» покатиловского громилы. На работе вряд ли, там дозиметры кругом, и контрольные, и лабораторные. Хочешь не хочешь — моментально проявится. В баре? Да ну, ерунда, бар не может себе позволить настолько грубое несоблюдение санитарно-гигиенических норм, куда уровень радиационного фона, естественно, входит. Проще уж сразу цианистый калий в еду добавлять. Покатилов тоже не производил впечатления беспечного человека, да и офис его располагался в одном здании с

другим баром, который, кстати, санитарно-гигиенические нормы обязан соблюдать ещё хлеще, потому что коммерческий, а не военный.

Что остается? Общага? Фигня, тут ежедневно солдатики со швабрами и дозиметрами, тут тряпки и вода, которыми моется пол, предварительно проходят дезактивацию. Да и вообще... Существование настолько мощного стороннего очага излучения, не важно, какого типа, на территории исследовательского центра невозможно категорически, а на территории военного городка — просто невозможно. В городке его засекут и экранируют в считанные минуты, а в исследовательском центре очаг не может возникнуть так, чтобы о нем заранее никто не знал.

Остается логово Покатилова и окрестности. Кстати, мысль о «Лендкрузере» не лишена оснований: мало ли что возят покатиловские подручные в багажнике, возможно, сами того не подозревая? Какой-нибудь чокнутый сталкер припер из Зоны какую-нибудь сильно фoniaщую хрень, продал ее барыгам, барыги перепродали покатиловским молодчикам... Хотя нет, Покатилов скорее всего покупает напрямую у сталкеров. Но не лично ведь! Вот и послал своего человека, езжай, мол, привези товар, а по дороге ещё ботаника одного захватишь, потолковать с ним надо...

Правдоподобно, конечно, но сталкеры хоть и чокнутые, но не вконец же! Хабар они обычно приносят в контейнерах, а их давно уже наострились делать на совесть. Как же должен фонить источник излучения, чтобы через стандартный контейнер просачивалась такая доза?

Н-да.

Кстати, надо бы пойти купить новый мобильник.

Сиверцев пересчитал наличность, решил, что на какую-нибудь убогонькую китайщину точно хватит, оделся и направился к двери. На полпути он запнулся, хмыкнул, вернулся в свой угол и полез под койку, в тревожный чемоданчик.

Дозиметр прихватить — точно не лишне.

У самых дверей он вторично спохватился, хлопнул себя по лбу, выудил антирад, сглотнул, запил прямо из графина и наконец-то вышел из комнаты.

«Вот мобильник куплю, — думал Сиверцев, резво спускаясь по замызганной, как и во всех холостяцких общагах, лестнице, — а потом сразу к Тараненко сунусь. Вдруг прорвусь? Не к нему, так к заму. Наплету чего-нибудь, главное — прорваться, а там кривая вывезет. И сам Тараненко, и его зам так затурканы административной работой, что успели всерьез соскучиться по чистой науке. Авось выйдет просто потрепаться, коллегиально, как бы ни о чем...».

Однако едва Сиверцев вышел на бетонное крылечко, стало понятно, что первоначальные планы приказали долго жить.

Напротив входа в общежитие стоял знакомый бурый «Лендкрузер». Стекло со стороны водителя медленно уползло вниз, и добродушный громила выразительно качнул головой — залезай, мол.

«Ну, хоть не пешком», — решил не унывать Сиверцев.

— Ты зачем вчера в санчасть бегал? — спросил громила, трогаясь.

Его тон был удивительно миролюбив, даже пронизан некоторой неясной симпатией к собеседнику, но Сиверцев за последние годы повидал столько с виду добродушных головорезов, что перестал доверять далее действительно приветливым людям. Но было ясно, что на Сиверцева пока не давят, а просто интересуются. Дескать, твое, конечно, дело, куда и зачем ходить, но вот насчет «зачем» нам неплохо бы и знать.

— Да это... — Сиверцев машинально полез в карман, куда недавно сунул дозиметр. — Пыхнуло меня где-то вчера, не знаю даже где. Сказал бы, что где-нибудь на работе, так я вчера до работы не дошел... Вылечили уже, попшикали, таблеток выдали, дозиметр, вот. Чтoб больше никуда не влез.

«Первое — мимо, — подумал Сиверцев, глядя на показания дозиметра. — Не джип».

«Лендкрузер» фонил не более, чем окружающая местность, — микрорентген двадцать с лишком, почти тридцать. Сиверцев вчера схватил заметно больше, практически критическую

солдатскую норму в полсотни миллирентген — милли, не микро! Впрочем, кто их знает, темные делишки Покатилова. Может, машину успели со вчерашнего дня дезактивировать, а добродушный громила и сам намерен бежал в медсанчасть или ещё куда-нибудь и проходил компенсационные процедуры. Нужное медицинское оборудование может иметься прямо у Покатилова на базе — с него станется. Тем более так удобнее обрабатывать вернувшихся из Зоны сталкеров, Покатилов, говорят, кадрами дорожит. До известной степени, конечно, но уж на чем, на чем, а на снаряжении и жизнеобеспечении он точно не экономит.

Потом Сиверцеву пришло в голову, что на номера джипа он не смотрел ни вчера, ни сегодня. Поди разбери, сколько у Покатилова «Лендкрузеров» болотного цвета! Это может быть вообще другая машина, не вчерашняя.

«Вот же ж, — подумал Сиверцев с веселой досадой. — Эксперимент провел, пробу взял, и тут же оказывается, что проба-то ровным счетом ничего не доказывает!».

Если дело и дальше пойдет тем же манером, тайна сиверцевской передозировки рискует так и остаться тайной. За неизвестным количеством печатей.

В покатиловский кабинет Сиверцев вошел спустя сорок минут. Дважды обысканный и щурящийся на свет настольной лампы.

— Ну, здравствуй, Ваня, — отечески поздоровался Покатилов. — Что ж ты себя не бережешь?

— Утро доброе, — отозвался Сиверцев несколько сконфуженно. — Я бы и рад побережусь, да встроенного дозиметра у меня пока нет.

— Носи портатив. Умные люди так и делают.

— Уже ношу. — Сиверцев решил, что момент как нельзя более удобен.

Он продемонстрировал Покатилову карманный приборчик, заодно измерив окружающий фон. Как и ожидалось, здесь не фонило вообще — скорее всего остаточная радиоактивность Ваниного организма была единственно заметной для дозиметра, что тот не преминул и зафиксировать.

— А где ты вчера шастал? До медсанчасти?

Сиверцев поджал губы и, словно плохо выучивший урок школьник, передернул плечами:

— Да в общем-то нигде. С утра в «Ать-два» зашел, позавтракал, со сталкерами поболтал... Оттуда и двинул на работу. На КПП меня и обрадовали.

— Я слышал, «Ать-два» теперь работает круглосуточно?

— Вроде как. Я пришел без двадцати девять примерно, уже было открыто. И охрану усилил и, штурмовики в полной выкладке дежурят.

Покатилов иронически хмыкнул и еле слышно пробормотал:

— Ну-ну...

Сиверцев решил ненавязчиво переходить к докладу:

— Между прочим, я догадываюсь, почему тот тип с фотографии выбрал именно место у края барной стойки, а не какое-нибудь другое.

Покатилов заинтересованно взглянул на биолога:

— И почему же?

— Там, по-моему, акустическая мода. Знаете что это?

— Объясни. — Покатилов не стеснялся признаться в собственном неведении относительно некоторых вещей.

Узловая точка в помещении, эдакий акустический центр тяжести. Я когда там сидел вчера, слышал, о чем сталкеры в другом конце зала шушукались. А с места встал, буквально полметра в сторону — и все, только невнятное «бу-бу-бу», ни слова не разберешь.

Покатилов неожиданно замер и вроде бы слегка побледнел.

— Ты вчера сидел на этом месте?

— Да, — простодушно подтвердил Сиверцев. — А что?

Несколько секунд Покатилов сидел неподвижно, потом обратился к кому-то в темноту:

— Хома!

В кабинет тотчас скользнул прилизанный человечек, которого Сиверцев все время встречал на границе бара и покатиловского офиса. Он неуловимо напоминал персонажей американских фильмов о тридцатых годах прошлого столетия — гладкая прическа, усики, безупречный костюм, штиблеты... Только фетровой шляпы не хватает. Но тогда прическа была бы не видна.

— Да, босс?

Ну, точно. И местные нравы под стать — папа мафиозного клана и подручные разной степени крутизны. Этот — точно из исполнителей.

— Пошли кого-нибудь в «Ать-два», — приказал Покатилов, манипулируя чем-то на столе.

На противоположной стене возникло изображение; Сиверцев сразу узнал почти точную копию вчерашней фотографии, только типа в капюшоне, Полоза, самого Сиверцева и сталкерской компании на ней не было. В кадр попал только бармен за стойкой.

— Ваня, — велел Покатилов. — Покажи, где ты сидел.

Сиверцев послушно встал, прошел к стене с изображением и ткнул указательным пальцем в нужный табурет:

— Вот тут.

— Пусть возьмет дозиметр и замерит радиацию в этом месте и в нескольких других местах бара. И оттуда перезвонит, только без лишних ушей.

— Понял, босс. Ещё что-нибудь?

— Пока все.

— Понял, босс.

Хома выскользнул за дверь, а Сиверцев вернулся к своему стулу, слегка ошарашенный. Черт возьми, Покатилов мгновенно сопоставил два, казалось бы, не связанных друг с другом факта. По чему-то Сиверцев заранее был уверен: именно этот пятачок бара «Ать-два» под акустической модой окажется радиоактивен. Имен там он вчера и хватанул излучения.

— Что ж ты, наука? — укоризненно протянул Покатилов и передразнил: — Не знаю, где облучился... Тут и думать нечего, таких совпадений не бывает. Скажешь, нет?

— Вы правы, — вздохнул Сиверцев и почесал кончик носа. — Не бывает таких совпадений.

— Ладно, выкладывай, что накопал. Накопал ведь? Вижу, что накопал.

— Есть кое-что, — не стал скрывать Сиверцев. — В том числе для меня новенькое. Но сначала по профилю: как я и говорил, сталкеры не верят в вышедшего из Зоны контролёра или какого-нибудь другого мутанта. Практически с той же аргументацией, которую я излагал вам вчера. Недостаток интеллекта для настолько осмысленных действий и биологическая потребность в непрерывной подпитке радиацией и аномальной энергией. Сталкеры полагают, что это всё-таки человек. Возможно — с пси-артефактом.

— С чем? — переспросил Покатилов.

Он повел себя гораздо спокойнее, чем ожидал Сиверцев: не изменился лицом, не делал резких движений, не повысил тона. Даже голос у Покатилова не дрогнул — эдак с ленцой уточнил непонятное, да и все.

— С пси-артефактом. Я раньше ни о чем подобном не слышал, но Мухомор уверяет, будто в Зоне встречаются предметы, усиливающие пси-способности. Не знаю, у любого человека или же изначально обладающего склонностью к псионике.

— А... — Покатилов некоторое время молча шелестел какими-то бумагами.

— Продолжать? — на всякий случай осведомился Сиверцев.

— Угу, — промычал Покатилов.

— Кроме того, сталкеры из команды Басмача сами по себе интересуются недавними исчезновениями коллег. Я думаю, даже собственное расследование проводят. Во всяком случае, они вывели следующую закономерность: все пропавшие, кроме Грини, которого в глубь Зоны даже тащить не стали, убили и бросили прямо у периметра... Так вот, этот неведомый человек с пси-артефактом уводит только тех сталкеров, кто пытается отыскать некую вещь, которую другой сталкер из команды Басмача, а именно — Феда, назвал

дубликатором. На основании этого они сделали вывод, что следующая потенциальная жертва человека в балахоне — сталкер Кекс.

Сиверцев умолк и перевел дух. Его очень интересовало, как среагирует Покатилов на сочное словечко «дубликатор».

Тот молчал ещё дольше, чем в прошлый раз, все перебирал бумаги на столе. Минуту, другую.

— Орлы Басмача в открытую болтают о... дубликаторе? — спросил Покатилов наконец, и голос у него при этом был очень нехороший.

— Я бы не сказал, что в открытую. Наоборот, они шепчутся об этом так, чтобы посторонние не услышали. О дубликаторе я, честно говоря, подслушал случайно, когда сидел в акустической моде. А вот о пси-артефакте Мухомор сообщил мне сознательно.

— Так-так. — Покатилов о чем-то напряженно думал, Сиверцев чувствовал это едва ли не физически, словно у него неожиданно проклюнулись те самые пресловутые пси-способности.

— Слушай меня внимательно, Ваня, — заговорил Покатилов ещё через пару минут. — Все, что ты сегодня рассказал, для меня важно и ценно. Ты донес эту информацию до меня — молодец, она будет щедро оплачена. Но упаси тебя боже болтать обо всем этом в баре или у себя в лаборатории. Ты меня понимаешь?

— Прекрасно понимаю, — как мог спокойно отозвался Сиверцев. — Я себе не враг. Да и вообще не имею привычки попусту трепать языком.

— Это хорошо, — буркнул Покатилов. — Это похвально. Басмач и его бродяги знают, что ты их подслушал?

— Нет. В разговоре с ними я о... об этой штуке (Сиверцев решил лишний раз то самое сочное словечко не произносить, и, кажется, это Покатилову понравилось) не упоминал. Они тоже. Кстати говоря, Басмач при разговоре не присутствовал. Я с ним вообще не люблю сталкиваться. Говорил я с Мухомором, Федой, Жучарой и этим, как его... Молчаливый такой, с постной рожей...

— Дунай, — уверенно подсказал Покатилов.

— Точно!

— А куда Басмач подевался? — Покатилов наконец перестал шелестеть бумагами на столе и взялся за телефон.

— Понятия не имею! — с легким сердцем признался Сиверцев. — Не было его. Когда я в «Ать-два» пришел, там уже сидел Феда, чуть погодя Жучара пожаловал, они вдвоем шушукались, а потом Мухомор с Дунаем заявили. Ну а после уже я к ним подсел.

Покатилов в задумчивости вертел меж пальцами коммуникатор, кажущийся в его лапищах хрупким и маленьким.

«Телефон, — вспомнил Сиверцев. — Надо всё-таки купить. Особенно если-таки дадут денег».

— Вот что, Ваня, — начал было Покатилов, но тут коммуникатор в его руках коротко тренькнул.

— Слушаю, — отозвался Покатилов, послушал некоторое время, и добавил: — Хорошо.

После чего отключился, глубоко вздохнул и произнес:

— Фонит твоя акустическая мода, Ваня. Пыль там какая-то посторонняя, как будто у самого реактора набранная. И мнится мне, фонит именно потому, что на ней некоторое время посидел тот самый тип в балахоне, с балахона пыль эта и осыпалась. Не знаю, человек он, мутант или ещё кто, но он точно из Зоны, потому что только тот, кто проводит в Зоне много времени, может быть настолько радиоактивным. Вот так-то...

Выдержав паузу, Покатилов закрутился:

— Хома проведет тебя куда надо.

«Опа, — Сиверцев внезапно накрылся мурашками. — Куда надо...».

— Да не дергайся ты, — усмехнулся Покатилов, лишний раз подтверждая, что видит посетителей насквозь. — Никто тебя не тронет. Куда надо, в данном случае — в кассу. Ты

принес ценные новости, Ваня. Надеюсь, и впредь будешь их приносить. А людей, приносящих ценные новости, надо беречь. Я, во всяком случае, берегу. Ходи, слушай, мотай на ус, у тебя неплохо получается. Усек?

— Усек...

Хома как раз заглянул в кабинет.

— Звали, босс?

— Отведи в кассу, потом наружу, — велел Покатилов.

— Понял, босс!

— До свидания, — попрощался Сиверцев, ещё не вполне успокоившись, но стараясь крепиться.

— И тебе не кашлять, — буркнул Покатилов. — Послезавтра за тобой заедут.

Мыслями он явно был уже не здесь, а в следующем своем действии в какой-то многоплановой игре с неизвестным Сиверцеву количеством участников.

Сиверцева и правда провели в кассу — тесную комнату с единственным зарешеченным и зашторенным окошечком, — а потом наружу, к выходу из бара, где поджидал все тот же охранник на «Лендкрузере».

— Куда? — спросил он, заводя двигатель.

— Сначала на рынок, мобилу купить. Потом домой, — вздохнул Сиверцев. — В общагу.

В выданный конверт он решился заглянуть только после того, как поднялся к себе, захлопнул дверь в комнату и залпом всосал половину графина воды. Заглянул и присвистнул. Покатиловский гонорар примерно равнялся контрактной зарплате за полгода.

— А я это говно одноразовое купил, — грустно протянул Сиверцев, с досадой глядя на коробку со свежекупленным простейшим мобильником. — Вот же ж...

Глава тринадцатая

Пятеро преследователей шли лихо, но все же не так быстро, как Псих. Перед проблемным местом, где почти вплотную сходились два «трамплина» и «чертов колодец», они ожидаемо задержались. Даже до бросания гайками дошло. Пока ведущий обозначал трассу, Кекс разглядывал остальных. Лиц было не рассмотреть — шлемы, полумаски, да и далековато они встали от укрытия. Но одного из пятерых Кекс идентифицировал достаточно быстро.

— Ба! Да это Басмач, чтоб мне лопнуть! — прошептал Кекс, потом шевельнул биноклем и принялся рассматривать ведущего.

В команде Басмача ведущим всегда ходил толстяк Феда. Нужно ослепнуть, чтобы принять бросающего гайки преследователя за Федю — это, несомненно, был кто-то другой, потому что Федю узнать нетрудно. Комбез у него приметный, заказной, а не серийный. А самое главное — габариты...

В общем, среди преследователей Феды точно не было. Кекс проглядел все глаза, но никого больше из команды Басмача не опознал. Либо Жучара, Дунай и Мухомор обзавелись новым снаряжением, либо это были не они. Да что снаряжение — того же Жучару Кекс легко опознал бы по повадкам.

— Так-так-так, — пробормотал Кекс еле слышно. — Интересно, с кем это Басмач спутался?

Тем временем преследователи исполнили практически тот же зигзаг, что и группа Кекса совсем недавно, и снова начали приближаться.

Кекс подумал и убрал бинокль в рюкзак.

— Значит, так, орелики. Мы просто отдыхаем, понятно? И ни от кого не прячемся. Разве что от мутантов.

И подал пример подопечным — выполз на небольшую полянку из-под куста, откуда минуту назад рассматривал преследователей, и просто сел на траве.

Батон остался в горизонтали, только перетек в позу отдыхающего, закинув за голову согнутую в локте руку, а Псих последовал примеру Кекса и тоже сел, только ноги скрестил по-турецки.

— Ты Басмача знаешь? — спросил его Кекс.

Псих отрицательно мотнул головой, но потом уточнил:

— Кличку слышал, а так — не знаю. Говорят, мутный тип.

«Мутный! — озабоченно подумал Кекс. — Это ещё мягко сказано! Как с ним Жучара, нормальный в принципе мужик, ладит — просто не понимаю. Да и остальные как уживаются — тоже в толк не возьму...».

Но вслух он ничего не сказал.

— Басмач у новичков добычу отбирает, — отрывисто произнес Батон, глядя куда-то в сторону. — Сам не видел, но людям верю.

— Ему только об этом не говори, — буркнул Кекс.

— Так мы и без добычи, — пожал плечами Батон и тихо добавил: — Пока...

Кекс по-быстрому проверил почту; от Покатилова никаких инструкций, разумеется, не поступило — не с чего. А очередная гибель Семяцкого могла удивить только записного желторотика.

— Эй, бродяги, — обратился Кекс к спутникам. — На всякий случай, дабы знали, что петь Басмачу: мы идем на Агропром, в подземелья. Что ищем — не знаете, знаю только я. Усекли?

Батон дисциплинированно кивнул; Псих только криво усмехнулся.

— Чего лыбишься? — с неудовольствием бросил ему Кекс.

— Да так, — вздохнул Псих. — Вспомнил агропромовские подземелья...

— Расскажешь как-нибудь, — буркнул Кекс. — А сейчас сиди и помалкивай.

— Знаешь что, напарник, — негромко сказал Псих. — Давайте-ка лучше перестрахуемся. Басмач — тот ещё фрукт...

Он прямо из положения «сидя по-турецки» быстро и ловко встал, причем без помощи рук, снял свой выдавший виды «калаш» с предохранителя и юркнул в кусты. Растворился, словно и не было его, Кекс даже возразить не успел.

«Твою мать! — мысленно выругался Кекс. — Как же я ненавижу вот такую самодеятельность!».

Кекс очень не любил ходить с чужаками, поскольку не подозревал, что они могут выкинуть в следующий момент. В Зоне, если ходишь командой, важна согласованность, ой как важна! Сейчас Псих поступил вопреки командной дисциплине. Никто из отмычек Кекса не посмел бы отмочить что-нибудь подобное, а вымуштровать Психа, хотя бы на словах, банально не хватило времени. В результате нужно было быстро менять линию поведения, действуя исключительно по наитию, наугад.

Впрочем, Кекс быстро сообразил, что особо менять ничего не придется, и слегка поостыл. Ему даже стало интересно, как поведет себя Басмач, когда увидит двоих, а не троих.

— Что делаем? — напряженно спросил Батон, тоже слегка офигевший от вольностей Психа.

— Сидим, — пробурчал Кекс. — Все, как я сказал, только без него.

И по примеру Батона улегся на бок.

Минуты через три-четыре Басмач и его группа приблизились почти вплотную к укрытию; от Кекса и Батона их отделяли только несколько густых и колючих кустов.

— Кто там? — громко спросил Кекс прямо из положения лежа. Herstal он благоразумно держал наизготовку.

— Здорово, Кекс, — послышался голос Басмача. — Еле вас догнали!

— Басмач, ты, что ли? — изобразил узнавание Кекс.

— А то ты в бинокль не разглядел, — фыркнул Басмач с ехидцей. — Я, кто же еще? Все как договаривались.

Между двух близкорастущих кустов протиснулся Басмач; справа и слева от него к полянке, где расположились Кекс с Батоном, вышли ещё двое сталкеров, которых Кекс по-прежнему не мог опознать. Оставшиеся двое предпочли не показываться.

— А мы договаривались? — с удивлением спросил Кекс и приподнялся на локте. — Что-то не припомню.

— То есть как это не припомнишь? — теперь удивился Басмач, скорее всего — тоже показушно.

Он повертел головой, вглядываясь в сплошную колючую поросль, и поинтересовался:

— А где третий?

— Там где-то. — Кекс неопределенно махнул рукой в сторону зарослей. — Приспичило ему. Кстати, у вас туалетной бумаги нет?

Кекс тоже любил заканчивать фразы вопросами, причем чем более дурацкими, тем в подобных ситуациях лучше.

Басмач всегда плохо владел лицом — сразу стало понятно, что он напрягся. Но нашелся он быстро.

— Эй, Псих! — произнес он громко. — Бог в помощь!

Кекс ни секунды не сомневался: сказано это для того, чтобы Псих ответил, тем самым обнаружив себя, и им занялись двое так и не показавшихся молодца Басмача. «Молчи! — мысленно воззвал Кекс к спутнику. — Молчи, ради всего святого!».

И ещё Кекс очень надеялся, что у Психа достанет мозгов скинуть штаны и пристроиться где-нибудь под кустами. Для вящей правдоподобности.

Вряд ли, конечно, Псих услышал мысленный призыв напарника. Но он даже не пикнул, отчего в глазах Кекса заметно вырос.

— Так о чем мы с тобой договаривались? — обратился Кекс к Басмачу. — Напомни, что ли!

— Не с тобой, — снисходительно сообщил Басмач. — С Покатиловым. Ты не в курсах, что ли? Он послал нас сопроводить тебя и Психа. Непокойно на Янтаре, вдвоем можно влипнуть. Вот и отрядил подмогу.

— Странно, — осторожно проговорил Кекс. — Я ни о чем подобном от Покатилова не слышал.

— А ты почту посмотри, — посоветовал Басмач простодушно.

Последние сомнения Кекса улетучились: Басмач стопроцентно врал, ибо Покатилов крайне редко отдавал распоряжения по почте, обычно лично и с глазу на глаз, в собственном кабинете. Даже если обстановка резко менялась. Но ни в коем случае не раньше, чем группа доходила до цели. Перед нынешним выходом Соломон однозначно предупредил: возможны инструкции почтой, но только в случае осложнений и по запросу от самого Кекса, естественно, парольному (запрос должен содержать кодовую фразу, со стороны совершенно невинную). Кекс такого запроса ещё не отправлял, ибо не было повода. Следовательно, Покатилов не мог отправить никаких инструкций, а Басмач откровенно врал.

Тем не менее Кекс вынул ПДА и с ленцой проверил почту. Как он и ожидал, никаких личных писем от Покатилова не было и в помине, а единственное сетевое сообщение гласило, что Семецкий умудрился погибнуть вторично за истекшие десять минут, на этот раз в Припяти.

— Чё-то нету никаких писем, — сказал Кекс Басмачу, и это было чистой правдой. — Вообще.

— Наверное, затык где-нибудь на серваке, — довольно натурально предположил Басмач. — Ладно, я тебе на словах перескажу. С утра прошла информация, что на Янтаре орудуют бандиты, новые какие-то, пришлые. Покатилов забеспокоился и решил выслать вам подмогу. Кроме меня, никого свободного не оказалось, вот я и впрягся.

— А почему без Жучары, Мухомора и Феды с Дунаем? — недоверчиво поинтересовался Кекс.

Мысленно он лихорадочно пытался прикинуть — зачем Басмач так нагло и беспардонно врет? Что он затеял, Зона его заберет?

— Не знаю, Покатилов просил мою команду не трогать. Вот, своих спецов дал. Ребята толковые, только по Зоне ходят плохо. Но ничего, нас теперь двое тертых сталкеров, и пройдем, и отобьемся, если чего!

Толковые ребята (те, что на виду) настороженно озирались, не выпуская из рук оружия, и это не ускользнуло от внимания Кекса. Басмач снова соврал: один из этих ребят вел всех остальных, включая и самого Басмача, через скопление аномалий не далее чем четверть часа назад.

Кекс хмуро покосился на Батона — тот выглядел невозмутимым, но Hertal держал как надо, стволом между Басмачом и одним из молодчиков. В сторону второго молодчика глядел ствол Кексова автомата.

Басмач начал беспокоиться:

— У вашего дружка что, запор? Эверест навалить можно за это время!

— Я ж говорил, у нас туалетной бумаги нет, он газету взял. Зачитался, наверное, — произнес Кекс не без издевки. Ему понравилось, что Псих затаился и не подает признаков жизни.

Секунду поколебавшись, Басмач велел одному из своих:

— Поторопи его!

Подельник Басмача кивнул, попятился и исчез из виду. Некоторое время было слышно, как шуршат потревоженные им кусты, но потом и это затихло.

Повисло напряженное молчание. Басмач скорее всего не придумал, что врать дальше, а Кекс просто оставался настороже, наблюдая за Басмачом и вторым его подельником, а памятуя о трех оставшихся бойцах, и по сторонам не забывал зыркать.

Прошло минут пять. Ничего не менялось; Басмач начал мрачнеть.

— Чё за хрень? — процедил он, повел вправо-влево стволом автомата, вынул ПДА и искоса поглядел на экранчик. Что-то ему там не понравилось, на экранчике. В тот же миг где-то очень близко завыл пес-чернобылец.

Басмач непроизвольно вздрогнул. Кекс с Батоном вскочили.

Прошло всего несколько секунд, и чуть в стороне, но совсем рядом, душераздирающе заорал один из подельников Басмача. Прогремли несколько коротких очередей, а затем послышались отчетливые звуки атакующей собачьей стаи. Рычание, негромкий топот лап, шуршание кустов. Лязг челюстей. Однако несколькими секундами позже поверх снова наложилась пальба.

Потом все стихло так же внезапно, как и началось.

Батон без команды встал с Кексом спиной к спине. Басмач бестолково топтался на границе полянки и зарослей, а оставшийся боец...

Вот дьявол, оставшегося бойца не было там, где он совсем недавно стоял! Только автомат на траве валялся, да тихонько покачивались ветви ближайшего куста.

У Кекса мгновенно взмок лоб.

— Батон! — просипел он еле слышно. — Прорываемся на открытое место! Вон туда, откуда пришли! Готов?

— Готов!

— Ты слева, я справа! Раз, два, пошли!

Они синхронно бросились сквозь кусты, как раз там, где полоска растительности была наиболее жидкой. Кекс косился вправо, готовый моментально дать очередь в любую появившуюся нечисть, будь то собака или сталкер-мародер, каковыми, без сомнения, являлись сообщники Басмача. Батон точно так же контролировал левый сектор. Но, к счастью, никто не появился.

Они отбежали от зарослей метров на полста, развернулись и, присев каждый на одно колено, изготовились к стрельбе. В кустах снова началось активное шевеление и собачья возня.

Кекс стиснул зубы, не отрывая взгляда от недавнего убежища.

— Поглядывай за спины! — скомандовал он Батону.

Не хватало еще, чтобы какая-нибудь пакость напала на них с тыла!

Вдруг из кустов спиной вперед вывалился Басмач. Вывалился, смачно шмякнулся на лопатки, потом перевернулся на четвереньки и проворно пополз к Кексу с Батоном. Ни автомата, ни рюкзака при нем не было. Спустя ещё несколько мгновений метрах в десяти от него из зарослей появился Псих, полностью экипированный; этот сразу коротко отсигналил: «Свой!» и рысцой побежал к спутникам. Пробегая мимо Басмача, он от души наподдал ему ногой по голове, словно футболист, выносящий мяч из своей штрафной площадки. Басмач отлетел метра на два и, похоже, отрубился. Во всяком случае, остался неподвижно лежать на боку, а из носа у него обильно потекла кровиха.

— Уходим! — бросил Псих, поравнявшись с Кексом и Батоном, и побежал дальше, прочь от скопления кустов.

— Батон, пошел! — скомандовал Кекс.

Отмычка без слов пристроилась за Психом. Замыкающим двинулся Кекс, то и дело оглядываясь и ощупывая пространство за собой стволом автомата.

Ему было невероятно интересно — что в итоге расскажет Псих о случившемся. Но раньше, чем они дойдут до какого-нибудь убежища на Агропроме, на разговор рассчитывать не приходилось.

До дороги на Агропром они добрались на удивление быстро и ладно. Кекс зря оглядывался — больше по их следу никто не шел, хотя, если быть откровенным, сильнее опасаться следовало собачьей стаи, нежели Басмача и его сообщников.

Басмача вообще можно было уже не бояться. Минут через сорок после стычки в кустах на ПДА упало сообщение: «Сталкер Басмач погиб восточнее Агропрома». Кекс прочитал это на бегу и вздохнул с облегчением.

Мутным типом был Басмач. И погиб глупо и странно.

Не доходя до остатков институтской ограды, Псих свернул с дороги и повел на север, в глубь довольно плотного аномального поля. Шел он по-прежнему уверенно, но при этом быстро, слишком быстро, чтобы Кекс перестал нервничать. Кексу все время казалось, что ведущий вот-вот ошибется и вляпается во что-нибудь смертоносное, а им с Батоном потом придется долго и мучительно выбираться из скопления аномалий назад, на дорогу. Однако Псих в который раз доказал, что либо он гениальный ходок по Зоне, либо невероятный счастливчик.

— Пришли, — внезапно сказал Псих и остановился перед ничем не примечательным холмиком высотой чуть выше пояса. — Тут и заночуем.

До темноты было ещё порядком, но в данном случае Кекс с напарником был согласен: до Янтара по светлomu все равно не успеть, а ночевать действительно лучше на Агропроме. Правда, Кекс рассчитывал отсидеться где-нибудь в подвале институтских корпусов — там было много подходящих мест. Но Псих решил иначе.

— Прямо тут? — недоверчиво произнес Кекс, озираясь.

Место было совершенно голое и незащищенное. Метрах в ста дальше виднелись какие-то замшелые развалины, а левее высились серые корпуса института и бетонная ограда, убегающая далеко-далеко, чуть ли не к горизонту.

Вместо ответа Псих просто обошел холмик против часовой стрелки и с противоположной стороны поманил спутников пальцем.

Кекс приблизился и сразу повеселел: дальний склон холмика был вертикально срезан и облицован бетоном. Массивная металлическая дверь посреди квадратной плиты была заперта на допотопный висячий замок, а прямо перед дверью на бетоне скрючился человеческий скелет в полуистлевших остатках пятнистой военной формы.

— Держи. — Псих протянул Кексу металлический ключ, а сам отошел к началу бетонного желоба, который заканчивался тупиком с дверью. — Как скажу, отпирай замок.

Кекс взял ключ, удивительно тяжелый; от него так и веяло прошлым веком. Псих тем временем что-то воткнул в щель между двумя крайними бетонными плитами.

— Давай! — скомандовал он.

Кекс вставил ключ в замочную скважину и с усилием дважды провернул. Вопреки ожиданиям замок не заскрежетал, и хотя ключ проворачивался с трудом, зато плавно и равномерно, словно руль с гидроусилителем.

— Замок вынь и с собой заberi! — попросил Псих.

Вынув скобу замка из массивных ушек, Кекс оглянулся. Псих уже вытащил из щели между плит второй ключ, больше похожий на пластиковую карту, и быстрым шагом приблизился, переступив через останки.

— Добро пожаловать в самую удобную нору Агропрома, — ухмыльнулся он и потянул дверь на себя.

Дверь открылась плавно и бесшумно, хотя Кекс не удивился бы скрипу ржавых петель. Но петли не были ржавыми — напротив, они выглядели ухоженными и лоснились от солидола.

За дверью обнаружился тамбур, упирающийся в лестницу на два пролета. Этажом ниже располагался ещё один небольшой тамбур со второй дверью, ещё краше и массивнее первой. Эта была заперта сразу на два замка: на цифровой и папилярный. С ней Псих справился сам, быстро и бесп проблемно. Он явно часто бывал в этом схроне.

Сам схрон был небольшой: главная комната пять на пять метров, один из углов которой одновременно служил кухней. Из этой комнаты можно было попасть в другую, поменьше площадью и с низким потолком, без сомнений, предназначенную для отдыха, иначе зачем в ней помещались пять двухъярусных армейских коек? Отсюда же вел короткий отнорок в санузел с душем; Кекс проверил — даже вода текла, правда, только холодная и явно не годная для питья.

Напротив двери в комнату отдыха располагалась вторая, точно такая же, за которой обнаружилась крохотная вспомогательная каморка; там Кекс увидел электроцит у одной стены и оружейный сейф, совершенно пустой, у противоположной.

В общем, шикарное место! Странно, правда, что оружия нет. Зато запас пищи и воды имелся, причем довольно солидный.

Вернувшись в центральную комнату, Кекс застал Психа возящимся на кухне (без сомнений, ожидался ужин), а Батона разглядывающим плакаты на стенах. Особенно Батона заинтересовала симпатичная, но на взгляд Кекса старомодно одетая и накрашенная девушка. Помимо девушки на плакате имелась надпись: «Зелена Гура, 1982».

— Это что за цаца? — осведомился Батон не то со скепсисом, не то с недоверием в голосе.

Псих глянул через плечо на плакат и снова принялся перебирать пакеты с сухпаем.

— Это Анне Вески, — сообщил он.

— Анне? — не понял Батон. — Не Анна?

— Угу. Она эстонка.

— Актриса, что ли?

— Певица.

— Никогда не слышал... — вздохнул Батон. — Хотя если она в прошлом веке пела...

— Угу, — вторично промычал в ответ Псих и в свою очередь спросил: — Чай или кофе?

— Чай, — Кекс ответил не задумываясь. — После кофе потом хрен заснешь.

— Я тоже чай, — присоединился Батон.

— Вот и чудненько! Кофе тогда и трогать не станем.

Через пару минут электрочайник уже вовсю шумел и фыркал, а Псих с нескрываемым удовольствием накрывал на стол. Кроме чая, ожидалось ещё что-то, Кексу незнакомое. Во всяком случае, подобных рационов в зеленых пластиковых мисочках он раньше никогда не видел и, понятное дело, не пробовал. Каждый из рационов был уже вскрыт — Псих по очереди надорвал упаковки, чтобы можно было залить внутрь кипятка.

И все же до ужина Кекс не утерпел. Подсел к столу без приглашения и обратился ко все ещё хлопочущему Психу:

— Подельников Басмача ты положил?

Кекс решил спрашивать прямо, без экивоков и иносказаний. Псих сразу поскутнел. Потом не очень уверенно ответил:

— Ну... можно сказать и так.

— Их было пятеро. Показались только трое. Что случилось с парочкой, которую мы так и не увидели?

— Думаю, их сожрали собаки, — предположил Псих. — Но вообще-то они пытались обойти вас с Батоном со стороны Агропрома.

— Слушай, напарник, — как мог проникновенно сказал Кекс. — Я уже вижу, что ты ни разу не простак, а хитрован ещё тот. Понимаешь, когда по Зоне идет команда, лучше знать, на что способен каждый ее член. На что способен Батон, я примерно представляю. А вот о тебе такого сказать пока не могу. По-моему, ты положил двоих лбов Басмача, причем без единого выстрела и вообще без шума. И потом, если не ошибаюсь, ещё двоих. Я прав?

— В общих чертах. — Псих снова вроде бы и не возразил, но ответил уклончиво.

— Скажи честно, — Кекс пошел в лобовую, — ты раньше воевал?

Псих поморщился, выставил на стол последнюю миску, куда только что высыпал из пакета рыжеватые крекеры в виде колечек и восьмерок, и присел напротив Кекса.

— Ну, воевал, — ответил он сухо.

— Чечня?

— Нет.

— А что? Сомали? Или Корея?

— Ни то, ни другое. Нечто вроде Чечни, только чуть подальше. А это важно?

— По-моему, да.

— А по-моему — не очень. Война везде одинаковая.

— Может быть, — пожал плечами Кекс. — Я сам не воевал, мне не с чем сравнивать. Честно говоря, до сегодняшнего дня никогда бы не подумал о тебе ничего подобного. Хотя «калаш» ты выбрал явно неспроста. Так ведь?

— Я его знаю, как родного, — просто ответил Псих. — А эти заморские пушки... Ну их. Электроники в них насовали, трогать боязно. Лучше «калаш».

— Понятно, — кивнул Кекс. — Теперь понятно. Что ж ты раньше не сказал?

— А что бы это изменило?

— Я бы знал, что с нами идет опытный боец.

— Ну, знай, — усмехнулся Псих. — Все, чайник поспел. Вы как хотите, а я жрать буду. Он снял чайник с подставки и налил кипятку в каждый из незнакомых рационов.

«Какой-то он... нездешний, что ли, — подумал о Психе Кекс. — Где это можно повоевать чуть дальше Чечни? Надо будет потом парней из гарнизона порасспрашивать — где в последние годы стреливали».

Первый, «втягивающий» день в Зоне завершался. Не без эксцессов, но хотя бы без потерь.

И славно.

Глава четырнадцатая

На этот раз говорили без спиртного. Покатилов, сунув руки и карманы брюк, стоял лицом к беседке и задумчиво глядел на по косившиеся опоры, кровлю и шпиль. Его собеседник встал к беседке левым боком, к трассе, где приткнулись все те же два джипа и где скучали охранники, правым.

— Фотография пришла мне обычной почтой, отправитель, ясное дело, анонимен, а адрес одноразовый. В этот ящик больше никто вообще не заглядывал. Отправитель заходил через индонезийский прокси, куда пришел с эквадорского, а дальше даже мои спецы не отследили. Тем не менее я уверен — это кто-то из наших сталкеров. И скорее всего он сам запечатлен на этой же фотографии. Либо он снимал.

— А вот это не факт, — буркнул собеседник. — Слишком топорно. Понятно, что ты подумаешь в первую очередь на участников гоп-компании с присланной фотки.

— Может, и так, — Покатилов пожал плечами. — В конце концов, без разницы — кто именно прислал. Только это ещё не все. Помимо электронной почты мне в довесок флэшку подбросили. Не в офис, разумеется, в бар. Просто оставили на одном из столиков в конверте с надписью: «Хозяину». На флэшке один-единственный файл, с той же фоткой. Точнее, с фрагментом фотки: компания отрезана, оставлен только тип в балахоне. Я думаю, это опять же сталкеры постарались.

— Надеются, что ты заинтересуешься и примешь меры?

— Ну да! Кому ж захочется стать очередным, кто уйдет из бара непонятно с кем, а потом будет найден в Зоне в виде мумии. Раз уж есть тот, кто крышует бизнес, пусть он и защитит в случае опасности, логика примитивная, но по сути своей верная. И мне и тебе, и даже генералу «Ать-два» выгодно, чтобы эти дурачки, убийства прекратились. Опытные сталкеры вообще вымирают как динозавры. Куда ни глянь — шелупонь одна, желторотики, собачья пожива. До Свалки если дойдут благополучно — уже подвиг.

— Ну, что ж, я понял, — сказал собеседник Покатилова. — Спасибо, что поделился. Кстати, по электронке эта фотография мне тоже приходила. Тоже через одноразовый ящик на wiola, только прокси были новозеландский, японский и ангольский, а дальше мои орлы, как и твои, не отследили. А вот флэшки пока не подбрасывали.

Покатилов оторвался от созерцания беседки и с интересом взглянул на собеседника.

— Спасибо, что сообщил, — буркнул он. — Я тут распинаюсь...

— Не сердись, Витя. Ты ведь сам решил рассказывать первым. И, кстати, есть одна тонкость, но я пока никак не соображу, что она означает.

— Тонкость. — Покатилов поморщился.

— Она самая, — подтвердил его собеседник. — Тебе по почте пришла полная картинка, а на флэшке был фрагмент с монстром. Так?

— Так.

— Мне по электронке пришел фрагмент. Полную картинку я вообще-то уже видел, но ее добыла моя служба безопасности, причем не у тебя.

— Понятно, — кивнул Покатилов. — Значит, эта фотка есть уже у всех, просто у всех. Сильно испугались сталкеры!

— Я бы на их месте тоже испугался. И ты. Испуг ещё не означает паники, по крайней мере мне действия сталкеров кажутся верными и хорошо продуманными. И ещё я хотел спросить: а что за история с ученым, которого ты к себе на консультации таскаешь? По-моему, он тоже присутствует на полной фотографии. Там ведь он с Полозом?

— Он, — подтвердил Покатилов. — Это Ваня Сиверцев, головастый малый, чистая душа. Правда, мозги варят в основном по науке, а по жизни много наива. В общем, он вчера посидел на этом самом месте, где сидел монстр с фотки, в «Ать-два». Во-первых, выяснил, что там в силу какого-то акустического эффекта идеальное место для подслушивания разговоров в баре. Ей-богу, жалко тебе эту информацию сдавать...

— Ты же знаешь, за мной не заржавеет, — спокойно произнес собеседник.

— Надеюсь. Ну, так вот. А во-вторых, посидел Ваня на этом месте всего ничего, а хватанул такую дозу радиации, как будто не сколько дней по Зоне шлялся. Даже к медикам бегать пришлось. В «Ать-два», понятное дело, тихий шухер после этого поднялся: как в общественном месте, да ещё где выпивают и закусывают, такое возможно.

— Вот тебе и ещё один довод в пользу наших выводов. Это монстр, точно монстр из Зоны. Он сам по себе радиоактивен. Либо, что вероятнее, таскает с собой что-нибудь фонащее, когда выходит за пределы Зоны. Как сталкеры носят в Зоне защитные костюмы и горстями жрут антирад, этот прихватывает с собой радиоактивный хлам за пределы Зоны. И наверняка не только радиоактивный, наверняка он и аномальную энергию как-то умеет аккумулировать и подпитываться ею за пределами Зоны. Говорил тебе, Витя, это сталкер наоборот! Для него нормальный мир — Зона, где полно артефактов, которых в настоящей

Зоне не достать. Осталось понять одно — зачем он охотится на обычных сталкеров и как только мы это поймем, мы его вычислим и прижучим.

— Мне бы твою уверенность, — проворчал Покатилов. — Он может охотиться на людей-сталкеров из тупой ненависти. Или из зависти. А может, просто водит корм своим дружкам-монстрам в Зоне.

— На корм не обязательно выбирать матерых сталкеров, тут любой пьяненький балбес из бара сгодится.

Покатилов вздохнул, ничего не ответив. Его собеседник по молчал ещё немного, потом словно бы нехотя сообщил: — Дабы не оставаться в долгу... Басмач в компании каких то неизвестных мне типов ушел в Зону и сел на хвост Кексу и... этим, кто там с ним отправился?

Покатилов обернулся к собеседнику. — Басмач? А его команда?

— Команда в «Штях», сидит пиво дует. Поскольку «Ать-два». закрыли на дезактивацию...

— Сколько людей с Басмачом? — перебил Покатилов.

— Четверо, Басмач пятый. Кто такие — честно не знаю, откуда взялись — тоже. Не сталкеры, не военные. Может, гопота какая залетная, не выяснял.

— Вот за это — отдельное спасибо. Быстро ты должки возвращаешь! Если у тебя все, я бы уже поехал, сам понимаешь...

— Да пожалуй, что все.

— Тогда будь здоров. До связи.

— И тебе не кашлять, Витя. До связи.

Они коротко обнялись — не как близкие друзья, а скорее как старые деловые партнеры, у которых не всегда все гладко, но которые тем не менее врозь не могут, да и не хотят. И разошлись каждый к своему джипу, которые тут же рванули в разные стороны по старому потрескавшемуся шоссе.

Зона сюда ещё не добралась. Но и Покатилов, и его собеседник прекрасно понимали: это лишь вопрос времени. Зона поглотит все: и это старое шоссе, и покосившуюся беседку, и все окрестности. Потому что главное она уже поглотила практически без остатка: души всех, кто тут живет.

Глава пятнадцатая

В корпус, где обосновалась группа Тараненко, удалось проникнуть только назавтра после второго визита к Покатилову: вечером того же дня Сиверцева вежливо завернули на внутреннем КПП. Оказывается, после процедур в радиологии любому организму полагалось не менее тридцати шести часов карантина, даже если этот организм — цитолог из исследовательского центра, стало быть, практически местный.

Однако в свою лабораторию Сиверцев всё-таки проник, чем сильно удивил Пашку. Ну, ясное дело: человеку отгулов надавали, а он хоть и не на полный день, но все равно то и дело на службу шастает. Однако возражать Пашка, разумеется, не стал — кому охота заниматься чужой работой? ещё Сиверцев уловил одобрительный взгляд Баженова и остаток дня честно посвятил отработке контракта, хотя после покатиловской премии его условия уже не казались Сиверцеву столь заманчивыми, как всего лишь неделю назад. Зато удалось перемолвиться в курилке с Баженовым по поводу визита к Тараненко. У шефа даже какой-то запрос возник по ходу дела, каковой тут же вполне официально оформили и распечатали. Обычно запросы посылали по электронной почте, но можно было и ногами заслать с кем-нибудь из МНС-ов. Для скорости. Сиверцев, поскольку ещё не вырос из МНС-ов, охотно взялся запрос доставить завтра же с утра.

На том рабочий день и закончился. А утром Сиверцев честно миновал оба КПП и предстал в секретариате перед одним из референтов Тараненко. И — о чудо! — чинуша в контактных линзах внезапно разулыбался и заверил, что это большая удача для них — визит

сотрудника из группы Баженова. У Тараненко, оказывается, имелся встречный интерес к цитологам, а соответствующий запрос референт как раз готовил к отправке.

«Истину говорят: на ловца и зверь бежит», — подумал Сиверцев с подъемом.

В общем, в кабинет к Тараненко Ваня попал уже через двадцать минут. Правда, сам Тараненко где-то циркулировал, вероятно, по лабораториям, но о свежем запросе и Сиверцеве уже был осведомлен и обещал вот-вот подойти.

«Вот-вот» в понимании Тараненко вылилось в полчаса ожидания, но зато секретарша напоила Сиверцева кенийским высокогорным чаем.

А потом нагрянул хозяин кабинета — улыбчивый, громогласный и шумный. И неожиданно радушный.

Вообще-то Тараненко относился к категории людей «всегда занят». И это была никакая не пыль в глаза, ему действительно катастрофически не хватало времени на все, что хотелось бы сделать. Поэтому Сиверцев лихорадочно соображал, с чего бы начать, дабы разговор не закончился уже через десяток минут, за которые Тараненко выпросит все, что интересует его или его группу, и немедленно исчезнет, в лучшем случае сделав на прощание ручкой, а Сиверцев останется у разбитого корыта.

Тем не менее чудеса продолжались: Тараненко сначала поручался с Сиверцевым, предложил звать себя просто Максимом и заодно садиться, а сам полез в шкаф, который раскорячился рядом с заваленным распечатками столом. Открыв дверцу шкафа, Тараненко задумчиво поглядел на початую бутылку коньяку — единственное, что имелось в верхнем отделении — и решительно шкаф захлопнул.

— Знаешь что, Ваня, — неожиданно предложил он. — А пойдем-ка лучше в бар! Я все равно хотел позавтракать... да и пообедать заодно уже можно.

— «Ать-два» закрыт, — предупредил на всякий случай Сиверцев. — Дезактивация, знаете ли.

— Знаю, — кивнул Тараненко. — Ты ведь там облучился малость, я слыхал?

— Угу. Какой-то умник приперся прямо из Зоны, не снимая пыльника. А охранники на входе просмотрели. Ну и натряс там радиоактивного песочку. Странно вообще-то, что просмотрели, но время от времени такое случается.

— Аи, — махнул рукой Тараненко, — у наших вояк все может случиться, просто все! Патроны разом закончатся, эшелон танков пропадет, два полка дезертируют в полном составе... Я ничему не удивлюсь. Меня они в Зоне знаешь как достали? Ничего поручить нельзя, даже за водой сходить! И эти люди на выходах нас охраняют! Как вернулись — я дня два спокойно вздохнуть не решался, думал, ещё что-нибудь прицепом всплывет. Вроде обошлось, тьфу-тьфу...

Тараненко затворил дверь кабинета и суеверно постучал костяшками пальцев по деревянному косяку. Сиверцев только хмыкнул.

— Ангела! — обратился Тараненко к секретарше. — Я по делам и заодно позавтракаю... точнее, уже пообедаю. Шиманскому, если будет звонить, скажи, чтоб в двойке завлабу по заправке надавал, иначе они ещё один автоклав сожгут.

— Скажу, — отозвалась секретарша несколько обиженно. — А как же бутерброды, Максим Николаевич?

Тараненко прижал руки к груди:

— Ангела, душа моя! Борщу хочется — спасу нет! Жиденького! Бутерброды, если хочешь, Шиманскому скорми или в лаборатории кому-нибудь. Все, убежал! Держи оборону!

— Спасибо за чай, — выдохнул Сиверцев, виновато улыбнулся секретарше и помчался следом за Тараненко, который, похоже, ходить не умел: умел только бегать. Ей-ей, Сиверцев за ним еле поспевал, хотя себя к тихходам не относил никогда.

По пути к выходу и КПП к Тараненко беспрерывно кто-нибудь обращался, что-то спрашивал, уточнял, умолял, пытался выклянчить — и так без конца. Однако местный владыка был по-прежнему громогласен и вроде бы весел, но вместе с тем непреклонен. Советы давал на бегу, просителям велел обращаться ближе к вечеру. В общем, Сиверцев, у которого уже голова кругом шла, глазом моргнуть не успел, как оказался аж за вторым КПП

в служебной машине Тараненко. За рулем сидел моложавый парень, стриженный ежиком под Егора Кличко, но, к счастью, без боксерских перчаток.

— Куда, Николаич? — справился он у шефа столь же весело.

— Да куда-нибудь пообедать.

— «Ать-два» закрыт, ближе всего «Вотруба». Подойдет?

— Подойдет, — не стал возражать Тараненко.

«Ну, вот, — подумал Сиверцев. — Опять практически к Покатилову. Зачастил я в те края, зачастую!».

— Слушай, Ваня, — без обиняков пошел в атаку Тараненко. — Я слышал, у вас там прорыв по основной теме наметился? Расскажешь?

— Ну, прорыв — это громко сказано, — осторожно поправил Сиверцев. — Скорее мы наконец-то вычленили кое-какие закономерности клеточного мутагенеза. Нет той каши, которая валилась на нас раньше: что ни вид, то что-нибудь принципиально новое. Вам с подробностями или общо?

— Давай пока общо, я руководство по цитологии уже и забил когда открывал, — вздохнул Тараненко. — Организационное заедает. Становлюсь не ученым, а начальником. Обидно, слов нет... Ты говори, говори, не обращай на мою болтовню внимания.

— Если общо, то уже сейчас можно сказать, что клетки существ Зоны меняются не хаотично, как казалось все эти годы, а системно. Правда, период системных закономерностей оказался неожиданно велик — больше десяти лет...

Минут пять Сиверцев, постепенно увлекшись, излагал Максиму Тараненко все, что сумела систематизировать и классифицировать группа Баженова. Вернее, конечно, не все, а лишь основное, базовые послы общих принципов черномыльскаго мутагенеза. Он не был случайным, как думали до сих пор. Разумеется, первоначальные опыты военных в области псионики были системными, как и проект «О-Сознание». Такие вещи вообще не могут не быть системными. Но когда грянула вторая катастрофа и радиация с новой силой подстегнула мутагенез, сложилось впечатление, что существа Зоны мутируют как попало, по воле случая, бессистемно и непредсказуемо. Однако это не вязалось с достаточно ограниченным числом видов существ, обитающих в Зоне. Вместе с тем виды были морфологически стабильны: слепые собаки отличаются одна от другой не более, чем гиены где-нибудь в Серенгети, а любой кровосос всегда кровосос — гуманоид с вытянутой, будто дыня, головой и щупальцами у рта. Сорок лет назад, после первого взрыва, этого не было — тогда действовала лишь радиация и мутации были по большому счету уникальными: двухголовые телята да четырехлапые куры, никаких кровососов. После второго взрыва просуммировались как минимум три фактора: большое количество уже мутировавших существ попало под воздействие все той же радиации плюс под периодические выбросы аномальной энергии. Иными словами, готовый к мутации материал угодил под воздействие двух вызывающих мутации сил, причем одна из этих сил была изучена плохо, а вторая не изучена совсем. Баженов ещё до приезда Сиверцева подозревал, что система, по которой меняются существа Зоны, должна существовать, и упорно нащупывал ее. На это ушло больше десяти лет. И теперь появились первые результаты, каковые в общих чертах Сиверцев и изложил.

Тараненко слушал жадно и внимательно, не перебивал, не переспрашивал, только кивал иногда. Но едва Сиверцев закончил, он заговорил, и с первых же слов мурашки прогулялись по спине молодого цитолога. Он снова почувствовал, что идет по следу, и не просто по следу, а по горячему следу.

— Я понял, Ваня, спасибо, — сказал Тараненко. — А теперь слушай, что я расскажу. Вы работаете в основном с клетками, а это дисциплина хоть и прикладная, но больше теоретическая. Мои же, кто не завязан на артефакты, имеют дело с конкретными живыми существами Зоны. Зомби и прочую нежить сейчас оставим, речь только о монстрах, метаболизм которых можно считать сходным с метаболизмом живых существ Земли. Так вот, Ваня, похоже, все идет к тому, что существа Зоны начали меняться таким образом, дабы успешно выживать далеко за пределами периметра. Готовится грандиозный прорыв вовне.

Пока вылазки монстров за периметр лишь единичны, но нет сомнений, что они участвуют. И заметь, метаболически монстры ещё не готовы выживать в обычном мире и в ближайшее время, скажем, год-два, ещё не будут готовы.

Но они уже лезут, причем не так, как раньше, исключительно во время особо мощных выбросов, навалом и наугад. Наружу ходят пока единицы, и делают это, как ты выражаешься, системно. Я бы даже сказал — осознанно и продуманно. Понимаешь?

— Понимаю, — выдавил Сиверцев и закашлялся.

А Тараненко продолжал его добивать:

— Ты ведь встречался с Покатиловым, так, Ваня?

— Встречался, — не стал отрицать Сиверцев. — Я его консультирую.

— По какому вопросу? Или это большой секрет?

— Вообще-то секрет. — Сиверцев нахмурился. — Впрочем, какой секрет, если вы открытым текстом то же самое... В общем, Покатилов хочет понять, кто, как и зачем ходит из Зоны наружу. И с какой целью при этом заманивает опытных сталкеров в Зону, где они в конечном итоге идут на корм кровососам. Покатилов решил, что это какой-нибудь сильно умный и продвинутый контролёр. Незаметно вошел, взял на ниточки охрану, слежение, потом сталкера... и ушел в конечном счете незамеченным с добычей на поводке. Но мне все же кажется, что обычный контролёр вне Зоны выжить не способен.

— Обычный — не способен, — подтвердил Тараненко. — А вот такой, который озаботится и создаст себе локальные условия Зоны — радиацию, например, — способен. Но обычный контролёр для этого слишком туп.

— Так я Покатилову и сказал. — Сиверцев кивнул, а сам вдруг отчетливо и ясно представил себе, почему в «Ать-два» на месте, где сидел монстр в балахоне, оказалось достаточно радиоактивной пыли, чтобы посидевший там же Сиверцев облучился до солдатской дозы в пятьдесят миллирентген. Чем не локальные условия Зоны за периметром? По крайней мере в плане радиации.

— Мне нужно встретиться с Покатиловым, — заявил Тараненко решительно. — Желательно сейчас же. Устроишь?

— Ну, попробую, — неуверенно пообещал Сиверцев. — Едем мы как раз в «Вотруб», но я ж там и бывал-то всего два раза... Точнее, в баре бывал часто, а вот у Покатилова — пока дважды. Сами поймите, я там никто.

— Я понимаю, — успокоил его Тараненко. — Просто передай Покатилову, что Максим Тараненко может многое рассказать ему по интересующей теме. А кроме того, у меня есть предложение, которое, как мне кажется, будет равно выгодным для Покатилова и для нас. Для нас — я имею в виду для официальной науки, занимающейся изучением Зоны.

«Боже мой, в какую трясику меня засасывает? — подумал Сиверцев с легким замешательством. — Сидел себе четыре года в лаборатории, глядел в микроскоп и двигал в меру сил родимую цитологию, пил вечерами со сталкерами и ругал низкое жалованье. И тут — бах! Бах! Несколько дней, и меня просят устроить встречу с главой местных деловых, которого я до недавнего времени знать не знал, видеть не видел! И ведь, черти меня побери, есть шансы, что эту встречу я устрою! И кто просит, кто? Тараненко, на которого я привык смотреть снизу вверх и открыв рот, даром, что он старше меня всего-то лет на семь-восемь. А теперь я с ним отобедать собираюсь! Ой, вэй, как говорит иногда Пашка...».

В самом деле, ощущение, что события уплотнились и с некоторых пор катятся под откос, уже некоторое время не покидало Сиверцева, но было оно подспудным и неосознанным. Теперь Ваня начал все осознавать. Даже то, что обычно события катятся под откос с каждым часом все быстрее.

Что-то ему подсказывало: данный случай исключением не станет. А своей интуиции он привык доверять.

Глава шестнадцатая

Переночевали отлично. Кекс уже и не помнил, когда в последний раз ему удавалось поспать в Зоне по-людски — в койке, на относительно свежей простыне. Батон с утра довольно жмурился, словно сытый котик, хотя обычно в таких случаях напоминал внезапно разбуженную сову. Псих быстренько соорудил завтрак, хотя Кекс честно порывался сделать это раньше его. Однако Псих перехватил инициативу: я, сказал, все равно лучше знаю, где что лежит, а выйти надо пораньше. В его словах, безусловно, имелся резон, однако в команде Кекса бытовухой обычно занимались по очереди, причем сначала более опытные, а после салаги. Тем не менее Кекс подчинился, предоставив хлопотать Психу.

За завтраком Псих небрежно заметил:

— Ночью выброс был. Слабенький, правда.

— Да? — Кекс немного удивился. Обыкновенно выброс чувствуется даже в укрытии, а сегодня ничего особенного ночью не стряслось. Ни тебе головной боли, ни беспричинного страха, ни внезапных головокружений, как это обычно бывает.

— Я ж говорю — слабенький, — пояснил Псих. — А тут, извини, ядерный взрыв пересидеть можно и ничего не заметить. С умом строили.

— Ишь ты. — Кекс покачал головой. — А кто строил?

— Военные. Ещё до первой катастрофы. Правда, потом тут многое переделали, не знаю, кто именно. И припасы полностью обновлены. Раньше тут тушенки было навалом — жестяные такие банки без наклеек, в солидоле, знаете? А сейчас, вон, сухпай какой-то новомодный, химия-алхимия... Кипятку добавил — и готово.

— Обычные рационы, — недоуменно пожал плечами Кекс. — Чего в них новомодного? Ну, фирма какая-то незнакомая, подумаешь...

Псих вздохнул, очевидно, каким-то своим таинственным мыслям.

«Банки, — подумал Кекс. — В солидоле...».

Что-то такое смутное из детства ему вспоминалось. Вроде бы тетка Дарья что-то такое хранила в чулане, а младший брат Виталик решил, что это банки с вареньем и вареньем же измазаны. Ну и лизнул. А оказалась смазка. Хныкал потом.

«Наверное, — рассудил Кекс, — такая тушенка кое-где была в ходу дольше, чем у нас».

Развить мысль Кекс попросту не успел: пора было выходить.

Псих в обратной последовательности позапирал замки, снова с помощью Кекса, отобрал металлический ключ от последнего, навесного, примерно минуту постоял перед холмиком, как раз на границе крайней бетонной плиты и обычной земли, а затем уверенно двинулся на север.

Кекс почти сразу отметил, что аномалий по сравнению со вчерашним прибавилось, — значит слова Психа о выбросе были правдой.

Несколько минут Кекс размышлял о том, что его новый напарник за двое суток, проведенные бок о бок, ни разу явно не соврал. Как минимум — очень на то похоже. Недоговаривал, отшучивался — это было. Но даже когда казалось, что Псих уж точно врет, довольно быстро находились хоть какие-нибудь доказательства его правоты. Неоспоримых доказательств и не могло найтись, а вот мелкие, косвенные — те всплывали почти сразу. Взять хотя бы вопрос с подвохом о памятнике в Лиманске. Или свежее высказывание Психа о выбросе. Тогда, в схроне, Кекс вскользь по думал, что напарник сочиняет, дабы набить себе цену.

Вообще-то у Психа был великолепный шанс набить себе цену — когда Кекс поинтересовался, воевал ли он. Уж тут можно было вволю насочинять по горячим следам стычки с Басмачом энд компани! Однако именно в этот момент Псих предпочел отмолчаться. Почему? Ему в принципе неинтересно казаться более крутым и значительным, нежели в реальности? Ерунда, не бывает людей, которые не привирают о себе. Зайди в любой сетевой форум, особенно с военным уклоном, — там каждый второй на словах Рэмбо, а каждый третий не менее чем подполковник спецназа в отставке. На спортивных форумах плюнуть некуда — одни олимпийские чемпионы. И так далее. Но то есть, там можно врать без наказания, а бокс по переписке скучающим мордам даже в чем-то интересен. Другое дело реальная жизнь, тут слишком уж явно врать обычно не получается. Но словечко там,

намок здесь... Ну водится за людьми грешок тщеславия, чего уж там, себя ведь не обманешь! А святые либо давно перевелись, либо стали таковыми лишь посмертно, в пересказе живых, которые, как известно, сильно любят приврать...

Тут Кекс спохватился, что тупо следует за Психом, даже не глядя куда. Философия пополам с размышлениями на отвлеченные темы — верный метод гробануться, по крайней мере тут, в Зоне. «Ну его, — решил Кекс. — Потом поразмышляю. А пока...».

— «Каменный цветок», — вдруг сообщил Псих и остановился. — Подберем? А там дальше, по-моему, ещё один.

И действительно, около места, где явно ещё совсем недавно располагался большой и мощный «трамплин», между двух обширных рыжевато-бурых пятен на земле виднелся округлый камень, довольно крупный — больше кулака взрослого мужчины. В нем отчетливо выделялись металлические вкрапления — направь на «каменный цветок» луч сильного фонаря, такая игра света возникнет, залюбуешься! Но в Зоне серо и тускло, какая уж тут игра света...

Подобрали оба. А потом ещё «огненный шар». Нашли и «ночную звезду». На этом фоне мелочевка вроде «капель», «бенгальских огней» или «медуз» смотрелась блекло, и ее сбор поручили Батону. Ночную звезду брали с особым тщанием и упаковали надежно, ибо излучала она в соответствии с ценой. Кекс сразу воодушевился — гонорар гонораром, но толкнуть несколько приличных артефактов всегда приятно для кармана. Правда, на приличный пока тянула только «ночная звезда». Ну так и они ещё не домой!

— Слышь, дружище, — обратился к напарнику Кекс. — Мы ж не торопимся вроде? Давай тут ещё пошарим, поле — пальчики оближешь! А контейнеров у меня ещё есть. Много.

— Давай, — согласился Псих. — Часа два-три можно и пошарить, но дольше не хотелось бы. Из графика выйдемся.

Пошарили на славу, и не два часа, а без малого пять — удалось-таки уболтать Психа. Кекс даже пожалел, что взял обычное число контейнеров надо было брать двойной запас. И ведь где, где — в сто раз хоженных-перехоженных местах, между Агропромом и Янтарем! Фантастика какая-то. Две «ночные звезды», «душа», пара «кристаллов», «лунный свет» и гвоздь программы — «ведьмина спираль». На этом фоне «каменные цветки», «огненные шары» и «вспышки» выглядели мелочевкой, а Батон в итоге выбросил все собранные «медузы», «капли» и прочую мелочь, потому что не хватило контейнеров для более достойной добычи.

Груз распределили поровну, хотя Кекс опасался, что Псих будет ворчать — тот страшно не любил наполнять свой рюкзачок даже до половины. Однако Псих ворчать не стал, молча упаковал часть контейнеров, надел рюкзак, попрыгал, удобнее распределяя поклажу, и вопросительно поглядел на спутников.

— Батон, готов? — справился Кекс у отмычки, который нынешний выход смело мог считать сплошным отпуском.

— Готов, — кратко ответил тот.

— Веди! — сказал Кекс Психу и довольно подмигнул. За последний час его настроение заметно улучшилось — Кекс вообще был подвержен периодическим сменам настроения. Мог проснуться мрачным, а потом узнать, что «Таврия» вчера выиграла, и мгновенно повеселеть. Неожиданные заработки тоже влияли на него соответственно — кто ж откажется от дополнительной денежки? Откровенно говоря, Кекс не возлагал на этот выход особых надежд. Маршрут древний, тут отмычки без опеки гулять могут. И гуляют. И на тебе — такое щедрое аномальное поле и столько артефактов, да не бросовых, подороже!

Воистину необычный выход.

Во время поисков они забрались в самую гущу аномального поля. Теперь Псих выводил на безопасный путь, к железнодорожной ветке. Он по-прежнему уверенно отыскивал проходы между аномалиями и делал это безошибочно. Не скажешь, что играючи: периодически он замирал, делая знак остановиться и остальным, приглядывался, выискивал что-то взглядом, пару раз даже пришлось возвращаться из тупиков. Но в целом троица

двигалась достаточно быстро, да и плотность аномалий постепенно падала. Когда насыпь железнодорожной ветки уже отчетливо просматривалась впереди, аномальное поле как таковое кончилось. Пошло просто поле, поросшее мутировавшей флорой и, чему можно было только радоваться, совершенно свободное от фауны.

«Интересно, — подумал Кекс. — Доведется сегодня стрелять по каким-нибудь собакам или, не приведи небо, кабанам? Не хотелось бы...».

Вслух Кекс, разумеется, ничего не сказал. Подобные разговорчики в сталкерской среде не поощрялись. Те, кто ходит по стыку жизни и смерти, всегда суеверны и обычно не любят загадывать на будущее. Чтобы не дать закону подлости проявить себя.

— Все, дальше чисто, — объявил Псих в какой-то момент. — Батон, давай-ка вперед, а то у меня уже глаза слезятся. Отдохнуть надо.

Батон без пререканий возглавил короткую колонну, но не раньше, чем переглянулся с Кексом и получил его молчаливое одобрение.

— Примерно туда, — махнул рукой Псих, когда Батон обгонял его.

Батон кивнул и зашагал к месту, где железнодорожная насыпь казалась чуть пониже.

Они почти уже дошли до насыпи, осталось метров полета, и тут Кекс отследил ковыляющего вдоль железки зомби. Батон запоздал всего секунд на пять.

— Зомби справа! — тихо объявил он и взялся за автомат.

«Ну, здравствуй, Янтарь!» — подумал Кекс с невольным облегчением. Слишком уж удачно складывался выход, не бывает так в жизни.

Псих неожиданно хрюкнул, словно смешок проглотил, негромко пробормотал: «Вспышка слева, зомби справа», и зачем-то принялся стаскивать с плеч рюкзак.

Зомби-одиночки страшны либо раненым, либо полным кретинам. Вот когда толпой наваятся — могут массой задавить, от всех не отстреляешься. А от зомби-одиночки отбиться даже без огнестрела невелика проблема. Ну а уж с автоматами-то... Колени ему перешиб, и до свидания, не догонит, хотя ползти следом будет наверняка.

Зомби ковылял именно к ним, а не просто тащился мимо, это уже было понятно. Как водится, что-то бубнил себе под остатки носа, но что именно — не разберешь.

— Не стреляйте, — попросил Псих, роясь в рюкзаке. — Это Бенито.

— Кто? — не понял Батон. — Это зомби, я что, не вижу?

— Это особенный зомби. Зовут Бенито. Не стреляйте, он не тронет.

Кекс не поверил. Уж слишком целенаправленно зомби приближался к троице сталкеров. Псих тем временем выудил из рюкзака пачку галет, взял в левую руку, а рюкзак снова надел на спину. Скорее всего он понял, что спутники в безобидность Бенито не слишком-то верят, поэтому сделал несколько шагов навстречу, оставив Кекса и Батона за спиной. Те не возражали, но оружие предусмотрительно держали наготове.

— Привет, Бенито! — поздоровался Псих, когда зомби подошел почти вплотную.

— Здра, — ответил мертвяк, проглотив окончание. — Это мне?

— Конечно. — Псих надорвал упаковку на галетах и отдал всю пачку Бенито. Со стороны это можно было принять за рукопожатие, но рукопожатие с зомби просто не умещалось в сознании нормального сталкера. Безумнее этого только поцелуй с кровососом.

Впрочем, Психа вряд ли можно было назвать нормальным сталкером — в этом Кекс с Батоном уже убедились сполна.

Зомби для начала с нескрываемым удовольствием умял несколько галет, а оставшиеся вместе с упаковкой спрятал в драном нагрудный карман куртки. Куртка выглядела так, словно последовательно побывала мишенью на стрельбище, затем половой тряпкой и плюс к тому ещё пару лет провалялась на свалке, служила гнездом мышиному семейству. Зомби в сравнении с человеком выглядел примерно так же, как эта битая жизнью куртка в сравнении с новой, но опытный сталкер Кекс сразу оценил, что для зомби Бенито сохранился просто на диво, даже зубы почти все имелись. Одно ухо, по идее, давно уже должно было отвалиться, но кто-то умело приторочил его к иссохшей, как пергамент, коже головы лавсановыми вставками. Скучные остатки волос больше на поминали худую ветошь или паклю. В общем, мертвяк мертвяком, но поцелее многих.

— Как дела, Саня? — спросил зомби Психа, будто старого знакомого. — Куда идешь?

— На Янтарь иду, Бенито. Точнее, за Янтарь.

«За Янтарь! — подумал Кекс удивленно. — Интересные веники! Чего только не выяснишь, остановившись поболтать с зомби...».

— Там много людей, за Янтарем.

— Каких людей? Сталкеров?

— И сталкеров. И военных. Они чего-то ждут и все как одни злые. Их даже зверье кругом старается обходить, никто не суется, даже гиганты. Злые. Они вот-вот уйдут, но пока ещё не ушли.

— Спасибо, Бенито, — совершенно серьезно поблагодарил Псих. — Я запомню. А ты куда идешь? К Доктору?

— К Доктору.

— Тогда привет Доктору от меня. И вот ещё передай...

Псих вторично скинул с плеч рюкзак, порылся в нем и вынул что-то завернутое в прозрачный полиэтилен, кажется, упаковку каких-то медикаментов. Или это имя Болотного Доктора навеяло подобные аптечные ассоциации?

Зомби принял передачку и спрятал ее в другой карман, на этот раз в боковой.

— Передам, — пообещал Бенито. И, не прощаясь, поковылял дальше вдоль насыпи, скорее всего — к тропе, что вела на юг, к Агропрому.

— Ну и знакомые у тебя! — выдохнул Кекс спустя минуту, когда первое ошеломление схлынуло.

Псих к этому моменту успел вернуть рюкзак за спину и изготавиться к дальнейшему маршу.

— Знакомые как знакомые, — пробурчал он. — Получше многих будут. С Басмачом, к примеру, просто не сравнить.

— Мейби, — Кекс с сомнением покачал головой. — А что за новости? Мы, оказывается, не на Янтарь идем?

— Не совсем.

Кекс уже придумал себе версию, будто Покатилов заслал их в лагерь ученых за какой-нибудь диковинкой, дабы втихую вынуть ее из Зоны за спиной официальной науки. Лагерь ученых вообще-то куда больше походил на неприступную крепость — периметр, колючка, часовые, ворота такие, что Большой Бертой не прошибешь. Простых сталкеров туда пускали, нечасто — но пускали, в основном с целью покупки все тех же артефактов. Однако сталкеры редко продавали хабар ученым, потому что те платили мало — на гранты не больно-то пожирешь. Другое дело барыги-воротилы, те оперировали деньгами значительно серьезнее куцых научных грантов. Но иногда все же приходилось сбрасывать ученым на Янтаре избыток мелочевки, особенно когда точно знаешь, что можно той же мелочевки вскоре набрать ещё столько же. Иногда к ученым обращались за помощью, чаще всего медицинской. Те помогали, хотя и без особого энтузиазма. За периметром Кекс рассчитывал передохнуть и заночевать, выигрывая у Зоны ещё одну ночь. И вот — на тебе, оказывается, идут они не в лагерь ученых, а куда-то дальше!

— Может, расскажешь, напарник? А? — попросил Кекс. — А то как-то неловко, даже не знаю, куда идем.

— Расскажу, когда время настанет. Пойдемте, нечего тут торчать.

И уже Батону:

— Давай вдоль железки, откуда Бенито пришел!

Батон вопросительно взглянул на Кекса, как бы подчеркивая, что командиром по-прежнему считает его, а не Психа. Кекс кивнул, потому что больше ничего не оставалось.

— Ну, ладно... Санек, — процедил он, стараясь, чтобы это прозвучало не угрожающе, а скорее укоризненно.

Кекс и правда не собирался угрожать Психу, невзирая на то, что напарник явно темнил. Не хотелось опускаться до угроз, причем вовсе не из-за воспоминаний о мертвом Басмаче и

его приятелях. Кекс сам не заметил, как проникся к Психу внутренней симпатией, словно к старому и проверенному годами другу. А кто ж угрожает друзьям?

Получив одобрение Кекса, Батон двинулся вдоль железнодорожной ветки, оставляя ее по левую руку. Кекс пошел вторым, Псих замкнул колонну.

Примерно через километр они пересекли еле-еле наезженную колею, по которой (и, судя по следам, параллельно которой) тоже в лагерь ученых на Янтаре периодически гоняли бронетранспортеры с грузами. Местность казалась вымершей, ни зверья, ни мутантов — никого. Кекс уже и поражаться этому устал. За все время только единственный зомби, да и тот разительно не похожий на сородичей.

На обочине колеи приткнулся слегка тронутый ржавчиной БРДМ без колес. Батон у него слегка задержался.

— Чего? — насторожился Кекс.

— Да это... — пробормотал Батон. — Поссать бы.

Кекс молча вынул ПДА, но даже не успел переключить его в режим биосканера — из открытого люка БРДМ стремительно выскочила какая-то буро-пятнистая тварь. Цвет — единственное, что успел отметить Кекс; точнее, даже не цвет, а окрас — пятнами, от темно-бурого, медвежьего, до светлого, словно мох на болоте. И ещё у твари были как минимум конечности — то ли четыре, то ли пять. ПДА Кекс рефлекторно выронил, и тот повис на коротком шнуре. Herstal отрывисто рывкнул, изрыгая свинец, но мгновением раньше сухо татакнул «Калашников» Психа. Тварь ещё в прыжке пару раз дернуло, значит, как минимум один из сталкеров в нее попал. Но она все же добралась до Батона, рухнула на него с высоты двух метров, сбила с ног, смела с тропы. Батон заорал и тоже выстрелил, но в воздух, потому что прицелиться или хотя бы направить ствол куда нужно ему мешала тварь. Кекс, матерясь, отвел свое оружие в сторону — не хватало ещё Батона пристрелить — и, выхватив мачете, ринулся на помощь.

— Да все уже, — неожиданно спокойно произнес Псих, не двигаясь с места.

Батон продолжал орать и барахтаться под тварью, и то, что он не умолкал и не прекращал барахтаться, убедило Кекса в правоте Психа. Кекс забросил автомат за спину, перехватил мачете в правую руку, осторожно приблизился, схватил тварь за край рваного комбинезона и стащил с Батона.

Батон прекратил орать и нечеловечески быстро пополз прямо на спине прочь от того, кто на него напал. Полз он прямо в ноги Психу, и когда подполз, Псих скупым и резким движением сграбастал его за шиворот и поставил ноги.

— Все уже, успокойся.

Батон, кажется, начал приходить в себя. Орать перестал чуть раньше, а теперь подавил безудержную панику, во время которой хочется убежать сломя голову, невзирая на здравый смысл, препятствия и возможные при бегстве опасности в виде ловушек и аномалий. Отмычку все ещё трясло, но во взгляде хотя бы появилась осмысленность, и автомат он взял так, что перехотелось у него оружие отобрать. Правильно взял и направил стволом в землю, чтоб ненароком своих не задеть.

Теперь можно было глянуть, что за монстр на Батона набросился. К удивлению Кекса, монстр до странности походил на человека, но в стремительном броске это было трудно понять, потому что на голову его были надеты остатки старого противогаза, так, что макушка и верхняя часть лица вместе с глазами были скрыты. Морда противогаза была начисто оторвана, оставляя нос и рот нападавшего свободными. Болтающийся у пояса хобот противогаза Кекс впопыхах принял за дополнительную конечность хобот торчал из притороченной к боку сумки и, несомненно, мотылялся при каждом движении, словно хвост собаки, заведшем хозяина. Человек был одет в рваный-прерванный военный комбинезон, а обут в единственный армейский ботинок — вторая нога оставалась босой и, соответственно, грязной донельзя. Кекс перевел взгляд на руки с заскорузлыми мозолями и многожды обломанными ногтями.

— Твою мать! — выругался Кекс и осторожно ткнул то ли человека, то ли монстра кончиком мачете. Вряд ли следовало ожидать от него сюрпризов — Псих всадил одну пулю

прямо в лоб, а вторую в правый глаз, естественно, прострелив при этом противогазное стеклышко. Кроваво-стекольное месиво в глазнице слабо пульсировало.

К правому боку существа, как уже говорилось, была приторочена противогазная сумка; слева на ремне сохранилась кобура, откуда торчала пистолетная рукоять. Вздумай оно не прыгнуть, а выстрелить, Батона можно было бы уже отпевать.

— Сколько ж я снорков не встречал? — спросил Кекс, ни к кому конкретно не обращаясь. — Год? Или больше?

— Я тоже давненько не сталкивался, — поддакнул Псих. — Год, вряд ли, но полгода точно.

Снорками называли людей, потерявших в Зоне разум, но по какой-то причине сохранивших жизнь. Поведением они ничем не отличались от животных, жрали все, что удавалось поймать, по чаще сами становились чьей-нибудь пищей, потому что тело человека мало приспособлено к дикой жизни и конкуренцию настоящим животным снорки быстро проигрывали. Тем не менее практически все вменяемые сталкеры снорков опасались, потому что эти твари, утратив разум, обретали взамен феноменальную прыгучесть и легко могли наброситься из засады. Мгновенно, так, что не успеешь не то что выстрелить, даже стволом повести в нужную сторону.

Кекс потянул за шнурок, взял ПДА и наконец-то задействовал биосканер. Из живых биосканер показывал трех сталкеров, да какую-то мелочь под БРДМ. Снорка прибор живым более не считал.

Вернув ПДА на штатное место, Кекс перевернул труп на спину. Над остатками нагрудного кармана виднелась грязная нашивка с едва читаемой надписью: «Сержант Довжук». Кроме фамилии и звания, чуть ниже виднелся код воинской части и группа крови.

— Прощай, сержант Довжук, — пробормотал Кекс со вздохом. — Хотя, подозреваю, умер ты гораздо раньше.

Кекс перевел взгляд на взъерошенного Батона.

Тот, тяжело дыша, таранился на мертвого снорка и все ещё сжимал в руках автомат.

«Надо бы его отвлечь, — подумал Кекс. — Пусть расслабится. Понятно, что переволновался, но сколько ж можно — сталкеру нельзя надолго проваливаться, даже если он пока всего лишь отмычка».

— Слышь, Батон? Хватит тормозить, идем дальше. Ты вроде поссать собирался? Давай, и двинули, нам ещё ночлег искать.

Батон перевел на Кекса взгляд, все ещё хранящий толику безумия.

— Да я, собственно, уже... — буркнул он и опустил глаза.

Псих цинично заржал, но сейчас именно это и требовалось.

— Я поведу, — сказал Псих, отсмеявшись. — Давайте, подобрали сопли, и вперед. Кекс, а пистолетик ты прихвати, вдруг пригодится...

Глава семнадцатая

В «Вотрубке» Сиверцев и Тараненко для начала просто пообедали — борщ подали хоть куда! Солдатня в «Ать-два» определенно ленилась на поварских должностях, в отличие от местных кудесников котла и чумички. Обедали неторопливо, потому что Покатилова на месте все равно не было, о чем шепнул маскирующийся под киношного гангстера Хома. Сиверцев не очень понял, зачем это было сказано — вроде бы он ещё не успел стать важной птицей в покатиловской иерархии. Он, собственно, никем ещё не успел стать, поскольку находился в «Вотрубке» в качестве покатиловского консультанта всего лишь в третий раз и не чувствовал себя тут своим. Даже упомянутого Хому Сиверцев знал лишь наглядно и имя (а скорее не имя, а кличку) запомнил только потому, что Покатилов однажды так к своему подручному обратился. Тем не менее Хома возник у их столика уже на четвертой минуте, когда официант принял заказ и улетучился на кухню.

«Нет, так нет, — подумал Сиверцев. — Пообщаюсь с Тараненко тогда».

Ему и в самом деле хотелось порасспрашивать Максима — до сих пор Сиверцев в основном рассказывал.

Увы, не вышло. Довольно скоро Хома возник снова, что-то доверительно шепнул Тараненко на ухо, после чего Максим встал и развел руками:

— Меня просят! Спасибо, Ваня. Дождешься?

— Конечно, — пообещал Сиверцев, не колеблясь.

Он сначала решил, что Тараненко позвали обычные институтские дела, однако тот направился не к выходу, а вслед за Хомой, к тяжелой занавеси, отделяющей бар от хозяйского офиса. И тогда до Сиверцева дошло: Максима пригласил Покатилов, успевший, надо понимать, вернуться в родные пенаты.

Минут двадцать Сиверцев скучал за столом, невнимательно изучая зал. Он попытался прикинуть, в какой точке «Вотрубы» может находиться акустическая мода, но после борща упорно не думалось, а две по сто (одна перед борщом, вторая после) только усугубили лень мысли.

Потом Тараненко вернулся, задумчивый и серьезный. По крайней мере серьезнее, чем уходил. Сел на прежнее место, побарабанил пальцами по столу.

— Ваня, — сказал он через несколько секунд. — Пойдешь в составе моей группы в Зону?

Сиверцев опешил. — Я? В Зону?

— А почему нет? — Тараненко пожал плечами. — Грамотный цитолог нам не помешает.

— А...

— С Баженовым я решу, — упредил Тараненко. — И не только я.

Максим вдруг наклонил голову и исподлобья взглянул на Сиверцева.

— Раз уж воткнулся во все это... Лучше тебя взять, чем кого-нибудь со стороны.

«Увяз коготок, увяз, — с легким ужасом подумал Сиверцев в который уже раз. — Ой, мама, куда ж я умудрился влезть?»

Старательно контролируя голос, чтобы не дрожал, Сиверцев осторожно осведомился:

— Правильно ли я понимаю, Максим... Я знаю слишком много, поэтому, сказавши «А», должен сказать и «Бэ»? То есть окончательно и бесповоротно перейти под начало. — Сиверцев выразительно мотнул головой в сторону тяжелой занавеси.

— Не так грубо, но по сути верно, — буркнул Тараненко. — Зона — это бизнес, Ваня, большой бизнес. С руководящей должности это видно очень отчетливо. Во всяком случае, гораздо отчетливее, чем с исследовательской. Только под начало приглашаю тебя я, а с... — теперь Тараненко указал в сторону занавеси, — мой отдел разве сотрудничает? Ни-ни! Международные уложения не велят. Зато никакие уложения не возбраняют заниматься бизнесом, если, разумеется, он легален. Но это мы уж как-нибудь организуем, легальность, в смысле.

— Значит, официальных препон с переходом не будет? — уточнил Сиверцев.

— Все устроим, — заверил Тараненко, и у Сиверцева исчезли последние сомнения. — Да и в зарплате ты выиграешь, не сомневайся. А Баженову в группу я замену найду, есть пара перспективных студентов.

— Как у вас, на верхах, все просто, — сказал Сиверцев чуточку тоскливо. — Р-раз! И все дела порешали.

Тараненко расплылся в улыбке:

— Ваня, ты что! Ты ж сейчас к верхам приблизился на шаг! На два шага! Правильные люди не трепотней международной занимаются, сам понимаешь...

«И всё-таки, — Сиверцев продолжал волноваться. — Неужели я им настолько нужен, что меня так откровенно покупают? Чуть ли в долю не берут, стервецы... Я невольно впутался в некую историю, несомненно, сулящую большие прибыли. Сам я ничего толком не понимаю, но Тараненко отчего-то решил, будто мне всё открыто, как на ладони. И это как-то связано с исчезновениями сталкеров, с монстром, который ходит из Зоны наружу, а возможно, и с таинственным, чтоб он был здоров, дубликатором... Надо все обдумать, ой

надо! Не в смысле — соглашаться или нет, тут вес ясно, да и выбора мне, похоже, не оставили. Обдумать, дабы понимать: что происходит на самом деле, а то подобные мне везунчики с самого низу слишком уж часто оказываются разменной монетой для тузов, невидимых в густой тени...».

Вслух он сказал другое:

— Только у меня опыта полевой работы нет вовсе. Крыса я лабораторная!

Максим осклабился:

— Ничего, это поправимо, причем в кратчайшие сроки! Ты доел?

— Доел.

— Тогда нечего расслаживаться! Вот держи, это направление, Тараненко протянул свежееотпечатанный бланк, куда уже были вбиты фамилия, имя и новая должность Сиверцева. — Езжай к своей бывшей конторе, сдавай дела коллегам. Баженову поклон и скажи, что коньяк с меня, а также два студента на твоё место. Студенты буквально на днях, коньяк — когда получится. После этого приходи к моей секретарше, она тебя оформит. Завтра с утра за тобой заедут, а после обеда, думаю, уже будем в Зоне.

— Завтра? После обеда? — растерялся Сиверцев. — Так это... Я ж снаряжение даже издавека не видел! Ну ладно спецкостюм, их все на тренажах изучают. Или автомат, его хоть понятно за что держать и куда стволом тыкать. А остальное?

— Жизнь научит, — цинично ухмыльнулся Тараненко. — Не дрейфь, Ваня, по ходу дела освоишься. Не ты первый, не ты последний. К тому же в группе опытных людей будет достаточно. А со снаряжением завтра с утра поработаем — получим, распределим, подгоним, зарядим. Все отточено и выверено. И ещё одна радость есть: без натовских наблюдателей пойдем! Никто над душой стоять не будет. Так что давай, ноги в руки — и оформляться. Подвезти тебя?

— Если не сложно, — вздохнул Сиверцев.

— Не сложно. Пойдем.

«Мощно пообедали, — подумал Ваня, усаживаясь в машину Тараненко. — Ладно, будем надеяться, что жизнь пошла в гору!».

Остаток дня Сиверцев провел именно так, как распланировал Тараненко: сдавал дела Пашке, пил отходную с коллегами, виновато поглядывал на Баженова, потом вторично угостился кенийским высокогорным у секретарши Анжелы и часов в восемь вечера уже мог считать себя сотрудником нового для себя отдела. За пределы исследовательского центра он вышел, ещё не решив, куда направится: в общагу, в снова открывшийся «Ать-два» или ещё куда.

Но выбор вновь сделали за него: выйдя за КПП, Сиверцев узрел болотного цвета «Лендкрузер», вздохнул и покорно направился к пассажирской дверце.

Поехали, конечно же, в «Вотруб».

Примерно в это же время в офисе Покатилова, только не в кабинете, а в смежном мини-баре, хозяин вторично за сегодняшний день принимал Максима Тараненко.

Мини-бар был скудно освещен, совсем как покатиловский кабинет. Небольшой низкий столик, рядом тележка с напитками, льдом и фруктами, удобные кресла. Что ещё нужно для серьезного разговора?

Покатилов и Тараненко сидели тут второй час. Основное они уже обговорили, теперь попивали виски и разбирались с частностями.

— И всё-таки, — повторил вопрос Тараненко. — Почему именно Сиверцев? Консультироваться логичнее у людей посерьезнее. Парень-то он неплохой, не спорю, но зеленый ведь совсем. И с другой стороны — для полевой работы есть специалисты не измеримо выше классом. Тем не менее вы настояли на его отправке. Почему?

— А ты, что ли, против, Максим? — словно бы нехотя поинтересовался Покатилов.

Тараненко задумчиво пошевелил стаканом; лед тихонько звякнул о стекло.

— Нет, зачем же против? Просто я хочу понять вашу мотивацию, Виктор Павлович. За решением привлечь Сиверцева явно что-то стоит. Вот я и хочу понять — что?

— А это важно?

Прежде чем ответить, Тараненко сделал паузу, в который раз обдумывая сказанное. В таких делах каждое слово имеет особую цену.

— Полагаю, да. В конце концов, это знание может повлиять на мое поведение в Зоне. А это немаловажно, согласитесь.

Теперь задумался Покатилов.

— Пожалуй, ты прав. Ну, хорошо, слушай. Сиверцев далеко не единственный, кто был рядом с монстром из Зоны в «Ать-два» перед тем, как увели Полоза. Но он единственный, кто вспомнил монстра, едва взглянув на фотографию. Отчетливо вспомнил. Да, с обмороком и последующим снятием психоблока. Но — вспомнил! Остальные помнят, увы, лишь на уровне «вроде да, сидел тут кто-то». По-моему, этого достаточно.

— Думаете, у него выше сопротивляемость пси-атакам монстра?

— Да, думаю. Это, разумеется, соломинка, но другой у меня пока нет. Я не рассчитываю, что сопротивляемость Сиверцева обязательно поможет, в конце концов, сопротивляемость — это лишь голое предположение. Но отмахиваться от подобной соломинки глупо. Лучше использовать.

Тараненко пригубил виски.

— Согласен. В вашем положении любая соломинка важна.

— В нашем положении, Максим. В нашем, — поправил Покатилов. — Постарайся это запомнить, раз уж предложил прокатиться в одной лодке.

Тараненко едва заметно искривил губы в подобии улыбки:

— Я-то запомню, Виктор Павлович. Главное — вы не забудьте, когда придет время делить трофеи.

Лицо Покатилова враз стало жестким и неподвижным, как у изваяния в каком-нибудь старом языческом храме.

— А вот это ты зря, Максим. Если бы я не держал слово, я не занимался бы столько лет тем, чем занимаюсь. И ты меня очень обяжешь, если к этому вопросу мы больше никогда не вернемся.

Тараненко смутился:

— Простите, Виктор Павлович, я действительно наговорил лишнего. Просто... слишком уж часто мне приходится сталкиваться с кид... э-э-э... с людьми, чьи убеждения отличны от ваших. С волками жить, сами понимаете, по-волчьи выть.

— Прощаю, — буркнул Покатилов. — В первый (и единственный) раз. И надеюсь — сработаемся.

Намек был достаточно прозрачен; Тараненко допил виски и встал из кресла. За спиной тут же кто-то возник, но оборачиваться Максим не стал.

— До завтра, — попрощался Покатилов.

— До завтра, Виктор Павлович...

Не успела машина Тараненко отъехать от бара «Вотруба», ко входу подкатил болотного цвета «Лендкрузер».

— Если Хомы в зале нет, — посоветовал здоровяк-водитель, — сядь где-нибудь поближе к занавесочке. За тобой выйдут.

— Хорошо, — кивнул Сиверцев. — Я уже почти привык.

— Ну и молодца, — похвалил водитель.

Сиверцев выбрался из машины; мягко, чтоб ненароком не стукнула, закрыл дверцу и направился к бару. Охрана его уже знала, даже обыскивать не стали.

Хомы в зале не было. А все столы поблизости от занавешенной арочки были заняты. Сиверцев подумал и направился к стойке, где сразу же взгромоздился на высокий вертящийся табурет. Память о недавних событиях в «Ать-два» была ещё слишком свежа: первое, что он сделал, — украдкой замерил радиационный фон.

Норма.

«Можно выдохнуть, — подумал Сиверцев. — Заполосный я стал, как стреляный заяц. Скоро от каждой тени шарахаться начну. А в Зоне это вредно, ребята говорили...».

Тут подошел бармен; Сиверцев заказал сотку и горячий бутерброд с бужениной, надеясь, что к Покатилову вызовут не раньше, чем он управится с заказом.

Чуть правее за стойкой, через два табурета, мрачно поглощал пиво незнакомый юнец в новенькой камуфляжной форме. Никаких воинских знаков различия Сиверцев не разглядел — ни нашивок, ни петлиц. Скорее всего гражданский, юный искатель приключений. Наслушался сногшибательных сказок о Зоне и подался на ее завоевание. Балбес... Нет, разумеется, каждый сталкер в прошлом был подобным балбесом, с этим не поспоришь. Да только чтобы через пару лет получился приличный сталкер, таких юнцов в Зоне нужно сотню положить. А сто первый, который выживет, — возможно, станет сталкером.

Когда Сиверцев махнул водки и занялся бутербродом, юнец перебрался на соседний табурет.

— Привет, бродяга! — храбро поздоровался он.

Сиверцев промычал нечто малочленораздельное — с горячей закуской во рту не поцицеронишь.

— Ты сталкер? — спросил юнец в лоб.

Сиверцев даже жевать на мгновение перестал. Потом сглотнул, повернул голову к собеседнику и флегматично поинтересовался:

— А что, похоже?

Юнец смутился — вероятно, он уже сообразил, что реальные сталкеры сильно отличаются от суперменов, которых он себе на воображал. Но вот в какую сторону отличаются — ещё толком не врубился.

— Ну, мало ли. Не военный, значит, сталкер.

— Да тут из десяти шестеро не военные, — хмыкнул Сиверцев. — Вон бармен к примеру. Или официант.

— А в Зону скоро пойдешь? — с убийственной прямоотой спросил юнец.

Сиверцеву ужасно, до зуда в затылке, захотелось подпустить в голос солидности и небрежно сообщить: завтра, мол, ближе к вечеру. Но благоразумие победило — он сдержался.

— Слушай, дружище, — доверительно сказал Сиверцев юнцу. — В Зону имеют право ходить только вояки и научники из исследовательского центра. Ты что, не читал буклет на кэ-пэ-пэ? Хочешь и Зону — шуруй на вербовочный пункт. А самодеятельность у нас карается. Уразумел?

Юнец открыл было рот для очередного вопроса, но тут на его камуфлированное плечо легла чья-то волосатая рука. Юнец обернулся. Сиверцев тоже.

Пожаловал сталкер Кардан, собственной двухметровой персоной.

— Слышь, зеленый, — прохрипел он. — Возьми флакон белой, курева и подгребай за во-он тот столик. Там найдешь, чего ищешь.

За указанным столиком маятно маялись дружки Кардана — похоже, им банально не хватало на выпивку. Хотя отмычки им скорее всего все равно требовались.

Юнец с готовностью сполз с табурета и метнулся к бармену.

Сиверцев криво усмехнулся.

— Чё ржешь, наука? — буркнул Кардан, исподлобья глядя на Сиверцева.

— Дедушку вспомнил, — огрызнулся Ваня. — Гуляй, Кардан, вон уже водку подают.

Кардан поглядел — официант с подносом, да не пустым, действительно направлялся к столику, где маялись дружки.

— Нервные все, — Кардан махнул рукой. — Уж и не спроси...

— И не говори, — закруглился Сиверцев миролюбиво. Сталкеры периодически задирались к работникам исследовательских центров, но в целом это не поощрялось, ни с официальной точки зрения, ни местными нравами. В среде сталкеров считалось унижительным мять бока ботаникам, а среди ученых и лаборантов, что вполне естественно,

было исчезающе мало любителей почесать кулаки. Кроме того, владельцы баров и по совместительству скупщики артефактов меньше всего были заинтересованы в выходе из строя тех, кто таскает артефакты из Зоны, то бишь сталкеров, а военные обычно всегда поддерживали ученых, поскольку кормились в конечном итоге с результатов исследований. Поэтому, препираясь с громилой Карданом, Сиверцев и общем-то ничем не рисковал. Охрана бара вмешается мгновенно да и троица вояк за ближним столиком при виде Кардана притихла и принялась неодобрительно поедать его глазами. К тому же и Сиверцев отнюдь не был пай-мальчиком: один на один с Карданом шансов у него, понятное дело, было немного, но уж за те несколько секунд, покуда их не разнимут, Ваня однозначно успел бы не только мощно огрести от оппонента, но и разок-другой от души заехать ему по уху. Так, собственно, несколько раз уже происходило, в силу чего Сиверцев даже заслужил в сталкерской среде определенное уважение и снискал звание не обычного ботаника, а ершистого, правильного.

Минут через пять, когда от бутерброда осталось одно воспоминание, а незадачливого юнца активно окучивали Кардан и компания, из-за занавески выглянул Хома. Встретившись взглядом с Сиверцевым, он поманил цитолога пальцем. Ваня послушно слез с кресла и отправился на очередное свидание с Покатиловым.

Проверенный и обысканный, он вступил в кабинет негласного шефа, щурясь на настольную лампу и осторожно ступая по коврику.

— Вечер добрый, — первым поздоровался Сиверцев, как и подобает гостю.

— Привет, Ваня, — отозвался Покатилов, отрываясь от коммуникатора, куда что-то сосредоточенно вбивал. — Чего это ты с Карданом не поделил?

— Я? — удивился Сиверцев. — Это он ко мне сунулся. Я вообще человек тихий и мирный...

Покатилов загадочно усмехнулся.

— Ну, поглядим... Впрочем, ладно. Ты рабочие дела урегулировал? С переходом?

— В полной мере! Отныне я сотрудник Тараненко, правда, без определенных обязанностей. Называюсь просто «биолог-исследователь полевой группы».

— Практически сталкер, — усмехнулся Покатилов.

— Да какой из меня сталкер. — Сиверцев зябко передернул плечами. — Я Зону даже издали не видел. Отмычки желторотые в сравнении со мной — асы...

Покатилов растопырил ладони и философски изрек:

— Любой ас когда-то ходил в Зону впервые. Не дергайся, Ваня, ты ж не в одиночку идешь. Будет кому и подстраховать, и научить, и объяснить. Причем идешь легально, белым днем, через парадный, так сказать, вход! Это тебе не полночи на пузе в кустах проваляться, да ещё когда вертолеты с натовцами над головами стрекочут... Я бы на твоём месте радовался, Ваня!

— Я радуюсь, — заверил Сиверцев. — В меру сил. Но, подозреваю, вызвали вы меня не затем, чтобы велеть радоваться, так ведь?

Покатилов запрокинул голову и коротко рассмеялся.

— Шустрый ты малый, биолог-исследователь! Точно не пропадешь!

А потом сбросил веселье, разом, как накидку, и стал серьезным и жестким, каким и подобает быть человеку его занятий.

— Для тебя, Ваня, у меня особое задание будет. Справишься — считай, на особнячок уже заработал. А не справишься — не взыщи. Зона много народу перемолола и съела.

У Сиверцева невольно пересохло в горле, он едва не закашлялся, но пересилил себя и как мог спокойно произнес:

— Я ведь ещё не знаю ни с кем идем, ни куда идем, ни зачем идем... И уже особое задание?

Покатилов слегка нахмурился:

— А Максим тебе ничего не объяснил, что ли?

— Нет. Велел оформлять документы, а все остальное завтра.

Несколько секунд Покатилов собирался с мыслями, потом проворчал:

— А и верно... Завтра ты у него весь день на глазах будешь, до самого старта. Хитер гусь Тараненко!

Покатилов наклонил голову и покосился на экраны у себя на столе.

— Ладно, слушай то, что Тараненко тебе, возможно, и не расскажет. Идете вы по исследовательской надобности, какой — не важно, но попутно ещё и пару полезных дел провернете. Встретите кое-кого, образцы примете-оформите и все такое. А потом станете лагерем у самого края Зоны, тут совсем неподалеку. И будет вашей негласной задачей засечь нашего радиоактивного дружка из Зоны, того самого, что в прошлый раз завис в акустической моде бара «Ать-два», натрусил там фонащей пыли, а потом увел Полоза. Сегодня ночью пойдут пятые сутки с пропажи Полоза. Завтра, вскоре после того, как выйдете, — шестые. Пару дней вы точно по Зоне прошагаете, а как встанете — как раз неделя и исполнится. Есть подозрение, что следующую вылазку монстр сделает не куда-нибудь, а ко мне в бар. А значит — неминуемо пройдет неподалеку от вашей стоянки и из Зоны выходить будет либо через второй восточный блокпост, либо где-то в поле между Заярьем и собственно Желтым Ярм. Я нанял ребят, его попытаются либо взять, либо убить. Может, и получится. А твоя, Ваня, задача — увидеть всё, что произойдет, и постараться запомнить. Ну а психоблоки доктора тебе потом опять поснимают. Уразумел, Ваня?

— И что же, — поинтересовался Сиверцев, — мы так и будем стоять, пока монстр мимо не пройдет?

— Именно. Между его вылазками обычно проходит больше недели, но меньше пятнадцати дней. Грубо — от десяти дней до двух недель.

— А если он не в «Вотруб» направится, что тогда?

— Тогда наша теория ни к черту не годится, — невозмутимо сообщил Покатилов. — Будем изобретать новую, поточнее. Пока не прищучим гаденыша.

«Прищучим, — подумал Сиверцев отстраненно. — Так говорит, будто это очень просто, найти и прищучить... Мне бы его уверенность».

Глава восемнадцатая

Накануне так умаялись на сборе артефактов, что даже ужинать не стали. Едва Псих привел спутников на ночлег — в пустой коллектор рядом с железнодорожной насыпью, — повалились спать. Предварительно надежно закупорив люк. Коллектор был глухой, во всяком случае, никаких труб или узких отнорков Кекс не обнаружил, и для чего предназначался — иди знай. Просто бетонная полость в почве. Люк хоть и ржавый, но крепкий. Что ещё нужно? Нормальное место, можно ночевать. На разговоры сил тоже не осталось, отрубались все моментально, понадеявшись на датчик движения и звука, оставленный у входа.

Наутро перекусили, Кекс проверил оружие и заодно привел в божеский вид подобранный ПМ снарка Довжука, свернулись и двинули на запад, мимо Янтаря.

Озеро оставалось левее, научный лагерь тоже. Псих вел спутников по краю жиденького леска, что тянул к серому небу Зоны корявые сучья и упорно цеплялся корнями за бесплодную почву. Травы и подлеска тут не было — только перекрученные стволы да коричневые сучья, кое-где усеянные крохотными, с копеечную монету, жесткими листиками. Спасибо, что колючек на этих деревьях не наблюдалось, но что-то подсказывало: ветви у них ничем не лучше колючек. Жесткие, поди, неподатливые. Лучше не трогать.

Сталкеры и не трогали.

Вдоль опушки шли минут сорок, потом лесок постепенно сошел на нет, а перед Психом, Кексом и Батоном открылось плоское, как дно гигантского тазика, поле. В его центре торчала одинокая водонапорная башня. Что делала она в чистом поле и для каких целей была некогда воздвигнута — неизвестно. Скорее всего под землей прятались какие-то сооружения, иного объяснения Кекс не мог придумать. Знаменитые агропромовские подземелья, по идее, располагались дальше к западу. Но теоретически они могли быть

гораздо обширнее, чем принято считать. Много в окрестностях ЧАЭС настроено, много. И через один — секретные военные объекты.

Но Псих к башне не пошел. Пошел заметно правее, причем на башню периодически опасливо косился. Кекс это заметил. Объяснять свои опасения Псих не спешил, а спрашивать Кекс считал неуместным. Лучше по сторонам внимательно поглядывать да оружие держать наготове — больше пользы, нежели от пустой болтовни.

Они благополучно миновали башню и почти уже подходили к дальней границе поля, как Псих вдруг насторожился, замер и взялся за «калаш». Метрах в пятидесяти прямо по курсу просматривались какие-то окопчики, что ли. Неровности почвы, словом. На пологих и невысоких холмиках росла даже на взгляд жесткая трава. Остроконечная, как чуб на Симпсоне.

— Что такое? — шепотом справился Кекс, встав рядом с Психом и тоже взявшись за автомат.

Псих напряженно молчал, глядя вперед. Кексу показалось, что он не только глядит, а также и слушает и, леший его дери, приняхивается да плюс пытается как-то с расстояния «прощупать» окопчики, непонятно, как именно, но пытается. Похоже на то, как вычисляют препятствия летучие мыши и дельфины. Кекс понятия не имел, откуда у него возникла эта странная уверенность, но чувствовал ее однозначно и отчетливо. Он ещё подумал, что они с Батоном около Психа выглядят словно слепцы рядом со зрячим. И еще — чувство это было внезапным, нахлынуло сразу и мгновенно, причем дополнялось смутным ощущением, что пришло оно не само, а было подсунуто кем-то сторонним.

Кекс страшно не любил подобных моментов — когда начинает казаться, что твоими мыслями и чувствами управляет кто-то невидимый и могучий. Но в Зоне время от времени такое случается, и с этим ничего не поделать. Специфика аномальных мест.

— Там что-то есть, — тихо сказал Псих через некоторое время. — Там, в траве.

— Что-то или кто-то? — уточнил Кекс, подбираясь, словно кот перед решительным броском к беспечной мышке.

Псих снова «прощупал» окопчики, Кекс ощутил это удивительно явственно, аж мурашки по коже пошли.

— Не знаю, — ответил Псих. — Не могу понять. И это странно.

— Может, обойдем? — осторожно предложил Кекс. — Ну его...

— Нельзя, — пробормотал Псих. — Это важно! Я чувствую.

Он, держа «Калашников» перед собой, медленно двинулся вперед. На полусогнутых ногах, тщательно выбирая место, куда ступить. Кекс взглянул на Батона, матюкнулся про себя и пошел за Психом, но не след в след, а чуть правее. Он знал: Батон сейчас пристроится ещё чуть правее и позади.

К окопчикам они крались минут пять. С Кекса семь потов сошло. Он заранее приготовил себя к какому-нибудь дурацкому сюрпризу, вроде шумно вспорхнувшей птицы или писка крысиного семейства — в напряженные моменты обязательно происходит подобная ерунда, из-за которой легко можно друг друга перестрелять. И отмычек своих натаскал соответственно. Во всяком случае, за Батона Кекс сейчас не переживал. А вот за Психа...

«Ничего, — успокаивал себя Кекс. — Псих парень опытный. Проявил уже себя, проявил...».

На краю центрального окопчика Псих остановился, потом присел. А потом тихо, но так, чтобы напарники слышали, выругался. Но автомат при этом опустил, значит, непосредственной опасности пока не было.

Кекс подошел. Сначала ему показалось, что в окопчике лежит большая детская кукла, облаченная в живописные лохмотья. Потом сообразил, что это никакая не кукла, а труп, высохший и сморщенный. Мумия. А ещё секундой позже опознал в мумии Полоза. Сталкера Шуру Полозенко. Бывшего сталкера.

— Вот и все, — пробормотал Кекс тоскливо. — Прощай, Полоз...

— Да уж, — подал голос Псих. — Были надежды — нет больше надежд.

У Кекса особых надежд, говоря начистоту, и не было. В глуби не души он был готов к этой невеселой встрече. Но все равно столкновение с мумией Полоза резануло по нервам. Зона наибольшая. Сколько было шансов набрести на останки пропавшего несколько дней назад сталкера? Объективно говоря — не шибко много. Но они тем не менее вышли точно на этот злополучный окопчик, словно вел их троицу кто-то. Целенаправленно и неумолимо.

— Может, я и ерунду предлагаю, — сказал вдруг Батон. — Но давайте тут посидим, а? Замочим кровососа, в три ствола-то? Точно замочим.

Псих мрачно покосился на отмычку. Батон и сам знал, что ему сейчас возразят — мол, из Зоны ходит не кровосос, и мстить ему — все равно что вымещать злобу на колесе сбившего тебя автомобиля. Ну проколешь шину, и что изменится? Колесо и заменить недолго. Устранять нужно причину, а не следствие.

— Слушай, Саня, — обратился к спутнику Кекс, — ты не находишь это странным? Шли мы, шли и вышли точно к трупам Полоза. Как в кино прямо.

— Не нахожу, — зло проговорил Псих. — Я ожидал чего-нибудь в этом роде. Влипли мы, Кекс. Зона взялась за нас, взялась плотненько. И недвусмысленно об этом оповещает. Теперь мы в стороне точно не отсидимся. Теперь наша очередь.

Кекс, невзирая на ситуацию, был далек от паники. Сознание сделалось кристально чистым, и на секунду Кекс уверовал в собственную готовность противостоять любым сюрпризам Зоны. Он зыркнул по сторонам, ибо мишенью они в данный момент являлись великолепной. Но вокруг было пустынно.

«Хоть бы кровосос показался, что ли, — с досадой подумал Кекс. — Разрядиться надо. Пострелять, стравить напряжение и ненависть. Не стравить — перегоришь».

Низкие тучи ползли над головами, слабый ветер шевелил траву над окопчиками.

— Слушай, Саня или как там тебя, — чужим голосом сказал Кекс, сам несколько удивленный собственной прытью. Вновь кто-то посторонний управлял им, мыслями, голосом и поступками. — Если ты не скажешь, куда и зачем мы идем, я тебя пристрелю. И плевать мне на Покатилова и его тайны. Покатилов далеко. Мы сейчас тут, в Зоне, и мне никогда ещё не было так страшно. Колись, Псих. Я очень не люблю, когда мне страшно.

Псих повернулся к напарнику, демонстративно отведя ствол «калаша» в сторону.

— Имеешь право, — процедил он. — Жаль, не вовремя, но когда же еще? Тут неподалеку есть бывший пост автоинспекции. На втором этаже там комната, а в комнате сейф. Это и есть наша цель. Заглянем в сейф — и назад. Доволен?

Вообще-то Псих мог рассказывать любые сказки. Кекс это ясно понимал. Как его проверишь? Не писать же Покатилову срочную депешу. Но тот факт, что Псих без затей ответил на вопрос Кекса, слегка успокоил. Напарник не хотел конфронтации, он по-прежнему был склонен работать в команде, это было понятно и это безмерно радовало.

«Наверное, надо извиниться, — промелькнула мысль. — Боже, ну что за дурь происходит...».

— Кровосос, — спокойно и очень буднично произнес Батон. — Стрелять?

В другое время Кекс за подобные вопросы отмычку бы лично придушил. А сейчас ничего не успел сделать.

Псих завалился на бок, в окопчик, в падении выпустив короткую очередь. Скорее всего он промахнулся. Кровосос, долговязый детина с вытянутой по вертикали головой, утробно воркнул и растворился в воздухе, перейдя в состояние невидимости. Кекс впервые наблюдал это. Теоретически он знал, что кровососы способны впасть в режим «стелс» (а как ещё назовешь?), но на практике никогда до этого не доходило. До сегодняшнего дня Кекс успевал выстрелить первым. И подозревал, что о тех, кто не успевал выстрелить первым, обычно узнают из сетевых сообщений — погиб, мол, сталкер такой-то там-то и там-то.

— Мама, — просипел Батон и принялся палить веером, от бока, не целясь. Herstal его изверг долгую очередь и вскоре поперхнулся, растратив весь боезапас. Кекс это отметил совершенно автоматически, потому что телом его, не иначе, тоже завладел кто-то посторонний. В данный момент этот посторонний скомандовал отбежать к соседнему окопчику и юркнуть туда.

Упал Кекс неудачно — вроде бы должен был спружинить выставленной левой рукой, но за секунду до касания на что-то наткнулся. Окопчик не был пуст. Кекс похолодел, продолжая действовать словно по чьей-то указке.

Ладонь скользнула к бедру. Кекс выдернул из узкого кармашка нож, кажется, оборвав застежку с кнопкой, коротко размахнулся и всадил куда придется, а в следующий миг чуть не оглох от пронзительного нечеловеческого визга. Из окопчика его попросту выбросило. Странно, но Кекс не упал на спину, а приземлился на ноги и сумел устоять, не упал. Руки продолжали действовать автономно — он прицелился, но раньше успел Псих, очень удачно возникший рядом. «Калашников» коротко протарахтел. Herstal Кекса тоже, но Кекс бесцельно пальнул в сторону, а вот Псих попал именно туда, куда стремился.

На дне окопчика скрючился кровосос, выпавший из режима невидимости. Голова его была алой от крови, а из левой глазницы торчал нож Кекса. Кровосос приподнялся на руках, щупальца у его рта дрогнули и безвольно обвисли, а сам он харкнул кровью на землю и упал мордой в лужицу, загнав нож ещё глубже в глазницу.

Кекс был взвинчен дальше некуда, в крови бурлил адреналин, а руки ни в какую не желали расстаться с автоматом. Он пальнул бы еще, если бы не Псих, ошеломляюще спокойно произнесший:

— Все. Остыли.

Кекс явственно ощущал пальцем холод спускового крючка и почти уже нажал его снова. Но голос Психа отрезвил. Окончательно.

— Батон, — произнес Псих все с тем же убийственным спокойствием. — Если ты ещё и обосрался, заставлю стирать штаны.

Батон довольно длинно объяснил Психу, куда тот может идти со своими предложениями, из чего можно было заключить: штаны стирать не придется.

— Отлично. — Псих на глазах повеселел. — А то как ты маму помянул и принялся палить, я решил — с катушек парень съехал.

— Что делаем? — перебил его Кекс. — Как-то неохота тут торчать. Мумия, кровосос... Как бы суперконтролер (или кто там stalkеров в Зону уводит?) не пожаловал.

— Не пожалует, — с непонятной уверенностью заявил Псих. — Поблизости никого нет. Один раз я лопухнулся с кровососом, но теперь уж точно — никого.

— Лопухнулся? — переспросил Кекс.

— Ага. Не почуял кровососа. Думаю, из-за мумии. И еще: мне кажется, кровосос спал. Поэтому я и не ощутил присутствия кого-нибудь живого. Чувствовал — кто-то или что-то есть, а кто или что именно, сообразить не успел.

— Саня, — решился пойти в атаку Кекс. — Да как ты мог почувствовать кровососа, а? Ты что, сам мутант? Шестое чувство прорезалось?

— Можно сказать и так, — спокойно ответил Псих. — Я чувствую существ Зоны на расстоянии. Не могу объяснить как, но чувствую. Думаю, они меня тоже. Так что, наверное, ты прав. Я мутант

То, что Псих не стал запираться, неожиданно сменило настрой Кекса на кардинально противоположный. Ещё секунду назад он готов был давить на Психа сколько нужно, пока тот не сознается в собственной необычности. Но то, что Псих согласился, легко и сразу, почему-то моментально поколебало решимость Кекса, а вместе с этим пришли и вполне объяснимые сомнения.

— Ну, вот, сразу мутант, — пробурчал Кекс, несколько тушуясь. — Куда ни плюнь — кругом мутанты. А чем докажешь?

— Я должен тебе что-либо доказывать? — угрюмо переспросил Псих. — С какой стати?

— Мы всё-таки команда. Пока. Или уже нет?

— Команда, — вздохнул Псих. — Но вообще ты прав, лучше отсюда уйти. Кинь, пожалуйста, сообщение в сеть: мол, нет больше Полоза.

Кекс быстро исполнил просьбу, надо сказать, уместную и своевременную. И лишь потом сообразил, что Псих снова ловко ушел от предметного разговора.

Они миновали край поля и вышли к старой дороге, делавшей тут достаточно крутой поворот с севера на запад. Далеко на западе виднелся и обещанный пост автоинспекции — отсюда он казался парой детских кубиков, поставленных вертикально один на другой.

По дороге, насколько мог судить Кекс, можно было безбоязненно пройти — никаких признаков аномалий не угадывалось. Псих явно решил так же, потому что вышел на центр дороги, туда, где кое-где ещё виднелась осевая линия, и пошел вперед, к кубикам далекого поста.

— И всё-таки почему ты мутант? — Кекс рискнул вызвать спутника на откровенный разговор.

— Я родом из Припяти, — буркнул Псих. — И мне скоро шестьдесят лет.

Кекс даже запнулся.

— С-сколько?

— Шестьдесят. В двадцать шестом как раз исполнится. Когда в апреле восемьдесят шестого черныбыльская рванула в первый раз, мне было двадцать, и я только-только вернулся из Афгана. Двадцать пятого апреля я попал под грузовик, дома, в Припяти. Это последнее, что я помню из прошлой жизни. По всей видимости, я впал в кому, а когда рванула атомная станция и объявили эвакуацию, меня просто бросили в больнице. Я лет сорок провалялся тут, в Зоне! Понимаешь? Не сдох, как должен был, и даже не постарел. Года два назад, чуть больше, я почему-то очнулся. Понятное дело, не дождался врачей, поэтому посдирал с себя датчики, дыхательную маску и вышел в город. Прикинь, каково мне было, а? Людей нет, мертвяки одни. Город в запустении. Я чуть с ума не сошел! А потом чуть не сошел с ума вторично, когда узнал, какой на дворе год, уже когда из Зоны впервые выбрался. Так что сам решай, мутант я или нет.

Кекс, вполне предсказуемо ошеломленный этим признанием, даже не нашелся сразу что сказать.

— Ни фиги себе, — пробормотал он и умолк.

«Вот что значило — воевал, только не в Чечне, а немного дальше... — подумал Кекс. — В каком году из Афгана войска выводили-то? В девяностом, что ли? Вроде даже раньше. Кто там воевал, почти все уже пенсионеры...».

— Наверное, вам следует знать, — продолжил Псих. — Меня не трогают существа Зоны. Никакие. Ни кровососы, ни псевдогиганты, ни даже химеры. Если бы не это, я бы недалеко от больницы под Припятью ушел, сами понимаете. Без оружия-то.

«И ещё один ответ», — в голове Кекса складывалась четкая картина, объясняющая все несуразности, связанные с Психом и теперешним выходом. И почему Псих не берет в Зону много патронов, и как они умудрились дойти до Агропрома, практически не стреляя по собакам и прочей местной живности, и даже причина, по которой Псих легко узнает давно забытую всеми певичку с плаката конца прошлого века.

История Психа, безусловно, странная и невероятная, все это идеально объясняла. Но поверить Психу все равно было очень и очень трудно.

«Зона, — подумал Кекс с неожиданным ожесточением. — Вес она...».

По дороге они шли минут сорок. Пост автоинспекции приблизился, вырос в размерах; теперь стало отчетливо видно, что в нем целы все до единого стекла, зато электрические провода, тянущиеся от ближайшего столба, густо поросли рыжим мочалом. Под его тяжестью провода провисли, рыхлая бахрома свисала чуть не до самого асфальта и лениво шевелилась на легком ветру.

— Под проводами не ходить, — буркнул, не оборачиваясь, Псих. — В прошлый раз тут Чижик гробанулся. Я с другой стороны шел, не успел предупредить. От него даже пылинки не осталось.

Кекс мрачно промолчал. Если сама дорога все ещё казалась безопасной, то обочины перестали ему нравиться минут пять назад. Справа, где располагалась их цель, угадывалось какое-то смутное дрожание воздуха, как над недавно сработавшим разломом, но это был точно не разлом. Из разлома такого размера пыхнул бы такой факел, что асфальт размяк бы и до сих пор оставался горячим. А тут ничего, прохлада, как и везде вокруг. Псих на это

дрожание даже бровью не повел, прошел мимо, как будто и нет ничего. Кекс опасливо покосился и принял было левее, но Псих, опять-таки не оборачиваясь, велел:

— Вернись на осевую. Вдоль нее безопасно.

И Кекс не посмел послушаться. Батон, ясное дело, тоже.

Они прошли мимо проводов с мочалом. Кексу почудилось, что длинные рыжие нити чуть-чуть качнулись в их сторону, как подвешенная железка к поднесенному магниту. Но было ли это в самом деле так или только казалось — неизвестно.

Теперь двухэтажный пост был справа от них. Псих остановился, по-прежнему не сходя с середины дороги, повернулся к посту лицом и принялся что-то пристально разглядывать. Скорее всего он одновременно и «прощупывал» окрестности, по-своему, но на сей раз Кекс не ощутил этого. Совсем.

— Так, — сообщил Псих вскоре. — Вход вообще-то справа, но там мочало висит. Туда не пойдем. Пойдем слева. Придется бить стекло.

— А тебе стекла жалко, что ли? — удивленно буркнул Кекс.

— Стекла мне не жалко. Но лучше бы всё-таки в дверь, — ответил Псих и попростецки шмыгнул носом.

«Шестьдесят лет, мамочки мои! — подумал Кекс о спутнике. — Он ведь Брежнева должен помнить! И перестройку, и дикие девяностые... Хотя стоп, перестройку и девяностые он не помнит, потому как в коме валялся. А вот Брежнева всё-таки должен помнить. Спросить, что ли?».

Решил не спрашивать. Не очень удачный момент, как ни крути. К тому же Псих начал действовать.

— Так, — решительно сказал он. — Батон, ты пушку свою перезарядил?

Отмычка нечленораздельно промычал, но по интонации можно было не сомневаться — да, перезарядил.

— Молодца. Как я дойду до угла, двигаешь следом. Только медленно, медленно, мочало резких телодвижений не любит.

— А то я не знаю, — огрызнулся Батон.

Одергивать его Псих почему-то не стал. Вместо этого крадущимся шагом пересек дорогу, достиг угла и прижался к стене с западной стороны, если смотреть с дороги — то слева. Мочало, соответственно, росло справа, и от опасности Психа отделяло здание поста.

— Батон, пошел! — скомандовал Псих.

Отмычка переместился к стене и встал рядом с Психом, дальше от дороги.

— Теперь ты, Кекс!

Кекс повторил маневр, но ему к стене прижаться было проблематично: между углом здания и боковым окном помещались только Псих с Батоном, Кексу места уже не хватало.

— Батон, ступеньку! — продолжал командовать Псих.

Отмычка послушно согнулся. Псих мигом вскарабкался ему на спину коленями, потом встал в рост — было видно, что Батон ощутимо напрягся. Но в следующую секунду Псих переступил со спины на подоконник, и Батону сразу полегчало.

— Ух ты, — сообщил сверху Псих. — Да тут открыто!

Он толкнул форточку до упора, по пояс влез внутрь, дотянулся до нижнего запора и повернул его, а затем и окно распахнул, словно дверь. И вошел внутрь, ступив на пыльный стол, покрытый полуистлевшей бумажной скатертью.

Им повезло: в старом здании стояли старомодные деревянные окна. Будь здесь обычные стеклопакеты, так легко внутрь поста они ни за что не проникли бы.

— Кекс, за мной! Батон — остаешься снаружи у окна. Только за углы не суйся, целее будешь.

— Ступеньку! — вздохнул Кекс и полез отмычке на закорки.

Пока Кекс забирался в окно, Псих осмотрел комнатную дверь, немного выждал и медленно отворил ее. Открылся темный и такой же пыльный, как и комната, коридор. Добыв фонарик, Псих выскользнул за дверь, предварительно поманив Кекса за собой.

Коридор был совсем короткий и упирался в крохотную лестничную площадку. Псих явно стремился на второй этаж.

Лестницу миновали благополучно. Перед дверью в верхнюю комнату Псих замешкался. Кекс понял почему: верхняя комната занимала почти всю площадь этажа; обращенная к дороге стена была полностью стеклянной, и прилегающие к ней стены большею частью тоже. Кирпичной оставались лишь задняя, противоположная от дороги стена, да два простенка, образующие углы с нею.

Со скрипом отворилась дверь. Дневной свет просочился в коридор, делая его ещё более пыльным и унылым, чем в свете фонари. Псих заглянул в комнату.

Даже из коридора было видно, как у левой стены, у самого стекла, рыжеет мочало. Кекса аж передернуло — вид мочало имеет весьма неприглядный, а уж воспоминания навевают...

— Вот зараза! — произнес Псих с досадой, и в виду он имел вовсе не мочало. Он глядел направо, в дальний от дороги каменный угол.

— Что там? — почему-то шепотом спросил Кекс.

— Нету сейфа. Был, да сплыл. Сам погляди.

Кекс заглянул в дверной проем, над плечом напарника. В углу, между вешалкой на три крючка и краем большого стола-пульта, оставалось пустое место, примерно метр на полметра. Именно тут пыль лежала гуще, чем в центре комнаты и образовывала на полу правильный и ровненький прямоугольник.

— Опа, — пробормотал Кекс. — А ведь я такое уже видел!

— Не понял, — протянул Псих и покосился на напарника. — Что видел?

— Пыль на полу, — пояснил Кекс охотно. — Причем именно там, где ожидал увидеть сейф.

— Значит, — пожал плечами Псих, — Покатилов рассказывает нам далеко не все. Хотя чему тут удивляться?

Глава девятнадцатая

Все было для Сиверцева новым и непривычным — и мрачноватые сталкеры-контрактники, и ученые-полевики, больше похожие на тех же сталкеров-контрактников, и ещё более мрачные инструкторы из вояк, а главное — то, чему инструкторы обучали, единственное, что оказалось более-менее знакомым из снаряжения, — ярко-оранжевый исследовательский спецкостюм. Сиверцев и его бывшие коллеги-цитологи хоть никогда в Зону и не ходили, но обязательный еженедельный тренаж для них никто не отменял, поневоле обучишься. Костюм да входящая в комплект химзащиты аптечка — вот и все, чем Сиверцев теоретически умел пользоваться.

Легкий бронежилет он несколько минут растерянно вертел в руках и совсем уж было собрался вернуть в шкафчик, но инструктор похлопал его по плечу и посоветовал:

— Бери, бери. Ерунда, конечно, от фауны не спасет, от пули тоже. А вот от бандитского дробовика, если не в упор, — вполне. Так что изволь нацепить...

Пришлось надеть. А куда деваться? Назвался груздем — полезай куда положено. В бронежилет, например.

Сталкеры из группы сопровождения вооружались устрашающего вида автоматами — название Сиверцев забыл уже через несколько минут и не мог вспомнить, сколько ни пытался, а переспрашивать было как-то неловко. Ученым выдавали пушки по скромнее. Сиверцеву досталось нечто без приклада и с довольно толстым пулевым каналом. Название Ваня опять же моментально позабыл.

— Вот предохранитель, — устало объяснял инструктор. — Вот спусковой крючок. Это пояс с боеприпасом, потом наденешь. Заряжается вот так.

Как оказалось, все было не так уж и сложно, хотя в оружии Сиверцев разбирался лишь немногим лучше среднестатистической блондинки.

— А чё это вообще за устройство? — опасливо поинтересовался Сиверцев, плюнув уже на все, в том числе на ложный стыд неофита. — Помповуха, что ли?

— Ага. Дробовик, — пояснил инструктор с прежними интонациями. — Целиться не обязательно. Главное, чтобы своих в поле зрения не было. А так — и собаке башку снесет, и от зомби, в общем, поможет. Бери, наука, не дрейфь. Для салаги — самое то, главное — с предохранителя не забудь снять. Ну и про своих в поле зрения помни, ещё раз подчеркиваю. И не говори потом, что тебя не учили.

Еще Сиверцеву дали довольно здоровый нож в брезентовых ножнах; ножны крепились к спецкостюму широкими лямками с застежкой.

Пять часов в сборах пролетели совершенно незаметно. А потом явился Тараненко, погромыхал, посмеялся с кем-то в соседнем помещении, перехлопал всю команду по плечам в спецклассе и буднично рявкнул на всю округу:

— Ну что, орелики, скоро выходим! На обед — товсь! Оружие и боеприпасы оставляем тут. Моршевич, а ты головой отвечаешь, чтоб ничего на сантиметр не сдвинулось! Будет как в прошлый раз — сам патроны в Зону потащишь!

Один из инструкторов уныло щелкнул каблуками и со вздохом махнул рукой. Тараненко и ещё несколько старичков засмеялись чему-то своему.

Дробовик и нож Сиверцев оставил у шкафчика со своей гражданской одеждой. Никто, в том числе и Моршевич, не возразил.

Обед Сиверцев заглотил, не ощутив вкуса и даже не запомнив, с кем сидел за столиком.

Голова шла кругом, а перед самым стартом его начала пробирать мелкая дрожь. Занявший соседнюю лавку в вездеходе парень-химик, которого, кажется, звали Коля, сочувственно на Сиверцева косился. Пришлось напрячься, собраться и перестать дрожать.

— Ты в первый раз, что ли? — снизошел до вопроса химик.

— Угу, — буркнул в ответ Сиверцев.

Химик глубоко вздохнул и попытался успокоить.

— Да не так там и страшно, — сказал он без особой уверенности. — Особенно под защитой таких мордovorотов...

Передние сиденья занимали сталкеры-вояки действительно внушительных габаритов. Было их шестеро.

— Наука, — с ленцой пробасил один из них, услышав реплику Коли. — Берегите китов!

Все киты-мордovorоты жизнерадостно заржали, и Сиверцеву неожиданно стало чуть легче.

«А и в самом деле, — подумал он. — Для многих такие выходы — просто работа. Ежедневная и рутинная. Как для меня возня с пробирками у Баженова».

— А какой нынче выход у тебя? — поинтересовался Сиверцев у химика.

— Четвертый, — сознался тот и смешно пожевал губами.

Последним в вездеход забрался Тараненко. Задержался в проёме люка, повертел головой:

— Все тут? В сортир никто не забыл? Помолились?

Ответов он, похоже, не ждал, потому что вопросы задавал подряд, без пауз.

— Двинули! — рявкнул он под занавес, и все, кто был в вездеходе, вдруг хором проорали:

— К черту!

Кроме, разумеется, Сиверцева. Обычаи группы Тараненко ему предстояло постигать в боевых условиях — в полном смысле этих слов.

Лязгнул затворенный люк. Вездеход всхрипнул, дернулся и медленно выполз во внутренний дворик института. Потом взобрался по наклонной аппарели на прицепленную к грузовику длинную платформу. Грузовик тронулся, но долго не мог набрать приличную скорость, потому что все время притормаживал перед пропускными пунктами — сначала на выезде из института, потом из исследовательского центра, а в третий раз — из военного городка. Недолгий бросок к натовскому блокпосту, поднятый шлагбаум снова урчание

вездехода, и вот уже шлагбаум опускают, а грузовик с платформой и узик сопровождения остаются там, снаружи.

Снаружи Зоны.

Один из здоровяков-вояк повернулся к Сиверцеву и снисходительно справился, делая акцент на слове «ты»:

— Ты в первый раз, наука?

— Да, — Сиверцев сумел ответить достаточно твердо, чему сам обрадовался.

— Тогда на, хлебни. — Вояка ловко метнул Сиверцеву небольшую плоскую фляжечку и назидательно поднял указательный палец, полускрытый кожаной перчаткой. — Традиция!

— К собственному удивлению и явному одобрению окружающих Сиверцев умудрился поймать фляжечку в воздухе, причем левой рукой, потому что правой он придерживал дробовик. И ничего из снаряжения он тоже не уронил. Аккуратно зажав дробовик между колен, Ваня свинтил крышку и храбро отхлебнул. Оказался спиртыга, если и разведенный, то достаточно слабо. Дыхание, конечно, сперло, но, по большому счету, этого глотка Сиверцеву как раз и не хватало, чтобы окончательно расслабиться.

Через несколько мгновений он сумел вдохнуть, а затем довольно ухнул на весь вездеход. Вояки заржали, но снова одобрительно и необидно, что в очередной раз обрадовало Сиверцева.

Фляжечку он, понятное дело, вернул хозяину. Только не решился метнуть, просто передал, наклонившись далеко вперед. А вслух сказал:

— Благодарю, гвардия! Наука вас точно не забудет!

И все вокруг моментально стали своими. Сиверцев от кого-то слышал: в Зоне так бывает сплошь и рядом.

Гвардия не прекращала веселиться, но долго так продолжаться, понятное дело, не могло. Зона всё-таки.

И действительно, вездеход вскоре замедлился, а потом и вовсе встал.

— Эскорт, на выход, — буркнули в переговорник из кабины, и жизнерадостные мордовороты, синхронно надвинув на лица маски, полезли в отворенный люк. Оружие и снаряжение вопреки ожиданиям Сиверцева не металлически звякало, а сухо постукивало, словно было пластиковым или керамическим.

Да скорее всего оно и было не металлическим, а композитным. За последние лет пятнадцать в мире техники многое изменилось. И не в последнюю очередь благодаря изучению Зоны и ее диковин.

Шестеро сталкеров покинули вездеход; внутри остались Сиверцев, Тараненко и четверо полевых ученых, включая Колю-химика. Плюс в кабине солдат-водитель да старший маршрута, в отличие от остальных военных — офицер.

Эскорт вытянулся перед вездеходом полуколем, выпуклой стороной по ходу движения, вогнутой к кабине вездехода. Офицер скомандовал: «Марш!», и вояки медленно зашагали в глубь Зоны, а бронированный механический монстр с учениками во чреве взвыл пониженной передачей и пополз за ними, то и дело переваливаясь с гусеницы на гусеницу, с боку на бок, будто перекормленная такса.

Сиверцев пожалел, что ничего не видит — боковые триплексы были плотно прикрыты бронеплитами, — но то ли судьба решила смилостивиться над его любопытством, то ли Тараненко спешно освоил азы телепатии. А вернее всего — лучше кого бы то ни было понимал чувства новичка, впервые отправившегося в Зону. В общем, не успел Сиверцев по-настоящему расстроиться оттого, что ничего не видит, как Тараненко несколько раз бухнул кулаком в переборку, отделяющую пассажирский отсек от кабины.

В динамиках сухо кашлянуло, потом тот же недовольный голос осведомился:

— Чего там?

— Оптику разблокируй, — попросил, а может быть, и приказал Тараненко.

Во всяком случае, ему возражать не стали. Сервоприводы не громко взвизгнули, и узкие триплексы одновременно осветились. Сиверцев немедленно припал глазами к ближнему.

Ничего особенного он не увидел. Сверху уныло-серое небо, затянутое равномерной облачностью, внизу не менее унылое поле, поросшее хилой, странновато выглядящей травичкой. Кое-где группками вставали корявые деревца. Строений в поле зрения не было. Монстров Сиверцев и не ожидал увидеть — откуда им взяться на охраняемом официальном входе в Зону? Но чего-то необычного душа вопреки доводам разума все же ожидала.

Сиверцев выдержал минуты три — пейзаж в поле зрения не менялся никак, только неба иногда становилось больше, иногда меньше, в такт покачиваниям вездехода. Потом Ваня оторвался от смотровой щели и секундой позже мысленно обозвал себя идиотом.

Почти вся верхняя часть переборки, куда недавно стучал кулаком Тараненко, превратилась в панорамный экран. Трансляционных видеокамер работало навскидку не меньше шести; сектор обзора они давали под девяносто градусов. Картинка сводилась на удивление четко, если мысленно абстрагироваться, можно было представить, что часть лобовой брони пассажирского отсека вместе с кабиной управления просто исчезли, и Сиверцев сейчас глядит в широкую (метра три с гаком) и не слишком высокую (сантиметров шестьдесят — шестьдесят пять), чуть изогнутую щель в широченной морде вездехода. Сюда глядеть было, понятно дело, куда интереснее, нежели в узкую щель триплекса.

Все шестеро солдат из эскорта находились в поле зрения — кто ближе, кто дальше. Двое центральных ушли вперед, двое крайних изредка пропадали за боковыми рамками экрана, а те двое, что между боковыми и крайними, виделись наиболее четко.

Изредка кто-то один из передних вскидывал руку со сжатым кулаком, и тогда все остальные, включая и вездеход, замирали. Чаще всего после этого приходилось немного менять курс. «Наверное, обходим стороной аномалии», — догадался Сиверцев.

Примерно через четверть часа левый инсайд, не сбавляя шагу, пальнул куда-то влево и вперед. На экране тотчас выделился зеленоватой угловой рамкой маленький прямоугольничек, укрупнился вместе с изображением до размеров раскрытой книги и плавно переместился в левый верхний угол панорамника. Экранчик показывал, как кто-то темный и вроде бы косматый во все четыре лапы улепetyвает прочь от трассы вездехода. Когда движение в левом верхнем углу стало практически неразличимым, дополнительный экранчик под короткий предупредительный зуммер исчез.

Было отчетливо видно, что сталкеры и вездеход передвигаются не по целине — следы гусениц виднелись и справа, и слева, и непосредственно на курсе, но наезженной дорогой назвать все это язык не поворачивался. Скорее всего была выделена довольно широкая полоса, шириной с пару футбольных полей, в пределах которой обычно и перемещались научные миссии и их караваны.

Коля-химик давно уже пересел на освободившиеся мордovorотские места. На экран он тоже поглядывал, но лишь изредка. Больше внимания уделял планшетнику, который держал в левой руке. Правой он водил по тачскрину — работал, наверное. Тараненко на него одобрительно косился.

«А мне чего делать? — подумал Сиверцев чуточку растерянно. — Я и обязанностей-то своих не знаю».

Наверное, Сиверцева выдало лицо — Тараненко почти тотчас же встал, уцепился за поручень под потолком и приблизился. Ваня ожидал, что шеф просто сядет рядом, однако тот повелительно дернул головой в сторону самой задней лавки, у двери в грузовой отсек.

— Пойдем посекретничаем, — произнес он ровно и довольно громко.

Сиверцев послушно встал, в свою очередь глянув в сторону остающихся ближе к кабине спутников — все делали вид, будто поглощены собственными делами.

У переборки грузового отсека гул двигателей звучал немного громче, и Тараненко это, несомненно, знал. Демонстрируя открытость (у меня от своих секретов нет), Максим тем не менее предпочитал лишнего не болтать. Сиверцев это отметил.

— Ну как тебе, Ваня, в Зоне? — спросил Тараненко с дежурной полуулыбкой.

Сиверцев неопределенно пожал плечами:

— Пока никак. Я пока не в Зоне, а в вездеходе.

Тараненко понимающе хмыкнул:

— Остришь... Учти, наедем на аномалию — она тоже будет в вездеходе. Мало не покажется.

— Я догадываюсь, — сказал Сиверцев. — Но все равно думаю, что сначала по Зоне надо пройти пару километров ногами, прежде чем заявлять: «Я там был!».

Тараненко несколько раз кивнул:

— Ты прав, Ваня. Ты совершенно прав. Только я бы пару километров заменил на пару сотен километров. Пара километров это ничто, это тыфу. Даже одиночки перворазники чаще всего проходят гораздо больше. Но вообще похвальная рассудительность, могу со знанием дела сказать: не все новички такие. Самоуверенных больше.

Тараненко протяжно вздохнул и прекратил философствовать:

— Ладно, к делу: тебе небось интересно, куда идем, зачем идем, и главное — какова во всем этом лично твоя роль? Можешь не отвечать, вижу, что интересно. Рассказываю. В целом, увы, рутина: везем на нашу базу, на южный Агропром, всякую всячину — сменное оборудование, расходники, почту... Что смотришь? Да, да, бумажная почта, она до сих пор существует, ее мы и возим, больше некому. Да, троих вахтовиков сменного персонала тоже везем. Вон сидят — пан Ховрин, Петрович и Коля Бортко. На Агропроме заберем образцы, обратку... в смысле — оборотные материалы и фурнитуру. Ну, там, пустые кассеты, отработанные аптечки, разряженные батареи и все такое. И троих сменяющихся вахтовиков, опять же. Потом заглянем на полевые посты между Агропромом и Янтарем, примерно с теми же целями, и всё, назад. На самой границе задержимся, постоим. Точно не знаю, но денька два-три — как пить дать. Так что миссия у нас, Ваня, больше не научная, а снабженческая, увы. Я тебе уже говорил — стал администратором, чтоб его...

Тараненко вздохнул и ненадолго умолк, наверное, вспомнил прежние, сугубо исследовательские времена. Сиверцев тактично молчал, ожидая продолжения.

— Н-да. Ну да бог с ним, давай о тебе. — Тараненко встрепенулся, словно воробей после сна. — Никаких особых задач по основной специальности у тебя в этот раз не будет. Главная твоя, Ваня, задача — пообтереться, понюхать Зону, вдохнуть ее воздуха. Узнать, с какого конца за дробовик берутся. Ну и подай-принеси-подержи тоже, уж не обессуди. Казенный хлеб отрабатывают и так. В общем, смотри, запоминай, привыкай и все такое. Уразумел?

— Уразумел, — вздохнул Сиверцев. — Чего уж тут разумать...

Про себя он подумал: «Надо же, какие схожие задания! Для Покатилова — смотреть и запоминать, для Тараненко — смотреть и привыкать... Как-то уж больно параллельненько! И еще — не далее как вчера Покатилов прозрачно намекал, что Тараненко мне всего не расскажет. Да и сам, понятное дело, рассказал далеко не все. Нынешний шеф с Покатиловым — или компаньоны, или конкуренты, притворяющиеся компаньонами, это неоспоримый факт. И если второе, многое стараются друг от друга скрыть. А между молотом и наковальней — ты, Ваня».

Сиверцев обычно хорошо чувствовал, когда его пытаются использовать, даже если по мелочи. Сейчас об этом вопило все его естество. А когда тебя пытаются использовать сразу двое, причем люди довольно могущественные, да ещё каждый примерно одним и тем же манером... Как там в старом фильме? Голоса с разных сторон: «Эй, Труффальдино! Эй, Труффальдино!». И мечущийся между дверьми слуга, не знающий, к которому из хозяев бежать в первую очередь.

Самое парадоксальное, что Сиверцев толком и не понимал, как оказался в подобной ситуации — то ли слуга двух господ, то ли буриданов осёл. Мистика какая-то. Четыре года возился с пробирками в пыльной лаборатории, и хоть бы что. А потом — трах! Бах! Сидит в Зоне с дробовиком между колен и думает, как бы половчее вписаться в интересы людей, к которым раньше и подойти боялся. И еще — не сию минуту ведь он это сообразил, размышлял уже и о молоте, и о наковальне, и о том, что жизнь как-то уж слишком резко изменилась. Вроде бы самое время одуматься, и из трясины — да на сухую землю, ан нет: с каждым днем перемены все круче. Вроде сначала безобидненько все рассказал Покатилову о монстрах, подвел, так сказать, научную базу под бандитские расклады. Потом как-то

незаметно подслушал то, подсмотрел это — и опять же к Покатилову на отчет. Потом с Тараненко полюбезничал и по первому зову перебежал в его стан, даже не пикнул. И финита! Вот Зона, вот дробовик. А завтра? Что завтра, а, Ваня Сиверцев? Затянет на самое дно, откуда уже не выплыть?

Вероятно, у Сиверцева был не очень веселый вид. Хорошо хоть Тараненко истолковал легкую бледность нового подчиненного по-своему:

— Привыкнешь, Ваня, не тушуйся! И в Зоне жить можно! Если точно знать — как.

«Вот именно, — подумал Сиверцев, вымученно улыбаясь. — Осталось узнать самую малость: это самое как».

Вездеход, неумоимо урча, заползал в Зону все глубже и глубже.

Глава двадцатая

— И куда ты за этим сейфом ходил? — угрюмо поинтересовался Псих.

Несколько мгновений Кекс колебался — сказать или нет. Но потом справедливо решил: раз Покатилов доверяет Психу больше, чем самому Кексу, — какой смысл таиться?

— На Милитари, — буркнул он. — В административный корпус складов.

— Там несколько административных корпусов. — Псих проявлял завидное знание Зоны. — В какой именно?

— В северный.

Северный корпус меньше всего пострадал после того, как группировку «Свобода» и ее логово две недели подряд с воздуха утюжили натовцы, а уж эти боеприпасов никогда не жалели. От складов мало что уцелело, от большинства административных зданий — тоже. Северный корпус тем не менее не только уцелел, но и вообще практически не пострадал. В одном месте крышу пробили, да и все.

— И сейфа тоже не оказалось?

— Я ж сказал, — пожал плечами Кекс. — Только пыль на полу. Как и тут, прямоугольничком.

Честно говоря, Кекс понятия не имел — что это за сейф. Прощлое задание Покатилова он считал выполненным — кто ж виноват, что железного ящика в указанном месте не случилось? Нашелся бы сейф где сказано — вскрыли бы его, как миленького, выгребли все изнутри и доставили Покатилову в лучшем виде. Но, увы, сейф уволок кто-то более расторопный.

Псих присел на пол и надолго задумался. Кекс остался стоять, изредка опасливо поглядывая на колеблемое слабым ветерком мочало. Слишком уж оно близко находилось. Черт его разберет — вдруг оно людей и через стекло чувствует? Вон какое длиннющее, дернется, стекло раскокает и дотянется. Хорошо хоть Псих дверь в комнату не закрыл, если что — есть куда отступить...

— Ты с Покатиловым связаться можешь? — очнулся от раздумий Псих.

— Могу, конечно. Только иди знай, когда он письмо прочтет. Вдруг занят. Он ведь всегда занят...

— Холера! — Псих зло сплюнул на пол. — Наизобретали мобильных всяких, а как вдруг срочно надо — хрен куда дозвонишься!

Кекс попытался представить, каково жилось во времена детства и молодости Психа, когда телефоны были только проводные. Попытался и не смог. Не укладывалось это у него в голове — вот понадобился Кексу, к примеру, Жучара. Срочно кровь из носа. А тот в баре где-нибудь зависает. Это что же, обзванивай все бары, умоляй того, кто трубку снимет, позвать Жучару? Интересно, куда Кекса с такой просьбой пошлют? А если Жучара не в бар, а к бабенке какой-нибудь забурился, у которой дома и телефона-то нет? Это ж человека сутками можно ловить! Неделями! И сети тогда не было! Да что сети — компьютеров не было! Как люди вообще ухитрились находить друг друга? Загадка.

— Пиши, — произнес Псих, поглядел на Кекса и осекся.

Кекс оцепенело глядел сквозь прозрачную стену, ту самую, в которой шевелилось колеблемое ветром мочало на проводах. Псих проследил за его взглядом и вскочил как ужаленный.

— Твою мать, — выругался он негромко и схватился за «Калашников».

С дороги ко входу в пост, прямо под мочалом, прошел человек в темном плаще. Капюшон его был низко надвинут, лицо разглядеть невозможно. И рыжая дрянь на проводах даже не подумала напасть.

Внизу отчетливо стукнула входная дверь, а затем послышались легкие шаги. Кто-то поднимался по лестнице.

Кекс моментально вспотел, отступил к столу-пульту и спрятался за остатками кресла. Псих скользнул вправо от входа и укрылся за дверью.

Некоторое время было совсем тихо. Потом еле слышные шаги достигли входной двери.

— Привет, бродяги, — поздоровался пришелец, входя в комнату и откидывая с лица капюшон. На оружие в руках Кекса он даже не взглянул. А по двери, за которой прятался Псих, легонечко постучал костяшками пальцев и добавил: — Выходи.

Делать нечего, Псих опустил «Калашников» и показался из-за двери. Выглядел он необъяснимо спокойным, а вот Кекса только что не колотило. Неудивительно: Кекс уже понял, кто к ним пожаловал.

— Закурим? — предложил гость.

Как ни странно, из троицы Кекс-Батон-Псих никто не курил. Кекс в старших классах занимался футболом, и за курево тренер их страшно плююшил. На пиво смотрел сквозь пальцы, а вот на сигареты... В общем, Кекс так и не закурил в юности, а потом уже не видел смысла. Здоровяк Батон тоже не сподобился стать курильщиком, даже на службе. Почему не курил Псих — узнать просто не успели. Из отмычек Кекса табаком баловался только Грек. Так уж исторически сложилось.

Но курево волшебным образом нашлось.

— Держи. — Псих забросил автомат за спину, а потом вынул и протянул гостю пачку сигарет. Выглядела пачка незнакомо; впрочем, Кекс не слишком разбирался в табачностях.

Гость выудил сигарету, потом принялся разглядывать пачку.

— Ух ты! — заценил он. — «Филип Моррис»! Сто лет таких не видел!

— Раритет. — Псих пожал плечами. — Прямоком из прошлого века. Оставь себе, если хочешь, мы все равно не курим.

— Что, все трое — ни-ни?

— Ну, вот так как-то. — Псих развел руками.

Гость добыл из кармана плаща квадратную зажигалку и прикурил. Сначала пахло бензином, потом табачным дымком; Кекс, как все некурящие люди, терпеть не мог сигаретный дым, но этот был даже по-своему приятен.

Пачку и зажигалку гость упрятал в карман. К этому моменту Кекс уже справился с мелкой дрожью и даже начал проявлять любопытство — зачем к ним явился Дима Шухов? По какой такой надобности? Да ещё белым днем, не ночью.

— Благодарю! — сказал гость и блаженно улыбнулся. — Действительно, раритет! Те самые...

— Травись на здоровье, — ухмыльнулся Псих. — У меня ещё полтора блока на тупике припрятаны. Могу пачечку носить специально для тебя.

— Носить — носи, но специально для меня не надо, — неожиданно возразил Шухов, щурясь на дневной свет. — Мало ли, вдруг кого ещё без курева скрутит? Помогать нужно всем.

Покуривая, Шухов вышел в центр комнаты, повертел головой и узрел пыль прямоугольничком, что скопилась под исчезнувшим сейфом.

— За этим? — Шухов указал на пыль.

— Угу, — не стал темнить Псих. — Да только опоздали мы.

— А кто заказчик?

— Покатил.

— Ух ты. — Шухов выпустил струйку раритетного дыма. — Старый хитрец Покатилов... Предсказуемо. Значит, охота обостряется.

Кекс стоял пень пнём, толком не понимая, о чем зашла речь. Осталось громко захлопать ушами, и картина стала бы на диво совершенной.

— Ладно, ребятки, — сказал Шухов через несколько секунд. Раз у вас тут все тип-топ, пойду я. За курево спасибо. А вам, раз уж вы такие некурящие, советую оставить тут один ствол да несколько магазинов к нему. Может помочь. Ага?

— Ага, — эхом отозвался Псих и облизнул враз пересохшие губы.

Дима Шухов, он же сталкер Рэд, он же Черный сталкер, одна из самых причудливых легенд и бывлей Зоны, повернулся и ушел, только не в дверь, а прямо в каменную стену рядом с дверью.

Псих с Кексом застыли посреди комнаты словно два истукана с острова Пасхи — не в силах ни пошевелиться, ни вымолвить хоть слово.

Как ни странно, но к жизни Кекса вернула мысль о Батоне — каково ему там торчать в одиночестве снаружи? Кекс встрепенулся и тихо, но очень длинно выругался. Бывалый боцман точно выслушал бы его с быстро возрастающим уважением.

— Я думаю примерно так же, — пробурчал Псих, когда Кекс иссяк и принялся шумно отдуваться, потому что всю тираду выдал на одном дыхании.

— Ты раньше с ним встречался? — спросил Кекс, отдышавшись. — Только честно?

— Видеть — видел. Но говорить — не говорил, сегодня впервые, — признался Псих. — И впервые увидел его днем, засветло.

— Во! — Кекс многозначительно воздел указательный палец к опутанной многолетней паутиной люстре. — Я тоже об этом подумал. Вроде он обычно ночью.

Некоторое время они бездумно пялились друг на друга, потом Псих вдруг встрепенулся:

— Да! Ты письмо Покатилову хоть отправил?

— Не-а! Я даже пэ-дэ-а не успел вынуть, Дима пожаловал... сейчас...

Кекс выудил и активировал ПДА, для начала, естественно, взглянув на биосканер. Отчетливо просматривался Батон около поста; россыпь красных точек в леске в сотне метров за дорогой скорее всего была стаей слепых собак, и ещё на самой периферии лоцировались несколько крупных объектов, которые сканер пока не идентифицировал — люди это или мутанты.

— Диктуй, — вздохнул Кекс. — Записываю.

— Цель не найдена. Мы опоздали. Ждем команду на возврат либо дальнейшие инструкции, — продиктовал Псих, немного подумал и закруглился: — Собственно, все.

— Как подписать? — спросил Кекс деловито.

— А там не видно, от кого письмо, что ли?

Кекс снисходительно ухмыльнулся.

— Адрес-то виден. Да только поди пойми, кто на самом деле с этого адреса письмо отправил! Ты что, не оговорил с боссом клички-пароли?

Псих поглядел на напарника с прищуром и загадочно хмыкнул:

— Ладно, подписывай: Чокнутый.

Кекс без затей наколотил нехитрый синоним прозвища Психа. Хотя, по логике вещей, даже без отдельного уговора Покатилов должен был все прекрасно понять.

— Все, — сообщил Кекс через четверть минуты. — Ушла депеша. Что дальше?

— А дальше надо бы тут действительно один ствол прикопать.

Псих подошел к столу-пульту, отпихнул ногой остатки кресла и заглянул под столешницу. Потом принялся по очереди выдвигать скрипучие ящики. Все они были маловаты, что для «калаша», что для Nestal'a.

В конце концов Псих сдвинул в сторону дверцу шкафчика, который стоял в левом каменном углу, поглядел внутрь и удовлетворенно хмыкнул:

— О! Здесь самое место!

Кекс мрачно поскреб в затылке. Он совершенно не был уверен что предложение Димы Шухова нужно понимать так буквально.

— Думаешь, надо? — с сомнением протянул Кекс.

— Думаю, надо, — очень спокойно отозвался Псих. — Не напрягайся, я оставлю свой «калаш». Ты понимаешь, почему именно я, так ведь? Вот! Ну а вы с Батоном останетесь при своих базуках

Кекс не счел нужным возражать.

Тем временем Псих деловито затолкал «Калашников» на нижнюю полку шкафчика, выудил из рюкзака единственный запасной рожок, сунул туда же и выпрямился во весь рост.

— Ну, вроде все, — сказал он, забрасывая рюкзак за спину.

Кекс выругался вторично, но на этот раз коротко, и тоже полез в рюкзак.

— Клади рядышком, — пробурчал он, передавая Психу одну за другой четыре гранаты, запасной нож, перебранный и смазанный прошлой ночью ПМ снарка, прежде бывшего сержантом Довжуком, обойму к нему и сверх того — шесть суточных рационов.

— Прикапывать, так прикапывать, — закруглился Кекс и застегнул рюкзак.

Возражать Псих не стал, затолкал все в шкаф, задвинул дверцу на место и зачем-то потоптался в пыли перед ухоронкой, даже поскреб ботинками по полу, словно пытался всю пыль смести в сторону.

— Все, двинули...

Через минуту они выпрыгнули в окно к вящей радости Батона, который нервно маялся на корточках, привалившись спиной к стене поста и не выпуская автомата из рук. Окно за собой Псих аккуратно затворил и форточку тоже, так что снаружи можно было счесть их штатно закрытыми изнутри.

— Куда теперь? — тихо спросил Кекс.

— К ближайшему ночлегу. — Псих глубоко вздохнул. — Что-то мне подсказывает: быстрого ответа от Покатилова мы не дождемся.

— Опа. — Батон вопросительно приподнял брови. — А «калаш» твой где?

— Диме Шухову дал поносить, — буркнул Псих, хмурясь. — Нет, кончай базар! По очереди на осевую, и валим отсюда. Да про мочало не забывайте!

— Учи ученого, — оскалился Кекс. — Я это мочало поганое жопой чую.

Мимо мочала и той хрени, над которой колебался нагретый воздух, они проскочили удачно, а дальше Псих решил сойти с дороги и повернул на юг. В этом имелся известный резон — возвращаться по собственным следам в Зоне не принято.

Они свернули и направились к леску, что раскинулся метрах в ста от дороги. Тут-то их везение и кончилось. В леске кишмя кишели слепые собаки.

Их было больше, чем Кекс совсем недавно наблюдал на экране сканера. Вели они себя нервозно, но совершенно очевидно брали троицу сталкеров в размашистое полукольцо. Именно нервозность, даже некоторая нерешительность собак насторожила Кекса — в другое время они давно уже ринулись бы в атаку, но сейчас что-то или кто-то их сдерживал.

Это не мог быть пес-чернобылец — с таким лидером собаки не проявляли бы нервозности вовсе. Это не мог быть, разумеется, и контролёр — во-первых, собак слишком много для одного контролёра (а группами они не ходят), и, во-вторых, под контролёром собаки вели бы себя ещё организованнее, нежели под чернобыльцем.

— А говорил, тобой не интересуются местные твари, — угрюмо протянул Батон, обращаясь к Психу.

— Мной они и не интересуются, — парировал тот. — Их интересуете вы. Хотите, уйду? Прямо так, без оружия?

— Нет уж, — вмешался Кекс. — Втроем всё-таки сподручнее. Псих, тебе пистолет дать?

— Обойдусь, — буркнул Псих. — Ага, а вот и почетные гости... Кекс глянул — и сильно поскучнел.

Среди слепых собак с их гладкими безглазыми мордами и почти лысыми спинами мелькнуло несколько зрячих и лохматых тварей. Если точно — шесть. Они трусили от леса

бок к боку, плотным клином, рассекая собачью стаю на две неравные части. Слепые собаки порскали в стороны охотно, чтобы не сказать — поспешно.

Пожаловали ближние родичи слепых собак — псевдособаки. Вопреки названию произошли они не от собак, а от волков. И были намного опаснее и неприятнее собак обычных.

— Что делаем? — отрывисто спросил Кекс, на всякий случай приготовившись стрелять.

— Отступаем, — сказал Псих. — Медленно и осторожно, без шухера. Назад, на дорогу.

— На дороге не спрячешься, — пробурчал Батон, нервно поводя вправо-влево стволом Herstal'a. — А жить охота!

— Вся наша жизнь, — со странной интонацией произнес Псих на ходу, — это прятки. И почему-то — в самом неудобном для этого месте. Например, по центру дороги, на осевой линии. Скажи ещё спасибо, что не видно ни одной машины. Где-нибудь на проспекте в Киеве прятаться было бы ещё интереснее.

Кекс даже замер на секунду.

— Ты охренел, что ли, Саня? — спросил он зло. — На нас собаки прут, а тебя на философию потянуло!

— Топай-топай, — неожиданно бодро отозвался Псих. — А то не успеем.

Псевдособаки постепенно ускорялись, слепые широким вдавленным посередине фронтом следовали за ними.

Сталкеры не успели сильно удалиться от дороги, поэтому отступили на асфальт довольно быстро.

И тут начались чудеса.

Шестерка псевдособак по мере приближения к дороге стала замедляться; затем плотный звериный клин вообще распался, псевдособаки зарыскали, начали метаться туда-сюда вдоль обочины, метрах в десяти от асфальта. Слепые и вовсе остановились, как и шли — широким полукольцом.

Кекс скупно двигал стволом, беря на прицел ближнюю тварь; псевдособаки то и дело менялись местами, так что ближе всех оказывалась то одна, то другая, то третья. Струйка пота скатилась по его виску. Присевший на колено Батон был занят примерно тем же, а как там у него с потоотделением, проверять было просто некогда, да и незачем. Зато Псих, скрестив руки на груди, неподвижно стоял на асфальте, попирая еле-еле видимую белую полосу, и не скажешь, чтобы он особо волновался. Ни дать ни взять — Бонапарт перед сражением, только ростом повыше и головной убор посовременнее.

— Ты бы ещё посвистел, — сердито бросил ему Кекс.

— Нельзя, денег не будет, — отозвался Псих. — Да не мандражируйте, парни, не сунутся они на асфальт.

Каким бы бредом ни казались слова Психа, что-то в них тем не менее крылось. Псевдособаки по-прежнему шастали вдоль дороги туда-сюда, возбужденно взрыкивали, но к асфальту не приближались меньше чем на десять метров, словно их что-то мистическим образом отталкивало.

Кекс ещё с полминуты подержал их на прицеле, потом рывком убрал Herstal от щеки и выпрямился.

— Ничего не понимаю, — протянул он. — Чего они боятся? Не нас же? И не асфальта? А, Псих? Да скажи уже, не томи!

— Верно. Не асфальта. И не нас. Того, что у нас за спиной.

Кекс с Батоном тотчас обернулись, только Кекс медленно, а Батон рывком.

За спиной, сколько Кекс ни всматривался, ничего необычного не наблюдалось. Ну, пара метров асфальта, потом обочина, потом неглубокий кювет, за ним — поросшая редкой травой земля, жиденькая полоска кустов, тянущаяся вдоль дороги, и две тронутые ржой опоры ЛЭП за нею.

— А что у нас за спиной? — протянул Батон, недоуменно хлопая глазами. Потом спохватился, обернулся, взглянул на собак — но те вели себя по-прежнему нерешительно.

— Аномалия, — спокойно объяснил Псих. — Причем пси.

Батон затравленно втянул голову в плечи. Кекс прислушался к ощущениям — вроде действительно что-то на мозги давит и в ушах, на самом пороге слышимости, тоненький какой-то писк, вроде комариного. Странно, что раньше он не обращал на все это внимания.

Кекс тоже обернулся и глянул на собак — хоть и не атакуют, совсем уж сбрасывать их со счетов никак нельзя.

Псевдособаки злились, повизгивали и взрыкивали, но приблизиться к дороге так и не рискнули.

— Самое время их шугануть, — заметил Псих. — Давайте-ка, парни, выкосите зрячих. А слепые сами уйдут, точно говорю.

Батона упрашивать не пришлось: тут же принялся бить сдвоенными. Секундой позже к нему присоединился Кекс. Пронзительный визг ввинтился в уши, почти всех псевдособак перебили в несколько секунд — только одной удалось удрать, да и то лишь потому, что она после первого же выстрела из всех сил рванула к леску. Все до единой слепые собаки сорвались следом за ней, словно сам дьявол за ними погнался. Кекс от греха подальше взялся за ПДА и взглянул на скан местности — удирающие собаки просматривались лучше всего. Неопознанные объекты на границе охвата исчезли все, кроме одного, но этот единственный, увь, приближался. Не иначе, пошел на выстрелы. Приближался он с запада и пер скорее всего прямо по дороге. Если не сойдет с нее, скоро проскочит мимо поста автоинспекции.

Кекс не удержался и глянул вдоль дороги на запад — что-то движущееся там вдали действительно просматривалось.

Псих глядел в ту же сторону.

— Ходу! — велел он, и ни Кекс, ни Батон даже не помыслили ослушаться.

Бегать по Зоне — занятие дурное и смертельно опасное. Но Кекс надеялся, что напарник Саня по прозвищу Псих знает, что делает.

На бегу Кекс периодически оглядывался — преследователь медленно нагонял. А скоро уже место, где они утром к дороге вышли, у поворота на север. Можно ли безбоязненно ломиться по дороге и дальше — кто знает?

Но до поворота они не дотянули: Псих вторично свернул вправо, к югу. Собачий лесок сталкеры уже миновали, но их поспешное отступление опять изменило настрой собак. Кажется, стоя успокоилась и рискнула возобновить преследование. Собакам предстояло пробежать около километра, а они твари на редкость прыткие.

— Псих! — предупредил Кекс, не снижая темпа. — Собаки!

— Вижу, — отозвался тот хладнокровно. — Фигня, уйдем!

«Куда?» — успел подумать Кекс, и тут они выскочили то ли к яме, то ли к остатку бывшей траншеи — к эдакому эллипсообразному углублению в грунте. Если вдоль дороги земля большею частью поросла низкой жесткой травой, то тут Кекс не увидел ни единой травинки, только гладко укатанный суглинок. И склоны были гладкие, без единой острой грани. Только в одном месте виднелось что-то вроде щели меж двух вертикально выступающих из почвы бетонных плит. Псих стремился именно сюда.

— Кекс, наверх! — скомандовал он. — Что там собаки?

Возражать было некогда. Кекс послушно выскочил из ямы и глянул — собаки приближались; у сталкеров оставались в запасе считанные секунды — двадцать-тридцать, может, чуть больше. То, что перло по дороге, уже с нее свернуло, срезая угол, и на поверку оказалось псевдогигантом.

— Двадцать секунд! — рявкнул Кекс и изготовился к стрельбе. Пока он осматривался, Псих успел нырнуть в щель и выскочить обратно.

— Батон, внутрь! Кекс, сюда!

Упрашивать было не нужно — Кекс ринулся по пологому склону вниз, к щели, куда уже юркнул Батон. Псих ожидал рядом.

— Прямо и направо! — сказал он и хлопнул приблизившегося Кекса по плечу. Кекс скользнул в щель; чуть впереди очень кстати вспыхнул фонарик Батона.

Щель между плитами достигала десяти метров в длину, но почти в самом тупике в правой из плит имелся неровный пролом, куда при помощи спутников сумел бы, пожалуй, протиснуться даже толстяк Феда. Пролом вел в настоящее подземелье — оттуда тянуло сыростью и затхлостью.

Батон стоял у пролома и светил фонариком Кексу под ноги. Кекс вдруг сообразил, что Псих остался у входа один и без оружия, а передовых собак неплохо было бы встретить выстрелом-другим, тогда не сунутся в узкий лаз меж двух бетонных плит.

Развернувшись, Кекс приподнял ствол Herstal'a и шагнул к выходу.

У самого выхода, отступив в щель не больше чем на метр, стоял Псих и глядел наружу. По дну ямы, вытягивая шеи, шастали слепые собаки, а единственная уцелевшая псевдособака, вздыбив на загривке шерсть, застыла точно напротив входа. Атаковать Психа она явно не решалась, а к Батону с Кексом было не пробраться — щель совсем узкая, не разойдешься.

— Пристрелить ее? — спросил Кекс, приблизившись.

— Не стоит, — не оборачиваясь, ответил Псих. — Ща пожалует тяжелая кавалерия, сами разбегутся.

Тяжелое «Буммм! Буммм!» и впрямь слышалось уже совсем близко, да и легкие сотрясения почвы ощущались все явственнее. Собаки заволновались, прекратили водить хороводы у входа в щель и дружно отвалили куда-то влево. Псевдособака тоже — неохотно, но куда деваться? «Буммм! Буммм!» становилось все громче. Псих попятился, отступив в глубь щели ещё на метр, оттеснив заодно и Кекса.

Псевдогигант спрыгнул в яму; почва дрогнула совсем уж явно — верный один балл по старине Рихтеру. А секундой позже в зоне видимости мелькнула нога, больше похожая на человеческую руку (с поправкой на масштаб, естественно), затем громадная туша заслонила дневной свет, и мутноватый глаз с едва различимой радужкой зыркнул в щель.

— Могу садануть в глаз! — прошептал Кекс, целясь.

— Да ну его, — тоже шепотом возразил Псих. — Взбеленится, начнет скакать, сдвинет плиты, затопчет вход... Оно нам надо?

Глаз исчез, зато появилась нога-рука. Псевдогигант пытался запустить конечность в узкий промежуток между плитами и выковырять оттуда добычу. Псих отступил сразу на два метра, хотя было видно, что нога у монстра слишком толстая и в щель попросту не уместится.

Псевдогигант поскреб одной ногой-рукой, потом второй, потом снова заглянул. Вряд ли он понимал, в чем дело: вроде вот она, добыча, в сумме больше центнера живой лакомой плоти, а нет — не ухватишь. Поэтому псевдогигант сердился, сопел, как маневровый локомотив, топал, от чего тяжело вздрагивала земля, а разок даже басом взревел — у всех троих уши заложило.

— Н-да, — покачал головой Псих. — Здоровая тварь, а тупая — дальше некуда. Будет тут торчать до самой темноты, к бабке не ходи.

— И чего? — Кекс вопросительно шмыгнул носом. — Мы тоже будем торчать?

— А что? — Псих пожал плечами. — Ждать — не лес валить. К тому же мы все равно в подвешенном состоянии, надо от Покатилова ответа дожидаться. Так почему бы не здесь? Жратва в принципе, есть, питье тоже.

— А из подземелий никакая тварь не выползет? — с опаской поинтересовался Кекс.

Псих опять пожал плечами.

— Откуда ж мне знать? Из подземелий много что может выползти. Но сейчас вроде все спокойно, по крайней мере вблизи.

Псевдогигант сопел, топал и заглядывал в щель, вновь и вновь пытаясь протиснуть толстенную ногу-руку в узкий промежуток между плитами. Сдвинуть их было не по силам даже этой неутомимой горе мышц — большая часть плит была упрятана в почву, наружу выступали только самые краешки.

Батон некоторое время заглядывал в пролом, подсвечивая себе фонариком. Кекс подумал, запустил руку в рюкзак и выудил плоскую бутылку водки, сервелат в вакуумной

упаковке, галеты и гвоздь программы — банку маринованных огурчиков с маминого огорода. Банку он, как обычно, перед выходом тщательно упаковал в поролон, чтоб не разбилась.

— Ухты! — восхитился Псих. — Могешь, напарник!

Было в этом что-то залихватское — треснуть водки под закусочку, когда в десяти метрах сопит и топает псевдогигант, а из пролома в тупике тянет сыростью и тревожными запахами подземелий.

— Батон! Стаканы! — с некоторой театральностью скомандовал Кекс, обустривая импровизированный стол прямо на собственном рюкзаке, брошенном на землю.

С чмоканьем вскрылась банка огурчиков, и умопомрачительный острый аромат специй и маринада растекаясь окрест. Даже псевдогигант принялся сопеть громче, а топтать злее — унюхал, видимо.

— Ну, ты, сволочь! — буркнул в его сторону Кекс. — Не мешай, у нас сиеста!

Батон, подсевший с фонарем к столу, довольно осклабился. Стаканчики у него были, понятное дело, пластиковые, но не мягкие, как в любой кафешке, а долговечные, из жесткой пластмассы, видимо, туристские.

— Вещь! — заценил Псих. — Это всё ваши командные фокусы-традиции?

— А то! — подтвердил Кекс. — Без традиций в Зоне никуда!

— Хорошо вам, — вздохнул Псих, внезапно погрузившись. — Я вот в одиночку всегда таскаюсь...

— Держи. — Кекс протянул ему стакан. — Как ты там обычно таскаешься — дело десятое. Главное, сейчас мы хоть маленькая, но все же команда! За что и предлагаю, врезать, поднять тост!

— За нас, — поддержал Батон.

— За нас, — не возразил и Псих.

Три красных пластмассовых стаканчика бесшумно встретились в луче фонаря.

Выпили ещё и за удачу, и обязательный третий за тех, кто в Зоне, и ещё успели за благополучную продажу собранных артефактов, и на этом поллитра закончилась. Вторую было решено придержать, поэтому остатки еды запивали холодным чаем.

— Слышь, Псих, — обратился к спутнику Кекс. — Ты, помнится, обещал об агропромовских подземельях рассказать!

— А чего о них рассказывать? — Псих в который уже раз пожал плечами. — Подземелья как подземелья. Темно, сыро, и дряни всякой видимо-невидимо, особенно которой наверху не встретишь. «Холодец», «гриб-обманка», слепыши, бюреры...

— Я про бюреров много слышал, а вот встречать не доводилось, — вздохнул Кекс. — Оно-то и к лучшему, я думаю, но ребята смеются. Обидно.

— А ребята сами хоть встречались? — полюбопытствовал Псих.

— Ясное дело! Я о бюрерах историй наслушался — на несколько жизней хватит!

— И что рассказывают? — продолжал любопытствовать Псих.

— Да разное. — Кекс почесал в затылке. — Злые, говорят. Живут кланами, гнезда устраивают в подвалах-тупиках. Вонючка там у них, понятное дело, малышня в отбросах копошится. С кланом столкнуться — дело, говорят, малоприятное, особенно если вожаки на месте. Они ж телекинетики, как начнут швыряться чем подвернется — мало не покажется...

В этом месте рассказа Псих презрительно фыркнул:

— Да какие они телекинетики... Вранье это.

— Как это вранье? — обиделся Кекс. — Кого ни спроси — любой скажет, что бюреры владеют телекинезом и обороняются, швыряя в обидчика каменюки, железяки... короче, что подвернется, то и швыряют.

Псих ехидно ухмыльнулся:

— Вот скажи, Кекс! Если лев хочет сожрать охотника — он что делает? Подгрызает пальму, чтобы она упала и охотника пришибла, когда тот соизволит мимо пройти? Или просто хватает охотника и начинает есть?

Кекс удивленно поглядел на собеседника.

— Какую ещё пальму? На хрена льву пальма?

— Вот видишь! — назидательно произнес Псих. — Швыряться камнями телекинезику ровно столько же смысла, сколько льву подгрызать пальму. Телекинезику достаточно издали ткнуть тебя в сердце или ещё какую жизненно важную печенку-селезенку. На хрена ему напрягаться и ворочать камни, которые, кстати, ещё не факт что долетят, а если и долетят, то попадут ли? В сердце как-то надежнее, не находишь?

Кекс крепко задумался. Странно, что он сам раньше не дошел до такой тривиальной в общем-то мысли. А ведь мог бы!

— Никакие бюреры не телекинезики, — продолжал рассказывать Псих. — Да, это довольно склочные и злобные карлики из подземелий, тут правду твои друзья рассказывают. Да, они заготавливают около своих гнезд кучи камней, каковыми действительно швыряются, если к ним кто-нибудь лезет. Но камни швыряют они не телекинезом, а куда прозаичнее — руками. Просто в темноте это не всегда видно. Видишь обычно ближнего, а камень швыряет другой, из какого-нибудь темного угла. Полагаю, корни байки о телекинезе с этого и пошли. В свалке с бюрерами куда опаснее иное: эти твари кусаются, словно бешеные шавки, а во рту у них столько всякого заразного дерьма, у-у-у... До крови если прокусит — раз-два, и заражение. Вот это реально опасно, а не выдуманный телекинез.

— Во блин, — впечатлился Кекс. — Так что, ребята врут, что ли?

— Ну, зачем же врут, — великодушно уточнил Псих. — Скорее всего они сами верят в телекинез. Из темного угла прилетело — вот и верят. Обычное дело.

Выпитое спиртное расслабило всех, даже Психа. Кекс ещё некоторое время донимал спутника вопросами, а потом неожиданно стал задремывать. Батон давно уже сполз на землю и тихо похрапывал, уместив под голову внушительных размеров кулак.

Псих тоже сонно клюнул носом, покачнулся вперед и тут же встрепенулся:

— Так! Можем поспнуть. А у входа в подземелья это чревато. Глянь-ка, чем там наш здоровячек занят?

Кекс сообразил, что речь идет о псевдогиганте, которого уже минут пять было не слышно.

— Глазами или на сканере? — уточнил он на всякий случай: мало ли что имеет в виду напарник?

— Сначала на сканере.

Кекс вынул ПДА и глянул. Псевдогигант был рядом; видимо, просто утомился топтать да сопеть и прилег тут же, в яме.

— Караулит, сволочь, — сказал Кекс и душераздирающе зевнул. Глаза предательски слипались. — И чего дальше?

Псих не ответил. Несколько секунд Кекс соображал почему, а потом понял, что спутник тоже уснул, как и Батон. Сидя. Привалившись спиной к бетонной плите.

— Зараза! — Кексу стало тревожно и неудобно, но перед глазами неумолимо вставала вязкая пелена, а сознание упорно проваливалось в мерцающее забытие. Как Кекс ни сопротивлялся и ни пытался вынырнуть на поверхность из этого омута, он все же утонул. Отключился. Не выпуская из рук работающий ПДА.

Минут через десять после того, как уснул Кекс, из пролома в тупике выбралась согбенная фигурка бюрера.

Глава двадцать первая

— Так-так, — сказал Тараненко, глядя на экран коммуникатора, и недобро нахмурился.

Посидел, медленно погасил коммуникатор и спрятал в карман. Потом искоса взглянул на сидящего рядом Сиверцева.

— Ваня! Ты ведь сталкера Полоза знал, так?

— Знал, — буркнул Сиверцев, уже подозревая, что сейчас услышит. — Он и пропал, можно сказать, у меня из-за стола.

Тараненко протяжно вздохнул:

— Значит, можешь с ним попрощаться. Мысленно, — сообщил он. — Нашли его труп за Янтарем.

— Кровосос? — мрачно уточнил Сиверцев.

— Да. Сообщил сталкер Кекс, сегодня, около полудня.

— Прощай, Полоз, — ещё мрачнее пробормотал Сиверцев.

Если и была у него какая-то надежда, то лишь в первые пару дней после исчезновения. А вчера-позавчера Ваня уже ждал это сообщение. Он знал: если сталкеры обнаружат труп, немедленно оповестят. Вот и обнаружили...

А Тараненко неожиданно наклонился к самому уху Сиверцева и заметил с непонятной интонацией:

— Между прочим, Полоз интересовался дубликатором. Как и ранее пропавшие сталкеры.

Сиверцев внимательно поглядел Тараненко в глаза, пытаясь сообразить, зачем новый шеф ему это сообщил. Проверяет? Провоцирует? О дубликаторе, насколько помнил Сиверцев, с Максимом он не говорил. Потому что хорошо помнил о просьбе Покатилова и ещё лучше представлял последствия излишней болтливости.

«Какая-то с этим дубликатором, будь он неладен, ведется игра. Покатилов на него охотится, это точно. Тараненко, по всей видимости, тоже. Как бы выяснить — вместе эти двое или же порознь и из всех сил пытаются опередить друг друга? И что это за штуковина, в конце концов? Удвоитель чего?»

— Что ты о нем знаешь, Ваня?

— О Полозе? — угрюмо переспросил Сиверцев.

Тараненко досадливо поморщился:

— О дубликаторе.

— Знаю, что за ним охотятся... и охотились ранее некоторые сталкеры. Знаю, что семеро из них уже погибли при сходных обстоятельствах, плюс восьмой — бедняга Гриня, угодивший в эту компанию жертв по ошибке. Ценная, надо полагать, штука.

— Ещё что?

— Это всё, — признался Сиверцев, ещё раз взглянул Тараненко в глаза и помассировал двумя пальцами переносицу. — Где находится, как выглядит и для чего предназначен, увы, не осведомлен. Разве что из названия можно предположить: то ли что-то удваивает, то ли что-то копирует.

Тараненко долго и пристально глядел на Сиверцева, молча. Наверное, пытался просчитать — так ли Ваня прост, как выглядит.

«Гляди, гляди, — с неожиданным ожесточением подумал Сиверцев. — Ломай голову, бывший ученый, сегодняшний администратор. Как и все администраторы — охотник за большим кушем»

— Ваня, — тихо, но твердо обратился к нему Тараненко. — В нашей группе о дубликаторе знаем только мы двое. Ты и я, больше никто. И никто больше узнать не должен. Договорились?

— Договорились, — ответил Сиверцев и поморщился. — Хотя я тоже предпочел бы не знать.

— Поздно, — усмехнулся Тараненко. — Уже знаешь.

— Увы и ах, — согласился Сиверцев и чуть не сверзился с лавки — вездеход в очередной раз тормознул по сигналу одного из вояк-сопровождающих.

Тараненко насторожился и зыркнул на экран. Впереди, почти точно по курсу вездехода, висело облачко голубоватого тумана. Небольшое, метров десяти в диаметре и примерно с трехэтажный дом в высоту. Внутри облачка изредка вспыхивали миниатюрные молнии. Один из вояк стоял в полусотне шагов от него, предостерегающе подняв руку, и внимательно что-то разглядывал.

— Да чего он плячется, обычная «электра», — громко произнес Тараненко.

Старший маршрута отозвался по внутренней связи:

— Раз пялится, значит, необычная. Не суетись, Николаич, ща хлопцы обнюхаются, и поедем дальше.

— Чего в «электре» может быть необычного? — ворчал, не унимался Тараненко. — Конденсатор вульгарис.

Было видно, как военсталкер перед «электрой» что-то швыряет в аномалию, и как это что-то становится эпицентром более интенсивных голубоватых вспышек, потом ослепительно сияет почти белая ломаная молния, гораздо ярче, чем раньше, — раз, другой, третий. А вслед за тем сияние и вспышки постепенно сходят к прежнему уровню.

— Экспериментаторы, — фыркнул Тараненко. — Зубры Зоны.

— Работа такая, — беззлобно огрызнулся из кабины старший маршрута. — Ваши ученые задницы возить. Поджаритесь — с нас же спросят!

— Если поджаримся, — сварливо заметил Тараненко, — то все вместе. Не с кого будет спрашивать.

Через пару минут вояки действительно дали сигнал двигать. Вездеход крутнулся на одной гусенице, принял ощутимо правее и пополз дальше.

Еще через полчаса на экранах замаячил лагерь — эдакая современная вариация дикозападного форта.

— Ну, Ваня, — сказал Тараненко, немного повеселев, — добро пожаловать на Янтарь! В лагере безопасно, пока будем разгружаться — поброди, поглазей. Только без спросу ничего не трогай. И оружие в вездеходе оставь, в лагере со стволами шастать не принято.

— Заметано, — кивнул Сиверцев.

Побродить по лагерю ему хотелось и самому. Тоже ведь Зона, как ни крути.

Удивительно, но смотреть в лагере было особенно нечего. Крохотный плац перед наспех отреставрированным зданием, само здание да периметр вокруг, охраняемый вояками в тяжелой броне. Вояк много. Ученых не видно — скорее всего все заняты. В лаборатории к ним не вломишься, а приглашать Сиверцева на экскурсию, ясное дело, никому в голову не пришло. Поэтому Сиверцев поклонялся минут пятнадцать, да и вернулся к вездеходу, который уже заканчивали разгружать.

Вскоре появился Тараненко. Лицо у него было крайне озабоченное; он с ходу принялся подгонять солдат, занимающихся разгрузкой-погрузкой, и при этом то и дело нервно глядел на часы.

Едва грузовой отсек был вновь задраен, а вместо пана Ховрина и краснорожего Петровича в вездеход погрузились два других научника, Тараненко снова умчался к местному начальству, но на этот раз отсутствовал всего несколько минут.

— Ваня, давай в машину! Едем дальше! — бросил он, вернувшись.

Сиверцев послушно влез на прежнюю лавку, к дробовику и ранцу. Тараненко тем временем пригнал из курилки шестерку мордovorотов-сталкеров, сел в вездеход сам и дал команду трогаться.

Тронулись.

На этот раз эскорт расположился на броне, поэтому ехали заметно быстрее. Тараненко не выпускал из рук свежееотпечатанную и закатанную в ламинат карту формата А3. Сиверцев подозревал, что старший маршрута у себя в кабине — тоже. Сталкеры на броне в свою очередь не дремали, периодически подсказывали, что видят, и если это выглядело потенциально опасным, вездеход менял курс. Внешне Зона изменилась мало, только теперь в поле зрения то и дело попадали строения, как неплохо сохранившиеся, так и в той или иной степени разрушенные. Потом вдали замаячил бетонный забор; Коля-химик многозначительно шепнул Сиверцеву: «Агропром!» и вновь уткнулся в свой планшетник.

Пейзажи Зоны были монотонны и однообразны, Тараненко и остальные были заняты, поэтому неудивительно, что Сиверцев вскоре отвлекся, погряз в размышлениях.

Сначала он прикидывал, каково живется коллегам в научном лагере. Потом очень непоследовательно перескочил на мечты о том, как станет жить сам, когда отработает контракт и вернется в родной Череповец. Но в конечном итоге снова пришел к мыслям о дубликаторе.

Что за штукавина может крыться за подобным названием? Безусловно, это вещь ценная, если ею интересуются акулы калибра Покатилова. В конечном итоге подобных акул интересуют в основном деньги, большие деньги, а также власть, которая этими деньгами обеспечивается. Естественно, что Покатилов в первую очередь стремится завладеть вещами, которые дают не одноразовую, а стабильную, растянутую во времени прибыль. Иными словами, его, конечно, интересуют артефакты, но больше его интересуют сталкеры, которые раз за разом эти артефакты приносят. А дубликатор... Может быть, он как раз способен создавать копии артефактов? Притащил, к примеру, сталкер имярек из Зоны «компас» или «темную жемчужину». Редкая вещь, ценная. Воспользовался дубликатором — бац! — и у тебя уже два «компаса» или две «темных жемчужины»...

Сиверцев вдруг почувствовал, что на лбу выступил холодный пот.

Дубликатор. Да ведь ответ лежит на поверхности! В самом названии!!! Это, умереть — не жить, артефакт, способный создавать копии различных предметов! Не обязательно, надо думать, других артефактов (хотя и такая вещь будет стоит баснословно дорого), скорее всего — копии чего угодно. От пачки денег до слитка золота. От револьвера до мобильного телефона. Нужное, как говорится, подставить.

От простого и поэтому самого вероятного объяснения Сиверцеву чуть не стало дурно. Можно представить, какая за подобную вещь разгорится драка между сильными мира сего. И сколько пешек в итоге будет снято с игровой доски. Пешек вроде самого Сиверцева.

И сколько пешек с доски уже снято...

«Так, Ваня, — сказал себе Сиверцев. — Теперь спокойно. Только спокойно. О главном ты догадался. Теперь думай, прежде чем хоть пальцем шевельнуть, думай с оглядкой на этот чертов дубликатор. Ни движения, ни взгляда в его сторону — а не то, не дай бог, заподозрят, что ты хочешь его присвоить. И тогда расправа будет скорой, короткой и беспощадной. Любой шаг — с учетом последствий. С учетом того, как твои действия и мотивы выглядят со стороны. Останешься мелким исполнителем — авось и уцелеешь, даже какой-никакой гешефт в виде некоторой суммы есть шанс поиметь. Но не более. Тех, кто замахивается на большее, дешевле грохнуть. Или того проще — оставить на погибель в Зоне.

В общем, Ваня, все дальнейшие действия — с серьезнейшей оглядкой. Ибо вляпался ты по самые брови, и пути назад, как обычно, уже нет...».

И ещё Сиверцев подумал, что свои догадки лучше держать при себе. Чем менее осведомленным он будет казаться, тем лучше. Прописные истины...

До серых корпусов НИИ Агропром не доехали, свернули. Потом довольно долго ползли вдоль железнодорожной колеи, а позже взяли курс на запад. Двигались по-прежнему довольно быстро, но чем дальше от научного лагеря, тем чаще воякам из эскорта приходилось спрыгивать с брони и разведывать дорогу.

Еще через некоторое время вездеход выполз к неплохо сохранившейся асфальтовой трассе и попер вдоль нее, опять же на запад. Чуть левее асфальта. И уже через километр Сиверцев стал свидетелем первого приключения в Зоне — к счастью, ролью зрителя Ваня и ограничился.

Охранники на броне вдруг синхронно заорали в шесть глоток и принялись садить из подствольных гранатометов куда-то влево. Вжикнул сервопривод башенного орудия (сдвоенного, между прочим!) и достаточно громко бамкнул выстрел. Тоже, надо понимать, сдвоенный.

Сиверцев рефлекторно перепрыгнул на свободную лавку к левому борту и припал к ближайшему триплексу. В густом белесом дыму он увидел какое-то крупное существо с округлым телом и парой толстых ног. Головы и передних конечностей он не рассмотрел. Секундой позже грянул взрыв, и почва под ногами существа гейзером выплеснулась в небо, а когда она опала и дым слегка развеялся, стало понятно, что существо лежит на земле, вздрагивая и суча перебитыми ногами. Одна нога оказалась даже уполовиненной, Сиверцев хорошо это рассмотрел.

— Готов! — удовлетворенно выдохнул старший маршрута по громкой. — Все целы?

Охранники подтвердили, что, мол, целы, порядок.

— Слева ещё кто-то помельче прячется, — сообщили из кабины. — Семь сигналов. Не спите там.

С брони заверили, что не спят и категорически не собираются.

«Детектор жизненных форм пользуют, — догадался Сиверцев. — От, ё-моё, у меня ж в ПДА тоже такой есть, только портативный. А в вездеходе, ясное дело, стационарный установлен, мощный».

— Ну как, Ваня, — с улыбкой поинтересовался Тараненко. — Много разглядел?

— Достаточно. — Сиверцев оторвался от триплекса. — Какому-то местному тираннозавру ноги поотрывали.

— С тираннозаврами так и надо. — Тараненко усмехнулся шире. — Оpozнал зверушку-то?

— Небось псевдогигант? — предположил Сиверцев. — Больше вроде некому.

— В точку! — кивнул шеф. — Он самый. Пять с плюсом тебе за наблюдательность и аналитику!

— Ай-ай, сэр! — лихо козырнул Виня, поддерживая не вполне серьезный тон Тараненко. — А чего, ему в корпус и правда без толку стрелять?

— Абсолютно.

— Даже из пушки?

— Ему наша пушка — что слону дробина. А вот по ногам стрелять — прямой резон, ноги у этой туши самое уязвимое место. Если в десяток стволов, да согласованно — даже без пушки и гранатометов можно обойтись. Убить не убьешь, но свалишь гарантированно. А это, собственно, и требуется. Стряхнули с хвоста, и дальше, а он пусть себе лежит, отдыхает. Только потом мимо лучше не ходить, потому как регенерирует, шельма, невероятно быстро. Ну и зверствует после ранения сильнее, чем обычно, поскольку голод — не тетка.

— Собаки! — предупредили с брони. — Много!

— Вижу, — отозвался старший маршрута. — Шарахните для остротки, чтоб не тявкали вслед.

— Да они цыпленка жрать наладились, — лениво пояснил один из солдат. — Прут мимо.

— Приятного им аппетита, — проворчал старший и умолк.

— Не судьба тираннозавру регенерировать, — вздохнул Сиверцев.

— Да и ладно, — ответил Тараненко из-за карты, в которую опять уткнулся. И добавил громче, обращаясь к водителю и старшему маршрута: — Около бывшего поста стоп!

— Там аномалия неподалеку, — предупредил тот же охранник, который назвал псевдогиганта цыпленком. — А на проводах у входа пуха до хранища. Нового, который густой.

— Значит, в окно полезем, — заключил Тараненко. — С другой стороны пуха нет?

— Не видно.

— А окно есть?

— Пока тоже не видно. Подъедем — скажу.

— Добро, — пробурчал Тараненко и опустил карту.

Вездеход некоторое время катился вперед, потом замедлился, в который уже за сегодня раз крунулся на одной гусенице и застыл. На экране возникло небольшое двухэтажное здание-башенка, типичный пост автоинспекции, возведенный на рубеже веков двадцатого и двадцать первого. Правее башенки от столба до самой стены обильно произрастало нечто вроде рыжего плюща, так, что и проводов видно не было. Сиверцев уже догадался, что это мутировавшая аномальная растительность, а именно — очередной штамм жгучего пуха, новая, заметно более губительная для человека разновидность, чем изначальная, возникшая сразу после второй катастрофы.

— Есть слева окно, — сообщил все тот же охранник.

— Николаич, тебе внутрь? — поинтересовался старший маршрута.

— Да. На второй этаж, — подтвердил Тараненко.

— С собой берешь кого?

— Одного, — без колебаний решил Тараненко и обернулся к Сиверцеву: — Пойдешь со мной, Ваня.

Сиверцев сглотнул ком в горле и утвердительно кивнул.

— Кутний, Забирай! — скомандовал старший маршрута. — Сопроводить! Остальным — осмотреться!

— Есть!

Охранники прыгали с брони на землю.

— Ружжо на предохранителе? — серьезно спросил Тараненко Сиверцева.

Ваня проверил — да, предохранитель дробовика стоял в соответствующем положении.

— На предохранителе, — подтвердил он.

— Постарайся без крайней нужды ничего не трогать, ладно? — попросил Тараненко. — Если что — ребята прикроют. А ружжо просто держи в руках, стволом вниз.

— Понял.

— Вот и хорошо! — Тараненко нетерпеливо уставился в экран.

Тем временем солдаты отработанно разбились на две группы; двое, держась подальше от косматого пуха на проводах, ушли по кромке асфальта вправо, остальные пересекли дорогу левее поста, где тоже разделились: двое осторожно двинулись дальше, за башенку, а двое занялись окном. Если быть совсем точным, то занялся один, второй сначала просто стоял смотрел. А первый без затей саданул в окно из подствольника. Бабахнуло, зазвенело; солдаты заблаговременно пригнулись. Потом один подсадил второго, и тот принялся сшибать стволом автомата уцелевшие в раме осколки стекла.

Ещё через некоторое время охрана отработала: в целом чисто, ученым можно выйти из вездехода. Люк с шипением разблокировался, и Тараненко сдвинул его в сторону.

— Пойдем, Ваня, — обратился он к Сиверцеву. — Потрогаешь Зону ногами.

«Маленький шаг маленького цитолога, — с непонятной грустью подумал Сиверцев, ступая на пыльную обочину. — А человечеству привычно похрен...».

Снаружи было светлее, чем можно было предположить, глядя на экран. Но все равно сумрачно, ещё сумрачней, чем в городке. Над городком хоть иногда случалось свободное от облаков небо, чаще всего на юго-востоке — голубое-голубое, до неправдоподобия. Сиверцев за четыре года начал забывать этот цвет. Тут небо было умеренно-серым. Отдельные облака практически не выделялись, словно над головами завис гигантский матовый светофильтр. Странно, но в научном лагере Сиверцев на небо никакого внимания не обратил. А тут — засмотрелся.

— Шевелись, Ваня! — нетерпеливо окликнул его Тараненко.

Сиверцев встрепенулся, перехватил дробовик поудобнее и двинулся вслед за шефом.

У вынесенного окна дожидался солдат; второй уже был внутри здания. Максиму Тараненко помогли влезть в окно. Потом помогли Сиверцеву.

— Я заглядывал наверх, — предупредил солдат, который первым забрался в пост-башенку. — Там безопасно, только к стеклу, за которым растёт жгучий пух, лучше близко не подходить.

— Ясно, — кивнул Тараненко. — Лестница там?

— Да. Я проведу. — Солдат повернулся и, хрустя подошвами по стеклянной крошке, пошел к двери. Сиверцев не удержался, кашлянул — невзирая на выбитое окно, удушливый дым ещё не успел толком улетучиться из помещения.

Наверху ничего интересного не нашлось. Тараненко бегло осмотрел комнату, заброшенный пульт, мертвые экраны. Дольше всего он почему-то пялился в пустой угол, откуда, по всей видимости, давным-давно вынесли какую-то мебель.

— Так-так, — пробормотал Тараненко себе под нос. И громче: — Все! Уходим.

Из поста выбрались так же, как и забирались, — через окно. Тараненко не задержался ни на секунду, сразу ринулся к вездеходу и запрыгнул в люк. Сиверцеву ничего более не оставалось, как хвостиком следовать за шефом. Люк задраили, солдаты снова забрались на броню, и вездеход поехал назад, на восток.

Через несколько минут проскочили мимо места, где стреляли к псевдогиганта: собаки пировали всюду, но судя по нескольким кровавым пятнам на земле, безногий монстр так просто не дался — ворочался, давил собак, пока хватало сил. Но собак было слишком много.

Потом асфальтовая лента дороги отклонилась влево, на север, и пропала из виду. Вездеход дотянул до железнодорожной ветки, перебрался через нее и тоже отклонился к северу.

Сиверцев с неподдельным интересом неопита глядел на экран. Зона умела завладевать вниманием начинающих исследователей, даже если вокруг ничего особенного не происходило.

«На то она и Зона», — подумал Сиверцев и глубоко вздохнул.

Глава двадцать вторая

Кекс вынырнул из беспамьяства, словно аквалангист из моря. Вынырнул, огляделся. Вокруг царил приглушенная полутьма, только выход из щели сиял ослепительной вертикальной чертой.

«Я что, уснул?» — недоуменно подумал Кекс и шевельнулся.

«Автомат!» — всполошился он секундой позже, лихорадочно ощупывая все рядом с собой.

Herstal'a нигде не было.

«Рюкзак!» — Кекс вскочил и зашипел сквозь зубы — правая нога затекла и совершенно потеряла чувствительность, от чего он чуть не рухнул.

Рюкзака не было тоже. Ни за плечами, ни рядом, на земле.

В двух шагах, привалившись к бетонной плите, в позе, занимающей промежуточное положение между «сидел» и «лежал», спал Псих. Тихо посапывая. Дальше, почти в самом тупике, в откровенной горизонтали, беспечно храпел Батон. Насколько мог разглядеть Кекс, ни рюкзака, ни автомата подле Батона тоже не было.

Тут же обнаружилось, что рюкзак с автоматом — ещё не вес. Исчез нож с пояса. Исчез ПДА из нагрудного кармана... Или нет, не из кармана, перед тем, как отключиться, Кекс, помнится, держал его в руках. Но так или иначе, шнурок обрезан, ПДА отсутствует.

Кекс стиснул зубы и для начала принялся массировать ногу. Чувствительность быстро возвращалась, ещё не до конца восстановив в ноге нормальное кровообращение, Кекс переместился вплотную к Психу и потряс его за плечо.

— Эй, Псих! — прошептал Кекс. — Просыпайся!

Псих вздрогнул и с усилием разлепил глаза. Поглядел на Кекса очумелым взглядом, затем повернул голову — направо, налево.

— Во блин, — просипел он недоуменно. — Я заснул, что ли?

— Все заснули, — угрюмо сообщил Кекс.

Псих потряс головой, медленно провел ладонями по лицу, а потом встал. Кекс бесцеремонно пнул Батона в бок:

— Батон! Вставай!

— А? — вскинулся отмычка. — Что? Опа! Что за отруб?

— Автомат твой где? — жестко спросил Кекс.

Батон беспокойно заерзал, заозирался. Озирался он секунд десять-пятнадцать.

— Уй-йюо... — протянул он ошеломленно. — И рюкзака нету...

— Нож? Пистолет? Пэ-дэ-а? Давай шуруй по карманам!

Напрасно Батон хлопал себя по груди, бокам и бедрам. Было уже ясно: оружия и снаряжения при нем тоже не осталось.

— Хана нам, — упавшим голосом констатировал Кекс. — Без стволов в Зоне...

— Типун тебе на язык, — сердито выдохнул в его сторону Псих. — И чиряк на жопу!

Батон, не в силах поверить в произошедшее, продолжал судорожно хлопать себя по карманам.

— Как же так? — бормотал он в отчаянии. — Срубило, блин, как кувалдой по башке...
Псих первым взял себя в руки:

— Так, мужики! Хорош ныть, начинаем шевелить извилинами! Автомат и кое-что к нему в довесок у нас есть, лежит в паре километров отсюда. Спасибо Диме Шухову. Вопрос только в том, чтобы вернуться на пост.

Псих говорил зло, но злость его была обращена не на спутников, а на неожиданные проблемы. Правильная это была злость, сродни спортивной.

— А снаружи у нас праздник, — заключил Псих. — Слышите?

И правда: только теперь Кекс прислушался. И обмер.

Собаки. Снаружи, совсем недалеко от их укрытия, кого-то пожирала собачья стая. Эти звуки не спутаешь ни с чем. И если от псевдогиганта их укрытие спасало прекрасно, то собака в щель просочится без малейших проблем. А у них ни одного ствола. Ни одного ножа. Ничего, что можно счесть оружием.

— Смотрите, дырки в катакомбы больше нету! — удивленно произнес Батон.

Псих с Кексом синхронно поглядели на него. Потом туда, где недавно зиял ведущий в подземелья пролом.

Строго говоря, дыра в бетонной плите никуда не подевалась. Просто ее закупорили — со стороны подземелий. Такое впечатление, что вплотную к стене поставили лист металла или придвинули к пролому железный шкаф. Батон попытался сдвинуть железо, ногой его пару раз пнул, плечом налег — тщетно, преграда не подалась ни на сантиметр.

— Что делаем? — Кекс постарался взять себя в руки. Он вопросительно глядел на Психа, изо всех сил надеясь, что этот странный парень что-нибудь позитивное да придумает.

— Пока прикидываем, что вообще можно сделать, — отозвался Псих, присаживаясь на корточки спиной к плите. — Минут пять.

Батон прекратил напрасно биться о железную пробку и громко шмыгнул носом:

— Мужики... Я не хотел... Срубило — не заметил как... — пробубнил он виноватым голосом.

Кекс поморщился:

— Да с тебя-то какой спрос... Нас тоже, вишь, срубило.

Псих вдруг вскинул склоненную чуть ли не к самым коленям голову.

— Ш-ш-ш-ш! А ну, тихо! — шикнул он на выдохе.

Кекс осекся, Батон замер с открытым ртом, словно большой ребенок при виде какой-нибудь большой диковины.

Сквозь порывание и взлаивание стаи временами пробивался новый звук. Совершенно однозначный.

— Движок! — прошептал Псих и сунулся к выходу.

Звук доносился со стороны дороги.

К сожалению, со дна ямы ничего не было видно. Мешал противоположный склон, хоть и пологий, но довольно-таки высокий, выше человеческого роста.

Псих сквозь зубы матюкнулся и выскочил из спасительной щели наружу. Кекс с Батоном подтянулись поближе к выходу, но на свободу выбираться не решились.

Тем временем Псих быстро взбежал на дальний от дороги склон ямы — тот самый, из которого выдавались края бетонных плит.

Кекс осторожно высунул голову из щели, огляделся. Слава богу, собаки пировали не в яме. Но покинувшего яму Психа они, увы, заметили.

Через несколько мгновений Псих ссыпался по склону вниз и юркнул в щель, чуть не сбив с ног Кекса, а ещё чуть позже послышался дробный топоток собачьих лап и тихое сопение.

К щели пожаловали три слепые собаки.

Самая смелая с ходу сунулась в укрытие. Псих встретил ее сильнейшим пинком тяжелого армейского ботинка. Попал он удачно — в нос. Собака взвизгнула и кубарем выкатилась наружу, словно зафутболенная тряпичная кукла. Две другие с опаской замерли, прижав уши, опустив головы и приплюсываясь.

Видимо, в каждом из троих сталкеров клокотала такая ярость, что собаки попросту испугались человеческих эманации. Да плюс к тому их собраты продолжали кого-то доедать неподалеку от ямы.

Собаки развернулись и рванули к стае, сначала две остававшиеся снаружи, а потом и отдававшая ботинка.

— Правильно, не фиг, — пробурчал Псих. — Мы вам не добыча!

Потом он повернулся к спутникам и сообщил:

— Вездеход мимо проскочил. Стопудово — ученые из лагеря на Янтаре или их снабженец. На броне военсталкеры. Шли с запада на восток, вдоль асфальта.

— Шо это их сюда принесло? — удивился Кекс. — Вроде тут научных в округе нету.

— Бенито говорил, что тут много кто вертится, — задумчиво протянул Псих. — Оно и похоже: сейфа-то нет на месте.

— А кого там собаки жрут? — мрачно поинтересовался Батон.

— В основном псевдогиганта. — Псих и это успел рассмотреть, как выяснилось. — А парочка самых хилых чуть в стороне — его ногу. Нога, понимаете ли, валяется отдельно.

Кекс покачал головой:

— Кто ж эту тушу уделал, а?

— Не знаю, — ответил Псих. — Может, те, кто нас обчистил, может, те же военсталкеры с броневика. Какая разница?

Батон поглядел на часы.

— Пять минут на раздумья уже прошло, — сказал он. — Что делаем?

— Выхода у нас нет, — пожал плечами Псих. — Без оружия в этой дырке нас стопудово прихватят. Либо ночью, либо ещё раньше. Так что... Будем прорываться к посту, к автомату.

— А собаки? — резонно поинтересовался Кекс.

— Остается надеяться на то, что жратвы им пока хватит. Такой, которая не пинается. Гиганта в один присест сожрать не так-то и просто.

Кекс на секунду прикрыл глаза и с трудом проглотил застрявший в горле ком.

— А конкретнее? Наши действия, желательно с подробностями.

— Выходим наружу и бочком, бочком, по дуге от собак — на запад. Если погонятся — становимся спинами друг к другу и отбиваемся ногами.

Кекс упавшим голосом предсказал:

— Сожрут...

— Ничего позитивнее, извини, не придумал, — буркнул Псих. — Все, надо шевелиться, пока гиганта не доели. Пан или пропал.

Кекс хотел длинно, очень длинно выругаться, но выругался очень коротко, потому что Псих развернулся, шагнул из щели наружу, потом влево и затем пропал из виду. Ничего иного не осталось, как кинуться следом за ним.

Батон побежал третьим.

Сталкерам повезло: собаки их явно заметили, но от пиршества отвлекаться не стали. Потом повезло вторично: едва все трое выскочили из ямы и пробежали метров тридцать, Кекс разглядел чуть в стороне довольно много рассыпанных по земле арматурин. Метровый металлический прут в палец толщиной — это, разумеется, не автомат, но всяко лучше, чем вообще ничего. От пары собак отмахаться можно. От стаи — нет. Тем не менее по арматурине сталкеры все же прихватили.

Неизвестно, что чувствовал Батон — он бежал замыкающим, и Кекс его попросту не видел, а оглядываться не хотел. Неизвестно, что чувствовал Псих, ему, по большому счету, и бояться-то было нечего — при условии, что его действительно не трогают создания Зоны. Он мог бы просто уйти, потому что присутствие двух обыкновенных сталкеров, не мутантов, только привлекало опасных монстров. Но Псих не ушел. Он упрямо вел безоружную команду туда, где они побывали совсем недавно, — к башенке поста автоинспекции при старой дороге. А сам Кекс чувствовал только безудержный страх, но старался задавить его,

загнать в темные глубины сознания, чтобы не привлечь каких-нибудь психувствительных тварей.

И они всё-таки добежали, благо было не так уж и далеко. Никого не встретив. Ни единой опасной твари.

Когда Псих добыл из шкафа в комнате на втором этаже «калаш» и отдал его Кексу, того наконец отпустило. Начал таять колючий ледяной ком в груди, а в душе затеплилась надежда выжить.

ПМ бедняги Довжука Псих вручил Батону, тоже малость порозовевшему — а то, когда прибежали, Батон был блее свадебного платья невесты. Три гранаты достались Кексу, одна — Батону. Себе Псих взял только нож. А пищевые рационы поделили поровну и рассовали по карманам.

— Спасибо тебе, Дима, — прошептал Псих серьезно.

— Спасибо, Дима, — эхом повторили Кекс с Батоном.

Постояли немного молча.

— Ну что, пошли? — спросил Псих. — Теперь-то уж ясно куда, к ближайшему схрону с оружием. До темноты надо успеть.

До темноты, надо сказать, оставалось часа три с небольшим.

— Погодите, — встрепенулся вдруг Батон.

Спутники вопросительно уставились на него.

Отмычка подобрал с пола три арматурины и спрятал в шкаф туда же, где недавно был спрятан «Калашников» и прочее.

— Хрен его знает, вдруг пригодятся? — сказал Батон дрогнувшим голосом. — Я теперь каждую железку ныкать буду и места запоминать.

Псих покачал головой, но комментировать не стал, просто направился к лестнице.

Когда они вылезли через окно, Кекс оглянулся.

— Стекла, надо понимать, вояки вынесли. Вместе с рамой. Значит, они тоже лазили вверх. Не за тем ли самым сейфом, а, Саня?

Догадаться о вояках было нетрудно — и сами они, и их вездеход оставили немало следов как раз напротив поста, через дорогу. Да и около окна следов было предостаточно. Не заметить это мог только слепой, но слепые в Зону не ходят.

— Потом разберемся, — бросил на ходу Псих. — Шевелите костями, нам идти больше десяти километров.

От поста Псих повел на север, но в дальнейшем все больше отклонялся к востоку.

Всё-таки он был везунчиком, сталкер-мутант Псих. Они успели до темноты, хотя, когда вскрывали ещё один коллектор, уже смеркалось, и звуки неподалеку раздавались ну очень безрадостные. Кекс потел и старательно гнал прочь мысли о единственном запасном рожке к «калашу».

За два часа ускоренного марша (с минутами) однажды пришлось стрелять: встретился чрезмерно настырный зомби. Кекс перебил ему ноги в коленях, потратив четыре патрона. В другое время он сказал бы: «Всего четыре». Но теперь было не до жиру, и Кекс считал, что патронов «аж целых четыре». То есть много.

Зато время не потеряли, и на том спасибо.

Псих быстро отыскал нужное место, разгреб жухлую листву и корявые сучья; взгляду открылась даже с виду тяжелая металлическая крышка, похожая на увеличенный канализационный люк. Псих с Батоном, пытая, подцепили и приподняли её (вот когда Батон пожалел об оставленных в тайнике арматуринах).

— Добро пожаловать, — с облегчением произнес Псих. — Пойдите тут, я фонарь найду.

И прыгнул в круглую дыру, ведущую в схрон, где было темным-темно.

Некоторое время Псих чем-то шелестел, потом тихо ругнулся, и наконец-то под открытым люком блеснул свет.

— Спускайтесь! — донеслось снизу.

Кекса с Батоном уговаривать было не надо — тоже попрыгали вниз, благо Псих осветил дно схрона, куда предстояло приземлиться. Уже внизу Кекс спохватился:

— Стоп! А крышка?

— Я закрою, — успокоил Псих, подтаскивая низенькую, всего на три ступеньки, стремянку. — Фонарь держи...

Батон принял массивный фонарь, похожий на железнодорожный, какой когда-то носили путевые обходчики. Ручка фонаря была металлическая, шершавая, со множеством вмятинок, словно ее изгрызла какая-нибудь зубастая тварь габаритов собаки Баскервилей.

Псих, стоя на средней ступени стремянки, возился с люком — Кексу показалось, что он сгребает на него палые листья, маскируя железный кругляш снаружи. Потом Псих с усилием водрузил люк на место и с лязгом повернул запоры с внутренней его стороны.

— Порядок, — сообщил он, на глазах повеселев. — Теперь крышку без подъемного крана не сорвешь. Да и хрен её в запертом состоянии подцепишь. Знатная работа!

Псих спустился, оставив стремянку где стояла.

— Тут, извиняйте, тесновато, но, думаю, вы не в претензии.

Этот коллектор, тоже глухой, был заметно меньше и ниже предыдущего. Выпрямиться во весь рост тут, к примеру, не мог даже не очень высокий Кекс, приходилось сгибаться. Потолок от пола отделяло немногим больше полутора метров. Ну, может, метр шестьдесят — шестьдесят пять от силы. В дальнем от люка углу лежали два полосатых матраса, причем не на бетонном полу, а на подстеленном войлоке. Рядом прямо на бетоне, под небольшой круглой решеткой в стене, Кекс разглядел старомодный примус. Или, может быть, не примус, а какой-то другой простецкий нагревательный прибор. Тут же, на низеньком детском столике, нашлась немудреная посуда: литровая металлическая кружка, две кружки нормального, питьевого размера, тоже железные, несколько ложек и единственная мятая жестяная миска. С другой стороны от стола виднелись шесть десятилитровых баллонов воды, вполне современных. Судя по этикетке — воды «Моршинской», негазированной. Один из баллонов был початый, остальные закупорены; два пустых баллона примостились ещё дальше (один валялся горизонтально). Под столом хранилось что-то в аккуратных картонных коробочках с красными этикетками и одной большой коробке без этикетки. Кекс присмотрелся — надпись на этикетках маленьких коробочек гласила: «Сухое топливо».

— Разносолов не обещаю, — сообщил Псих, довольно потирая ладони, — но чайку попьем. Ну и сухпай, понятное дело, будет чем развести, кипяточку хватит.

— А оружие тут есть? — поинтересовался Батон, вертя головой и разглядывая дальние углы.

— Есть кое-что, — успокоил Псих. — Успеется, сначала пожрем. Ты, Батон, с нервов-то слона сожрешь, зуб даю.

— Вообще да, — сознался отмычка. — Жрать охота, аж живот подвело!

Кекс продолжал осматриваться. Оружие скорее всего хранится во-он в том темно-зеленом ящике, у противоположной стены. Уж больно у ящика вид казенный, армейский. А вон в тех детсадовского размера шкафчиках, видимо, одежда.

Оставшийся предмет убранства — небольшой письменный стол-бюро в одном из углов — мог скрывать в ящичках какие-нибудь гаджеты, если таковые в схроне имелись.

Тем временем Псих вскрыл одну из картонных пачек и высыпал на стол несколько белых кубиков, которые Кекс сначала принял за сахар-рафинад. Но это оказался не сахар: сахар не горит. А белый кубик занялся почти сразу, источая характерный и не очень приятный запах.

Батон без понукания наполнил большую кружку водой и поставил на стол — так, чтобы Психу удобно было дотянуться.

— Благодарствуйте, — ухмыльнулся Псих. — Закипит быстро, проверено!

На примусе (или как там эта байда правильно называется) горело уже два белых кусочка. Легкий дымок тянулся от язычков пламени вверх, к решетке в стене, и

процеживался сквозь нее — стало быть, тут была предусмотрена даже примитивная вентиляция.

Установив кружку с водой над огнем, Псих принялся копать в большой коробке, предварительно с шелестом вытянув ее из-под стола.

Кекс подобрался ближе и уселся на один из двух малюсеньких стульчиков, явно детских.

— Шо это за хрень? — спросил он Психа, указывая на белые горючие кубики.

— Спирт, — не оборачиваясь пояснил Псих. — Сухой спирт.

— Спирт? — удивился Кекс и хохотнул: — В чай вместо сахара наколотим?

— Дурень, это не тот спирт, — ответил Псих так же весело. — Этот несъедобный. Чего, не видел никогда?

— Не-а! — признался Кекс бесшабашно. — Где б я мог его видеть?

— Вы чего, в школе химию не изучали? Опыты не ставили?

— Почему, изучали, — пожал плечами Кекс. — И опыты какие-то ставили. Но спирта я в упор не помню. В химкабинете какая-то горелка вроде была. Газовая, наверное.

— Значит, — со вздохом предложил Псих, — считай это топливо пережитком темного прошлого. Я, как реликт минувшего века, ещё не раз вас удивлю, мой шер.

— Реликт, — прыснул Кекс. — Скажи еще — окаменелость!

— О, я смотрю, сеньору не чужды некоторые палеонтологические знания? — продолжал веселиться Псих.

— Да так, читал когда-то книжки разные, — объяснил свою осведомленность Кекс. — Интересно было, между прочим!

— Читать вообще интересно, — сообщил Псих. — В мое время народ запоем читал. Все, до чего можно было дотянуться. Нормальные книги жутким дефицитом были. А нынче в смысле развлечений всё больше компы да телевизор.

— Ну, телевизор и в ваше время существовал, — возразил Кекс.

— Ага, — саркастически ответил Псих и даже развернулся лицом к собеседнику. — Целых две программы! У счастличиков с дециметровкой — три. По одной «Лебединое озеро», по второй гундят про ратные подвиги сталеваров, а по третьей «Катрусин кинозал» с такими унылыми моралитэ-мультиками, что дети от экранов во двор сбегали.

Псих протяжно вздохнул и поправился:

— Хотя это я перегибаю, хорошие мультики тоже были, и много. Но говна всякого унылого было заметно больше.

— Тяжело вам жилось, — искренне посочувствовал Кекс. Он сколько ни пытался — не мог представить такой жизни. Три телепрограммы! Смех, да и только. При полном отсутствии видеопроекторов — первые архаичные ленточные видики появились в стране лишь к концу восьмидесятых, когда Псих уже лежал в коме.

Неожиданно в разговор встрял Батон.

— Чё-то вас в высокие материи потянуло, — пробурчал он. — Лучше объясните — как так получилось, что мы в той яме у дороги в полном составе отрубились? И кто нас обчистил?

Веселье враз сползло с лица Психа.

— Это не мы уснули, — глухо проговорил он. — Это нас усыпили.

Стало совсем тихо, только ворчала закипающая вода. Кекс с Батоном уставились на Психа, ожидая продолжения. Тот сосредоточенно глядел на огонек, танцующий под кружкой.

— Ты говорил, что ходил уже со своими пацанами за сейфом. Так? — спросил Псих через некоторое время.

— Так, — подтвердил Кекс не очень охотно. Покатиков вряд ли одобрил бы его откровенность в разговоре с чужаками. Если бы Псих сейчас сам не работал на Покатилова, Кекс и словечка не проронил бы. Но, похоже, в данный момент от ведущегося разговора напрямую зависела жизнь всех троих, поэтому Кекс решил открыться. Тем более что про свой поход за сейфом он проболтался ещё во время первого визита на пост автоинспекции.

— А знаешь, кто ещё за ним охотился? — Псих, прищурившись, в упор смотрел на Кекса.

— Кто?

— Булат, например. Розен. Полоз, нами найденный в виде мумии. Все, кто за последние пару месяцев таинственно погиб, предварительно таинственно исчезнув из какого-нибудь сталкерского бара. Исключая только Гриню, который случайно попал под раздачу.

Кекс тупо ел взглядом собеседника, пытаясь хоть как-то сопоставить услышанное с тем, что он сам знал ранее. Но голова почему-то отказывалась соображать, то ли с устатку, то ли ещё по какой причине.

— Ну хорошо, — буркнул Батон, окончательно утративший присущую отмычкам скромность. — Нас усыпили, но почему не грохнули, а?

Псих усмехнулся и покачал головой:

— Н-да. Не Шерлок Холмс.

— А и правда — почему? — встрепнулся Кекс, справедливо решив: раз не думается — не грех и спросить.

— Всех вытасненных из баров уводили в Зону, причем безоружными. Так? — начал рассуждать Псих.

— Так.

— Вот нас и разоружили для начала, раз уж мы уже и так в Зоне. Только мы вовремя взяли ноги в руки и вернулись к автомату, который нам мудро посоветовал заначить Дима Шухов. При этом нам крупно повезло: кто-то добрый на вездеходе обеспечил собакам гору мяса на ужин и распугал остальную нечисть в округе. Поэтому мы уцелели.

До Кекса медленно начал доходить весь ужас положения.

— А... — просипел он. — Кто же нас разоружил?

— Не знаю. — Псих пожал плечами. — Тот, кто не хочет, чтобы сейф попал в руки к Покатилову или ему подобным типам. И этот кто-то располагает очень не слабым псиоником. Очень-очень не слабым — однозначно сильнее любого контролёра. Только контролёр туп и бесхитроsten, а наш псионик (или же тот, кто псиоником командует) умен, логичен и крайне последователен. Единственное его слабое место, которое я на сегодняшний день отыскал, — шаблонность. Он всегда действует по одной и той же схеме: взять нужного человека безоружным и вывести на кровососа. Любую ситуацию он пытается свести к этому. Мы были вооружены — нас разоружили. Поэтому я предсказываю, что в ближайшее время нас попытаются не банально прихлопнуть, а снова разоружить. Только не спрашивай, почему псионик или хозяин псионика в конечном итоге обязательно выводит обезоруженных жертв на кровососа, — понятия не имею. Может, этот кровосос у него вроде любимой собачки, которую следует периодически кормить, а может, убиенные кровососом сталкеры перед смертью источают какой-нибудь особенно нужный псионику мозговой импульс — и такое вполне может быть. Наверняка не скажешь. По крайней мере — пока. Кровососа мы в принципе хлопнули, но я бы не слитком этим обольщался: нигде не написано, что Булата, Розена и остальных прикончил тот же кровосос, что и Полоза. А даже если и тот — мало, что ли, в Зоне других кровососов?

— Твою мать, — в сердцах выругался Кекс. — Сколько в Зону хожу — ни разу ещё в подобное дерьмо не вляпывался.

— Времена меняются, — пожал плечами Псих. — Зона меняется тоже. И обитатели ее меняются. У меня вообще такое впечатление, что грядет нечто... глобальное. И оно сильно изменит как Зону, так и мир вокруг Зоны. Возможно, это напрямую связано с тем, что мы ищем. Как минимум — не исключено.

— Связано с... сейфом? — свистящим шепотом уточнил Батон.

— В том числе.

— Да что ж это за сейф такой?! — Кекс сердито хлопнул ладонью по колену. — И кто его таскает с места на место?

— Пока не знаю, — спокойно ответил Псих. — Вполне может оказаться, что это не один и тот же сейф. Да и ценен скорее всего не сам сейф, а его содержимое. Я уверен, что Покатилов тебе не велел тащить сейф с Милитари к себе в офис. Верно?

— Верно, — скрепя сердце признал Кекс. — Сейф — не велел.

— А что велел? — поинтересовался Псих.

Кекс набычился. Если он и рассказал кое-что о конфиденциальных заданиях босса, это вовсе не значит, будто он готов выложить все до последнего. Даже подельнику. Если уж на то пошло, Псих ему подельник только по нынешнему заданию, а расспрашивает о прошлом.

— Можешь, конечно, не говорить, — добавил Псих ровным и подчеркнуто дружелюбным тоном. — Но тогда я дольше буду разбираться с этим дельцем. Чем быстрее разберусь, тем больше у нас шансов остаться живыми, учти.

Кекс скрипнул зубами, подумал и раскололся:

— Ты прав. Сам сейф интересовал Покатилова мало. Его интересовало содержимое верхнего отделения. Все, абсолютно все, что найдется в верхнем отделении, — не только бумаги или предметы, а даже любой сор или прилепленная к стенке жвачка. Покатилов на этом даже внимание акцентировал — обязательно осмотреть внутренности верхнего отделения, боковые стены, заднюю и это... сверху которое. Не знаю, как назвать — потолок, что ли?

— Я понял, — кивнул Псих. — Похоже, Покатилова в первую очередь интересовали никакие не бумаги, а как раз всякие неожиданные жвачки в сейфе. Что ж, лишнее подтверждение моим догадкам...

— Я рассказал, что мне известно, — мрачно заметил Кекс. — Теперь твоя очередь колотиться, Саня. Выкладывай свои догадки, раз уж помянул!

— Да тут все тривиально. — Псих пожал плечами. — Я думаю, Покатилов рассчитывал, что вы найдете в сейфе какой-то артефакт. Который вряд ли будет просто лежать в уголке верхнего отделения, а вполне может обнаружиться на стенке или, как ты выразился, потолке, — потому Покатилов и акцентировал внимание на соре и жвачке. Вы могли самое главное попросту не заметить. А бумаги — скорее всего они в сейфе лишь для отвода глаз.

— Херня какая-то, — вставил долго молчавший Батон. — Я думаю...

— До хрена думаешь, — оборвал его Кекс, причем достаточно жестко. — Шо-то ты оборзел в последнее время, Батон! Забылся. Напомнить, кто ты есть? А?

Отмычка набычился и опустил взгляд.

— Вода закипела, — сменил тему Псих. По крайней мере попытался это сделать. — А вот чайку сейчас горяченького! Батон, тащи стремянку, стульчиков, сам видишь, всего два. На ступеньку сядешь.

Батон, согнувшись в три погибели, покорно побрел в угол под люком, приволок стремянку к столу и уселся на нижнюю ступеньку.

Псих тем временем накрыл огонек железным полусферическим колпачком, затем выудил из очередной коробочки три пакетика чаю, да не ботву какую-нибудь вроде «Майского» или «Брук-Бонда», а «Млесну».

— Ишь ты. — Кекс поджал губы и покачал головой. — Не хух-ры-мухры! И почем пачка? Гривен семьдесят небось?

— Сто двадцать, — сказал Кекс. — Зато вкусный.

Кекс вздохнул:

— Вкусный-то вкусный... Только я бы лучше чего-нибудь съел.

— Съедем, не бойсь. Ночь длинная, а мы выпались. Вот прополощем кишку чайком для начала, а потом и по рациончику употребим.

— А не лучше ли рациончики поберечь? — спросил Кекс. — Или тут с едой туго?

— Кое-что найдется. — Псих ритмично окунал пакетики в кружку с кипятком. Кипяток быстро окрашивался в темно-янтарный цвет, в свете фонаря кажущийся скорее темно-коричневым. — Только наши рационы лучше тут употребить, потому как кипяток есть. А консервы мы в случае чего и на ходу холодными приговорим. С сухарями.

— Понятно, — кивнул Кекс. — Консервы тоже из старых запасов?
— Ага. Сом в томатном соусе.
— Не протухли за столько лет?
— А что им сделается? Тут, сам видишь, прохладно. Да и делали в совке на совесть, хотя сейчас совок принято только ругать.

— Не скажи, — пробурчал Кекс с сомнением. — Сорок, блин, лет, какая тушенка или, там, сом в томате такое выдержит? У них срок годности года три, если правильно помню.

— Это стратегическая серия, специально под длительное хранение производилась. Особая обработка, специальная жесть под банки. Этот сом и сто лет благополучно пролежит.

Псих налил чаю в маленькие кружки, наполнив каждую примерно на три четверти. Себе оставил литровую, предварительно выудив и отжав при помощи ложки и ниточки каждый пакетик.

— Сахара, извиняйте, нету. Зато вот сухари, они сладкие.

— Переживем, — вздохнул Кекс и отхлебнул из своей кружки. — Черт! И правда отличный чай!

Некоторое время в схроне слышалось только прихлебывание да хруст сухарей на зубах. Потом Псих вновь поджег спирт, добавив свежий кубик, и водрузил вторично наполненную водой кружку над огоньком. Кружку он прикрыл сверху перевернутой миской, чтоб быстрее закипало.

— А и правда, приятственно так, — заметил Кекс. — Жрать по-прежнему охота, но самочувствие явно улучшилось. Неужели от чая?

— А от чего еще? — переспросил Псих. — Ты никогда в тайге не бывал?

— Как-то не довелось.

— Тамошние аборигены — эвенки всякие, якуты, — когда кочуют, на любой стоянке первым делом чай пьют. А уж потом юрты ставят, еду готовят и все такое. И правильно, по-моему.

— Жаль, в Зоне этого трудно придерживаться, — буркнул Кекс. — То и дело отвлекают.

— Иногда можно. Как сейчас.

Псих полез в карман комбинезона и достал один рацион.

— Давайте, сбросились по дозе. Между прочим, голодного человека легче усыпить или взять под контроль, чем сытого. В свете нашего противостояния с псиониками об этом надо все время помнить.

— Разве? — усомнился Кекс. — По-моему, сытого проще — как налопаешься, вечно в сон клонит. Без всяких псиоников.

— Ты не путай сытого и обожравшегося, — поправил Псих, нетерпеливо заглядывая под миску-крышку. Вода в кружке уже тихонько шумела.

Как вода закипела, неторопливо залили рационы, подождали чуток и так же неторопливо поели. Батон все время молчал и прятал взгляд. Кекс с Психом изредка перебрасывались фразами, однако от важных тем отошли, болтали о всякой чепухе.

Но долго так продолжаться, естественно, не могло. Ситуация, в которой оказались три сталкера (точнее — два сталкера и отмычка), предполагала активные поиски выхода. И Кекс вскоре вернул разговор в актуальное русло.

— Что делать-то будем, а? — спросил он разомлевшего от ужина (хоть сейчас под контроль бери) Психа.

Тот откинулся на спинку стульчика, рискуя опрокинуться.

— По плану мы должны были к ученым неподалеку от периметра выйти. А если их нет на месте — дожждаться.

— К ученым? — удивился Кекс. — Зачем?

— Сдать им добычу и вместе с ними выйти из Зоны.

Кекс непонимающе уставился на напарника:

— То есть как это — сдать добычу?

— А вот так. Все сдать, и то, что мы могли найти в сейфе, и вообще все собранные артефакты. Научники, ясен перец, не первые попавшиеся, а те, на которых Покатилов указал. У него везде свои люди есть.

Кекс недоверчиво покачал головой:

— Первый раз такое, уж извини, друг сердечный. Обычно я хабар Покатилову лично приносил. И сдавал прямо в «Вотрубке».

— Обычно ты и за сейфами не охотился, — резонно возразил Псих. — Таскал «золотых рыбок», «светляков» да «грави» какие-нибудь. А сейчас ставки повыше и добыча поинтереснее. Да ещё учти, что за сейфом охотится много кто, и это известно наперед. Покатилов перестраховывается. Использовать ученых в полной мере он не в состоянии, но хотя бы для вывоза добычи и нас из Зоны — почему бы и нет?

Нельзя сказать, что Кекс полностью удовлетворился данным объяснением, но решил больше не спорить. Тем более что это отнюдь не шло вразрез с указаниями босса: тот велел во всем слушаться Психа. Ну а раз велел, надо слушаться, стало быть.

Единственное, что Кекс во всех нынешних раскладах не понимал, зачем Покатилов вообще послал его вместе с Психом. По идее, Псих прекрасно управился бы и сам. Да и в целом текущий выход в Зону разительно отличался от всех предыдущих. Никогда ещё на команду Кекса не охотились целенаправленно. Одно дело отбиваться от обыкновенных монстров Зоны, опасных, но чаще всего тупых и бесхитростных, а значит — предсказуемых. И совсем другое — противостоять кому-то умному, настойчивому и опасному, умеющему вдобавок на расстоянии усыплять и, вероятнее всего, брать под контроль тоже.

Как уберечься от последнего, Кекс не мог даже предположить.

Глава двадцать третья

Полевой исследовательский пост научники промеж собой по-простецки именовали заимкой. Располагалась она к востоку от диких земель и тех самых неистребимых трущоб, в которых какой-то предприимчивый шалопай открыл самый первый бар в Зоне — «100 рентген». Сиверцев краем уха слышал, что нынче баром управляют совершенно другие люди, нежели те, которые его открывали.

Впрочем, это было не важно, потому что группа Тараненко вовсе не собиралась посещать сталкерский бар. У вольных бродяг извечные трения с военными, а в Зоне наука сильно от военных зависит. О баре Сиверцев вспомнил лишь потому, что с брони то и дело докладывали — видим вооруженных людей.

Когда-то давно военные сталкеры, едва завидев вольных, без разговоров открывали стрельбу на поражение. Но примерно с того момента, когда Стрелок отключил выжигатели, ненужная стрельба поутихла. Да и вообще атаковать нелегальные экспедиции в Зону стало небезопасно: многие могущественные люди (в том числе плотно связанные с Зоной высокопоставленные начальники) заимели там немало частных интересов. В которые зачастую не рисковали впутывать служивых, обходились опять же приватно нанятыми спецами самого высокого уровня. И экипированы эти спецы зачастую были лучше, чем военные. Поэтому, необдуманно саданув из автомата по абстрактному бродяге, вояки вполне могли получить в ответ тепловую ракету. Шарах — и спрашивать некого, зачем, мол, стреляли. Постепенно, но достаточно быстро, отношения между вольными и военными сталкерами свелись к молчаливому нейтралитету. Мы не замечаем вас, вы не замечаете нас. Тем более что сталкивались одни с другими в основном на маршах, ибо вольные все больше лазили за хабаром в такие гиблые места, куда военных не пускали инструкции, и наоборот — туда, куда разрешено было соваться военным, бродягу и калачом не заманишь: нет там для бродяги ничего интересного. Ничего такого, что можно тайком вынести из Зоны и удачно продать. В результате худой мир между военными и вольными сталкерами оказался куда устойчивее и долговечнее короткого периода войны.

Сиверцев по интонациям чувствовал, что матерые охранники, ещё помнившие, как гоняли сталкеров-левачей, вынуждены сдерживать себя. А в окрестностях бара какого только люда не шаталось!

Вдвойне странно было, что пост-заимку расположили так близко от мест паломничества вольных сталкеров.

Внешне пост выглядел очень похоже на башенку автоинспекции, только был трехэтажным. Ну и периметр вокруг него возвели на совесть — бетона и колючей проволоки при строительстве явно не жалели. На плоской крыше заимки оборудовали навес с турельным пулеметом. Там, ясное дело, все время кто-то дежурил. В данный момент дежурили двое парней-мордоворотов, очень похожих на охранников вездехода.

На заимке тоже долго не задержались: по-быстрому сгрузили-разгрузили чего полагалось, Коля-химик кашлянул на прощание, пробормотал: «До свидания, Максим Николаич! Пока, ребята!» и убрел со своим планшетом за колючку, а вместо него в вездеход ввалился долговязый лысоватый мужичок в блеклом от частых стирок комбезе, расшнурованных ботинках и при черно-красной сумке с эмблемой футбольного клуба «Манчестер Юнайтед» на боку. Мужичок пребывал в приподнятом настроении, видимо, по причине скорого возвращения из командировки. Он с удовольствием пожал руки всем, кто был в вездеходе, и уместился на самой задней лавке, у двери в грузовой отсек.

Тут же и тронулись. Тараненко подсел к только что сменившемуся мужичку и довольно долго с ним о чем-то разговаривал, изредка ещё и жестикулируя. Мужичок в основном отвечал на вопросы, иногда коротко, иногда пространно — по крайней мере так Сиверцеву показалось.

Вездеход теперь полз медленно, потому что охранники вновь спешили и вели экспедицию, выстроившись уже привычной дугой. Более или менее накатанная дорога исчезла, теперь шли по совершенной целине со всеми полагающимися сюрпризами, задержками и остановками. Сиверцев продолжал глядеть в обзорный экран, но уже без былого жадного интереса: рутинное передвижение по Зоне успело надоесть и ему.

Меж тем навалился вечер; небо ощутимо потемнело, да и вообще снаружи сделалось сумрачно и как-то недобро; включенные прожектора только усугубляли общее довольно тягостное впечатление.

Видимо, не только Сиверцеву сделалось не по себе. Щелкнул динамик внутренней связи, и старший маршрута обратился к шефу из кабины:

— Слышь, Николаич, смеркается. Мож, задраимся и тут заночуем?

Тараненко отвлекся от беседы со сменившимся мужичком.

— Так осталось-то всего ничего, километра четыре! — сказал он не очень уверенно. — Неужели не дотянем?

— Ты же знаешь, по темноте кататься — гиблое дело. Ну его, завтра по светлому доберемся.

— Н-да, — вздохнул Тараненко. — Жаль, конечно, но что делать? Командуй ночевку.

— С удовольствием, — отозвался старший маршрута, хмыкнул и отключился.

Отданных команд в пассажирском отсеке слышно не было.

Через несколько минут сухо клацнул, отворяясь, люк, и в вездеход полезли бравые мордовороты. Все шестеро. В пассажирском отсеке сразу стало тесно.

Обзорный экран без предупреждения погас, триплексы заблокировались бронеплитами, зато включился верхний свет. Странно, но освещенный отсек ещё сильнее уменьшился в размерах. Хотя отключившийся экран тоже этому поспособствовал — Сиверцев подумал, что прежде он создавал ложное ощущение дополнительного объема, наподобие того, которое возникает в комнате с большим зеркалом вместо стены.

Охранники дружно переместились в грузовой отсек, а возвращались оттуда по одному, без брони и оружия. В тупичке за переборкой, как выяснилось, помещался крохотный камбуз, и в данный момент один из охранников, весело переругиваясь с товарищами, заливал воду в котел, очень похожий на железнодорожный, в которых проводники кипятят для чая грелот.

Сиверцев с интересом взирал на хозяйственные хлопоты бывалых ходоков в Зону.

Тараненко, проходя мимо, хлопнул Сиверцева по плечу:

— Ваня, в хвосте и сортир есть, если что.

Информация была полезная, Сиверцев не то чтобы крайне в сортире нуждался, но в общем и целом это время неотвратимо близилось. Поэтому он встал, протиснулся между охранников, шарящих в навесных шкафчиках (на этот раз возникли авиационные аналогии — похожие шкафчики имеются в любом самолете над пассажирскими креслами) и направился в грузовой отсек. В корму бронемашины.

Орудовавший у водонагревателя охранник по фамилии, если Ваня правильно запомнил, Забирай повернул голову и прижался к переборке, уступая дорогу.

— Благодарствуйте! — Сиверцев старался вести себя приветливо.

— Будешь должен, — проворчал Забирай и хулигански ухмыльнулся.

Грузовой отсек, при въезде в Зону вплоть до проходов забитый до отказа, теперь был на три четверти пуст. На верхних полках почти ничего не осталось, средние были заполнены в лучшем случае на треть, а вот внизу под полками пространство было довольно плотно заставлено большими картонными коробками с каким-то исследовательским скарбом. В самом-самом хвосте, где полки заканчивались, оставался крохотный пятачок перед двустворчатыми грузовыми дверьми, сейчас, понятное дело, наглухо задраенными, и небольшая кабинка с недвусмысленной пиктограммой на двери. Под пиктограммой имелась выполненная фломастером надпись от руки: «Тут сральня. Огнетушитель напротив».

Сиверцев повернул голову влево — в противоположном углу действительно виднелся укрепленный в парных зажимах огнетушитель вроде автомобильного, только заметно больше.

Вскоре из сортира вывалился другой охранник, фамилию которого Сиверцев тоже запомнил — Кутний. Зыркнул на Ваню, пробормотал: «Бог в помощь!» и протопал мимо.

Изнутри сортир мало чем отличался от авиационного.

Когда Сиверцев вернулся в пассажирский отсек, там как раз выдавали ужин — армейские сухие пайки в упаковках из плотного картона, куда оставалось только добавить кипятку и пару минут подождать. Народ, получив пайку, рассаживался по лавкам. Около лавок, оказывается, имелись откидные столики, которые сейчас переводили в горизонталь.

Сиверцеву сунули в руку картонку с рационом; он сходил к водонагревателю и залил это дело кипятком. Вернулся в пассажирский отсек, поискал место. Мужичок, который погрузился на последнем посту, призывно дернул головой — за этим же столиком устроились Тараненко и ещё один научник, познакомиться с которым Ваня пока не успел.

Еще Сиверцев заметил, что переборка между кабиной и пассажирским отсеком, оказывается, не сплошная — там имелась дверь, в данный момент открытая. Рядом стоял невысокий веснушчатый офицер с капитанскими погонами. Щуплый солдат в полевой форме, сидящий за ближним к двери в кабину столиком, несомненно, был водителем вездехода.

— Мартынюк! — скомандовал капитан хорошо знакомым голосом старшего маршрута. — Как поешь — за пульт, дежурство до полуночи.

— Есть! — кивнул охранник со стола напротив.

— С нуля Кутний, с трех Середа, — добавил капитан. — Вопросы есть?

Вопросов не было.

Сиверцев охотно выпил предложенную чарку водки и с удовольствием принялся за паек, представляющий собой неожиданно вкусную полужидкую смесь белков, жиров, углеводов, витаминов, минералов, стимуляторов и ещё черт знает чего. Водка его удивила, честно говоря. Ну, Тараненко и слыл, и во многом действительно являлся записным либералом — это уже было понятно. Фляжечка в кармане охранника — тоже понятно. Но вот открытый прием горячительного внутрь, да ещё в присутствии офицера...

Позже ему объяснили: солдаты, часто топчущие Зону, — все до единого контрактники. Профессионалы. Они знают, а многие ещё и любят свое дело и относятся к нему вполне ответственно. Напиться — значит ощутимо потерять в деньгах, а то и вообще вылететь со

службы к чертям свинячьим. Кому оно надо? Поэтому парой чарок все и ограничиваются. Мартынюк, которому предстояло дежурить до полуночи, ограничился одной. А кто не умел ограничиваться, давно со службы вылетел, с этим у вояк быстро.

Когда первая давно проскочила, а рациона в картонках осталось по половине или меньше, контрактник Кутний пихнул локтем контрактника Забирана и басом попросил:

— Серега! Ну, говори уже!

Забирай чинно утер пшеничные усы салфеткой и с расстановочкой продекламировал:

*Известно даже недоумку,
Как можно духом воспарить:
За миг до супа выпить рюмку,
А после супа — повторить!*

Братия за столиками жизнерадостно загалдела, и таки была налита вторая. Каждому, кроме уже упомянутого Мартынюка. Тараненко и капитан от народа не отделялись, приняли со всеми.

— Во вояки дают, — покачал головой мужичок-научник с полевого поста. — Губермана цитируют!

— А чего ты хотел, век информационных технологий, — усмехнулся Сиверцев. — Народ с детства в сети. Сегодня Губермана или Северянина даже мыши цитировать могут.

Мужичок усмехнулся в ответ:

— Это должны быть очень сильно мутировавшие мыши... Ты кто, кстати, по специальности?

— Цитолог.

— А я иммунолог. Севой зовут.

— Меня Ваней.

Они прервались на короткое рукопожатие. Но сегодня разговору не суждено было продолжиться: охранники по-военному быстро расправились и с едой, и с чаем-кофе (кто что выбрал) и принялись готовить отсек к трансформации в спальню. Не столь расторопным ученым пришлось поспешить.

А потом столики и, к новому удивлению Сиверцева, лавки тоже были отстегнуты и убраны к бортам. Пассажирский отсек в плане мебели сделался практически пустым. На пол бросались спальные, вынутые из укромных мест, и вскоре отсек являл собой сплошное лежбище. Солдаты, кстати, ночлежный вариант отсека так и именовали — лежбище скотиков.

«Елки-палки, — подумал Сиверцев с неясной тоской. — Я четыре года около Зоны, а всех этих колоритных мелочей знать не знаю! Всё-таки хорошо, что судьба распорядилась по-своему и забросила меня сюда. Ей-ей, хорошо!».

С этой мыслью Ваня рухнул на указанный спальный, сунул под тюфячок, служащий подушкой, свое «ружжо» и мгновенно отключился, невзирая на ещё не погашенный свет и ещё не стихший казарменный гвалт. Кто-то впопыхах даже наступил ему на ногу, но Сиверцев, хоть и почувствовал это, все равно не проснулся.

Зато проснулся он далеко за полночь, внезапно и вроде бы без причины.

— Николаич! — шептал кто-то ближе к кабине, где почивало начальство в лице Тараненко и офицера. — Николаич, гляньте-ка!

Сиверцев приподнял голову. В отсеке горела только синяя потолочная панель дежурного освещения, да ещё в открытую дверь из кабины еле-еле пробивался слабый свет приборов и экранов на пульте.

— А? — вскинулся на своем месте Тараненко. — Что там?

— Вы велели разбудить, — прошептал охранник Середа. — Идут. С грузом, как и предупреждали.

Тараненко тихо закричал, но всё-таки встал и скользнул вслед за охранником в кабину.

Неожиданно для себя самого встал и Сиверцев. Вообще-то он собрался, раз уж проснулся, пойти до сортира, но почему-то свернул в противоположную сторону, не в корму, а в нос вездехода.

К кабине.

Осторожно просунул голову и плечи в дверной проем. Середа и Тараненко сидели перед сдвоенным монитором, который воспроизводил картинку с камер ночного видения. Правый экран делился на шесть одинаковых по размеру экранчиков, каждый из которых был придан отдельной камере, левый повторял изображение одного из них в укрупненном варианте.

Сиверцев дипломатично кашлянул. Не хотелось, чтобы его застукали подглядывающим. А так — сам обозначил присутствие, стало быть, ничего худого не замышлял.

Тараненко обернулся, совершенно без всякой тревоги.

— Не спится, Ваня? — буркнул он и зевнул. — А у нас тут гости, понимаешь ли. Присаживайся, смотри, если хочешь.

Сиверцев устроился на самом краешке сиденья — мягкого в отличие от лавок пассажирского салона.

На экране шевелились плохо различимые издали силуэты нескольких людей.

— Я чего вас поднял, — тихо заговорил охранник. — Их больше, чем трое! Вроде бы пятеро. Но груз есть.

Он ловко отработал сенсорами, и изображение на левом экране ещё укрупнилось. Один из людей (ясное дело — сталкеров) тащил что-то притороченное к спине — что-то довольно большое, прямоугольное и, наверное, тяжелое, потому что шел он покачиваясь и согнувшись. А через полминуты и вовсе встал. Двое помогли ему снять груз со спины, а потом приладили следующему носильщику.

Охранник продолжал манипулировать сенсорами.

— Металл, — сообщил он чуть погодя. — Эта штука железная. Наверное, ящик или сейф.

— Сейф, — прошептал Тараненко с непонятым выражением. — И идут с запада...

Сиверцев обернулся — в дверях, полностью одетый, вплоть до тактического шлема, стоял капитан.

— Середа, марш к снаряжению. Я на пульте.

— Есть, кэп, — коротко отозвался охранник, встал с сиденья и протиснулся мимо него.

Сиверцев тоже встал.

— Я, наверное, мешаю, — виновато сказал он.

Капитан уже сидел на месте, где только что манипулировал сенсорами Середа.

— Если хочешь, присутствуй, — не глядя на Ваню, бросил офицер. — Только не мешай и не трогай ничего.

Сиверцев непроизвольно сжал губы, словно это могло помочь ему вести себя тише.

Тем временем Тараненко выдвинул из пульта маленькую клавиатуру, оживил ещё один экран и принялся энергично тасовать на нем изображения с разных камер. Камеры, насколько мог судить Сиверцев, были отличные, но это все же были камеры ночного видения, а значит, многие частности и детали ускользали от внимания наблюдателей.

Но один план Тараненко задержал на экране дольше прочих — лицо уставившегося в сторону вездехода высокого, выше остальных, сталкера во главе группы. Даже сейчас его можно было опознать, невзирая на расстояние, неизбежную крупнозернистость цифрового увеличения и неестественные краски ночного видения. Сиверцев по крайней мере опознал. И не он один.

— Да это ж Кардан! — сказал с легким удивлением Тараненко и откинулся на спинку сиденья. — Точно он!

— И что? — озадачился старший маршрута. — Что-то не так?

— Не так, Петро! — озабоченно проговорил Тараненко. — Это не те, кого мы ждем. Скорее всего эти будут сопротивляться.

— Ничё, справимся. — Капитан явно ничуть не расстроился. Протянул руку, вложил в ухо бусину спикера и заговорил в притороченный на тонкой проволочке микрофон: — Забирай!

— Я! — ответил один из бойцов, экипировавшихся в пассажирском отсеке.

Почему-то Сиверцев сразу вспомнил пустой угол на втором этаже поста автоинспекции, откуда вынесли какую-то мебель. Небольшой шкаф или тумбочку.

Или сейф.

— Буди бойцов, воин, — скомандовал Тараненко — именно скомандовал, у него сразу изменились интонации, да и голос то же. — Этих нужно встретить.

— Бойцы уже броню навешивают, — послышалось из пассажирского отсека. — Все путем, Николаич, сейчас отработаем.

Сиверцев, понятное дело, не мог слышать спецсвязь солдат с офицером, но покуда солдаты находились в вездеходе, их было слышно и так.

— Внимание: вероятно сопротивление.

— Вас понял! Вводные?

— Захватить груз, — велел капитан и обернулся к Тараненко: — С людьми что?

— Лучше, конечно, никого не убивать, — сказал тот спокойно. — Однако если возникнет риск потери груза...

— Понятно, — кивнул капитан и снова заговорил в микрофон:

— Приоритет — груз. Жертвы нежелательны, но допустимы.

«Дьявол! — подумал Сиверцев с легким холодком в груди. — Какая беспощадная и ёмкая формулировка — нежелательны, но допустимы! Жертвы!».

В принципе он знал, что в Зоне периодически вспыхивает форменная война — локальная, конечно, и довольно условная. Но разве есть разница для участников коротких стычек — дерется ли кто-нибудь точно так же и рядом с ними, и дальше, и много где еще, или их бой единственный на всю округу?

«Хорошо бы, чтоб в твой адрес никто и никогда не говорил о допустимости жертв...».

Тем временем Забирай, видимо, бывший в группе за старшего, доложил:

— К выходу готовы!

— Пошли, — скомандовал капитан и, потянувшись влево, тронул клавишу на отдельном, водительском пульте. Люк с тихим шипением разблокировался. Ближний солдат откинул его быстро и практически бесшумно.

Тем не менее Кардан и компания услышали. Идущий вторым сталкер вскинул руку, и четверо из пятерых синхронно замерли. Пятый, тот, который шел с грузом, по инерции сделал ещё шаг и тоже замер.

— Свет, — вполголоса предупредил капитан и врубил прожектора.

По глазам резануло — галогенки у вездехода были мощные.

Экраны вспыхнули ослепительно белым, но потом камеры автоматически подстроились под новый уровень освещенности. Сиверцев часто заморгал, пытаясь побыстрее разогнать цветные пятна перед глазами.

Люк с легким щелчком закрылся — солдаты уже действовали снаружи. Судя по всему, они разбились на две группы и обходили сталкеров Кардана с флангов, чтобы прожектора не светили им в спину.

Кардан и двое его опытных дружков среагировали быстро — залегли и открыли огонь.

«Даже так, — подумал Сиверцев, невольно съеживаясь на сиденье. — Сразу стрелять...».

Оружие солдат пока молчало.

Что творилось в темноте, увидеть было невозможно, оставалось наблюдать, как двое сталкеров вместе с сейфом пытаются выскользнуть за пределы освещенного прожекторами пространства, а офицер не позволяет им этого сделать, елозя пальцем по сенсорному экрану. Световое пятно неотвратимо следовало за отступающими сталкерами.

Вскоре стрельба прекратилась, так толком и не начавшись. Старший маршрута на миг замер, коснувшись пальцем микрофона в ухе, а потом объявил:

— Все, Николаич! У нас без потерь.

— А у них?

— Одного пришлось. Не Кардана.

— Не Кардана — это хорошо, — вздохнул Тараненко и взглянул на часы, расположенные чуть выше верхнего среза лобового стекла. Было без семи пять. — Пусть тащат их сюда... Особенно сейф.

В пассажирском отсеке беззаботно спать продолжал только водила, невзирая на голоса и включенное освещение. Ученые попросыпались.

— Ваня, — скомандовал Тараненко. — Ступай помоги ребятам. Спальники сгребите в угол и закрепите одну лавку вдоль борта.

Хочешь не хочешь — пришлось идти исполнять. Сиверцев ни в коем случае не забыл о «подай-принеси».

Троица коллег-ученых, видимо, уже сталкивавшаяся с подобными ситуациями, молчаливо орудовала в отсеке. Лысоватый Сева стаскивал в кучу спальники, двое других возились с лавкой. Сиверцев, вспомнив об оставленном под подушкой дробовике, первым делом кинулся и подобрал его.

«Куда бы его деть, блин?» — подумал Ваня растерянно.

Неожиданно на помощь пришел Тараненко, тоже покинувший кабину.

— Давай подержу. — Он протянул руку, и Сиверцев с некоторым даже облегчением отдал оружие. Неуютно он себя чувствовал с дробовиком в руках, особенно когда вокруг люди.

Вскоре в люк снаружи гулко бухнули. Капитан тут же открыл его.

Сначала внутрь протиснулся один из солдат в броне — необъятный, как платяной шкаф. В отсеке он встал так, чтобы заслонить находящихся ближе к корме вездехода ученых. Потом в люк прошмыгнул паренек; в нем Сиверцев мгновенно опознал неофита, того самого, который вчера (точнее, уже позавчера, полночь-то прошла) цеплялся к нему в баре, а потом поил Кардана и Кардановых дружков. Захомотал его, значит, Кардан.

Едва переступив условный «порог», паренек повернулся кругом и помог втащить в вездеход небольшой сейф, когда-то давно окрашенный в серо-стальной цвет, но с тех пор изрядно исцарапанный и пошарпанный. Второй паренек, несший сейф, тоже явно был отмычкой — Сиверцев хоть в Зону до сих пор не ходил, в барах таких вот романтических сопляков перевидал вполне достаточно.

Сейф поставили у двери в кабину, прямо у ног офицера, заслоняющего дверной проем.

— Лицом к стене! Руки за спину! — скомандовал солдат, и отмычки послушно повернулись к переборке.

Затем в отсек ввалился второй солдат, тут же надевший на отмычек наручники, а затем вставший в угол, около установленной лавки. Отмычки остались стоять — руки за спинами в наручниках, рожи в переборку.

— Следующий! — гаркнул первый солдат.

В люк впихнули Кардана. Этому пришлось слегка пригнуться, ибо макушкой высоченный сталкер задевал за потолок. Под левым глазом у Кардана напухал необъятный, в полщеки, кровоподтек. Наручники на него были надеты ещё снаружи.

Солдат из угла сгреб Кардана за плечо и рывком усадил на лавку.

Затем подряд влезли дружок Кардана, ни клички, ни имени которого Сиверцев не помнил, и третий солдат. Усадив дружка подле Кардана, солдат встал с другой стороны лавки.

В пассажирском отсеке стало тесновато; Тараненко это заметил и обратился к ученым:

— Хлопцы, давайте-ка в багажник! И по спальнику прихватите, все равно кому-то там спать придется.

Сиверцев собрался было вместе со всеми, но неожиданно Тараненко его задержал:

— Ваня, ты останься! Присядь пока там, в уголке.

Пришлось уюоститься на оставшихся спальниках рядом со спящим водителем.

Когда ученые переместились в корму и дверь в грузовой отсек плотно затворилась, маячившие посреди пассажирского солдаты отступил к ней. Стало чуть просторнее. Оставшиеся трое солдат быстренько забросили внутрь трофейные пожитки сталкеров и по очереди влезли в вездеход. Тех, кто ночью уже отдежурил, капитан сразу же отправил спать в багажник. Середа, чье дежурство ещё не завершилось, снял броню и протиснулся в кабину. Внешний люк задраили со всем тщанием. Отмычек усадили на пол, у ног Кардана и его напарника.

Сиверцев уже догадался, что сейчас будет происходить.

Допрос. Обыкновенный допрос.

«Интересные дела творятся в Зоне, — подумал Ваня со смешанными чувствами. — Для Тараненко и его людей подобные ситуации, похоже, не в диковинку. Невооруженным глазом видно. Интересные дела, очень-очень интересные...».

— Откуда идём? — осведомился Тараненко для начала. Голос у него был самую малость усталый, а дыхание чуть учащенное, словно он лично вязал команду Кардана и с тех пор не успел отдышаться.

Сталкеры мрачно молчали.

Настаивать на вопросе Тараненко почему-то не стал. Вместо этого сделал знак одному из солдат, и тот принялся по очереди вытряхивать на пол перед шефом сталкерские рюкзаки. Куча получилась приличная.

Первым делом Тараненко проверил контейнеры для образцов, на что ушло минут пять.

— Неплохо! — заметил он, впечатление покачав головой. — «Ведьмина спираль», «душа», «лунный свет», два «кристалла», две «пересмешницы»... Да ещё «цветки», «шары», «вспышки»... Мощный улов, поздравляю! Где брали?

Снова никто не ответил.

— Впрочем, я догадываюсь — где. Мешков-то восемь. А вас только пятеро. Кардан вышел на тропу разбоя, а?

Кардан угрюмо пошлепал губами — Сиверцеву показалось, что он сейчас выругается, но Кардан не проронил ни слова.

Тараненко протянул руку и взял из кучи пожитков ПДА в потертом кожаном чехле. Включил, полистал записи.

— Так-так... А я ведь знаю, чей это пэ-дэ-а! — сообщил Тараненко вскоре. — Сталкера Кекса! Интересные веники!

— Хошь верь, хошь не верь... Рюкзаки мы в леске у западной дороги нашли, — скороговоркой выпалил дружок Кардана. — Не пропадать же добру? Вот и подобрали.

— Значит, от западной дороги топаете, — удовлетворенно кивнул Тараненко. — Уже что-то. И сейф там же надыбали?

— Нет, сейф... м-да.

Сталкер осекся, потому что Кардан повернул голову и взглянул исподлобья на своего дружка. Тараненко усмехнулся:

— Чего ж ты затих, а? Продолжай, продолжай! Все равно лед уже тронулся, господа присяжные заседатели.

Видимо, Кардана заговоривший сталкер пока ещё боялся больше, чем военных и Тараненко, потому что продолжать не рискнул.

— Ваня, — неожиданно обратился к Сиверцеву шеф. — Оформи-ка артефакты в хранилище. Ребята помогут. Потом возвращайся.

Сиверцев встал, стараясь действовать несуетливо, собрал контейнеры с артефактами в стопочку, поднял и понес в грузовой отсек. Солдат заботливо отворил дверь перед ним.

Сева с готовностью показал, где расположен шкаф для образцов, и помог загрузить туда контейнеры. Как закончили, Сиверцев вернулся в пассажирский отсек, попав на середину фразы Тараненко:

— ...контейнеры, между прочим, с изотопными метками. С такими работают только ученые официального исследовательского центра и нашего института, у сталкеров таких не

бывает. Уже заодно за это вам можно смело шить трибунал и срок. И ты, Кардан, не можешь не понимать таких простых вещей.

— Я понимаю, — буркнул Кардан, исподлобья глядя на Тараненко. — Только зачем мне врать, сам посуди?

Тараненко несколько секунд внимательно глядел на сталкеров.

— Хорошо, допустим, — сказал он вскоре. — Но сейф в это никак не вписывается. Зачем он вам?

— Заказали, — неохотно признался Кардан. — Посулили денег. Прилично.

— Кто?

— Да хрен его знает, документов он не предъявлял. Тип какой-то. Я его не знаю. Нездешний, иначе знал бы.

— И что, он точно назвал место?

— Ну, да! Пост автоинспекции на западной дороге. Нам-то что, пошли и вынули. Какой тут криминал? Это даже не артефакт, это просто старая железка из прошлого века, на нее ни одна сраная конвенция не распространяется, чтоб мне сдохнуть!

— Еще неизвестно что там внутри, — заметил Тараненко со значением. — Может, и артефакт!

— Да пусто там, — сказал Кардан и поморщился. — Ненужный хлам. Хотите — проверьте, ключ у меня в кармане.

— Ключ? — удивился Тараненко и указал двумя пальцами, указательным и средним, на Кардана. — Ну-ка!

Повинуясь его жесту, один из солдат запустил пятерню Кардану в карман комбеза и действительно вынул металлический сейфовый ключ с двумя несимметричными бородами.

— Ваня, загляни! — велел Тараненко, и Сиверцев снова встал.

Он не знал, куда деть руки, поэтому держал их в карманах, а в правом кармане у него был дозиметр, который Сиверцев вертел в пальцах и машинально ощупывал. По какому-то странному наитию Ваня проверил на радиацию сперва ключ, а потом и сейф, сначала снаружи. Потом открыл сейф, без малейших проблем, и проверил внутри. От его внимания не ускользнула кривая усмешка Кардана, но Сиверцев решил не обращать ни на кого внимания. Ключ и сейф снаружи фонили лишь самую малость сильнее, чем положено предметам в Зоне. Внутренность фонила активнее, особенно верхнее отделение сейфа, но опять же не настолько сильно, чтобы беспокоиться по этому поводу. Что же до содержимого, то в сейфе нашлись ещё два контейнера для артефактов, а сверх того — только пожелтевшие рукописные журналы дежурств автоинспекторов, пара отпечатанных брошюр с пометкой «ДСП», антикварный журнал «Ukrainian Wireless News» номер семь за 1913 год да безнадежно засохший бутерброд в прозрачном полиэтиленовом пакете.

— Все? — поинтересовался Тараненко, когда Ваня продемонстрировал ему улов.

— Все, — утвердительно кивнул Сиверцев.

Тараненко подчеркнуто неторопливым движением взял поданные контейнеры и по очереди заглянул в них.

— Это не то, что ты подумал, — подал голос Кардан. — Это для облегчения. Сейф, зараза, тяжеленный, без этого не поднять.

— Верю, — буркнул Тараненко. — Две «золотые рыбки», «грави» и две «ночные звезды»... В сумме получается минус сорок килограмм.

— Угу, — промычал Кардан.

— Ваня, оформи-ка и эти вещички тоже, — сказал Тараненко задумчиво.

Пришлось сходить с двумя контейнерами в грузовой отсек и вернуться уже без них.

— А теперь возьми фонарик, — попросил Тараненко чуточку театральным доверительным тоном, — влезь в сейф с головой и загляни в каждый уголок, в каждую щелочку.

Сиверцев без эмоций, словно робот, повиновался. Взял из руки Забирана фонарик и по плечи погрузился в недра железного ящика, пахнущего пылью и старым металлом. Он добросовестно осмотрел все, включая стыки стен и полок, углы и даже механизм замка. И

верхнее отделение осмотрел, и нижнее. Теперь он с уверенностью мог сказать: сейф совершенно пуст в плане материальных предметов макромасштаба.

— Нашел что-нибудь? — с неподдельным интересом осведомился Тараненко, когда Ваня вытащил голову из сейфа, встал на ноги, отдал фонарик и отряхнул ладони.

— Только одно, Максим Николаевич, — честно признался Сиверцев, машинально назвав Тараненко по имени-отчеству. — Там внутри кто-то фломастером накорябал: «Соболев — мудака». Наверное, допекли беднягу. Я знал троих Соболевых, и все трое тоже были редкие мудаки.

Тараненко сподобился на вымученную улыбку, потом холодно взглянул на Забирана:

— А того орла, что снаружи валяется, хорошо обыскали?

— Обижаете, Николаич! — прогудел солдат. — Даже туалетную бумагу из кармана забрали! Вон, с краю на куче, полрулона практически...

Некоторое время Тараненко думал, потом снова переключился на Кардана:

— Откуда у тебя ключ от сейфа?

— Заказчик дал, — не раздумывая, ответил Кардан. — Сказал, подойдет к замку. И точно, подошел.

— Хорошо, — кивнул Тараненко. — Значит, получается так: заказчик дал вам ключ, велел найти сейф. Вы нашли, заглянули, а в сейфе пусто. Так?

— Именно! — подтвердил Кардан.

— А за каким хреном тогда вы поволокли сейф с собой? — спросил Тараненко, и Сиверцев мысленно ему поаплодировал. Ему стало безумно интересно, как выкрутится Кардан, что наплетет. Увы, тот ответил сразу и опять-таки не задумываясь:

— Так это... Нам по-любому заказали вынести сейф из Зоны. Независимо от того, найдется что-нибудь внутри или не найдется. Я двух «рыбок» и «грави» заранее припас. А «звезды» уже в поклаже Кекса нашли. Ну и тоже... использовали.

Тараненко сразу насторожился:

— То есть заказчик допускал, что в сейфе не окажется того, что он ищет?

— Ну, да! — Кардан энергично кивнул головой. Левый глаз его совершенно заплыл, превратившись в узкую щелочку над синюшной опухолью.

— Интересные веники, — пробурчал Тараненко и встал. От Кардана его отделяло два полноценных шага. — На фига тогда давать ключ и заглядывать в сейф?

— Дык тяжелый он, — пояснил Кардан, дивясь недогадливости ученого. — Как бы без ключа мы облегчающие артефакты внутрь запихнули?

— Ну да, логично, — согласился Тараненко и вдруг резко сменил тему: — Ну-ка гляди, это он?

Ученый стремительно шагнул вперед и сунул Кардану под нос квадратную фотографию.

— Не, не он, — отрицательно покачал головой Кардан, взглянув на снимок. — Тот усатый был.

— Гляди внимательно, Кардан! Усы и сбрить можно. Или, наоборот, приклеить.

— Да не он, точно говорю. Лицо совсем другое, — стоял на своем сталкер.

С сожалением спрятав фотографию во внутренний карман, Тараненко вернулся на прежнее место.

— Ладно, оставим пока сейф и нанимателя, — сказал он терпеливо. — Давай опять о вещичках Кекса. Где, говоришь, вы их нашли?

— Южнее дороги, в леске. Где собаки ночуют. Там ихнего дерьма под каждым кустом тонны...

— И не боязно в собачье логово лезть было, а?

Кардан без всякой рисовки пожал плечами:

— Да у них вся Зона — логово! Бойся, не бойся — все равно отстреливаться. Такова уж сталкерская доля, соваться туда, где голову в любой момент могут оттяпать.

Тараненко тихонько фыркнул, как потревоженный кот:

— Ну, прям герои темных дел, воины Зоны, мама моя! На карте место показать можешь?

— Могу, конечно.

Забирай тут же подал шефу планшет. Тараненко разложил его, включил и быстро загрузил чего надо. После чего подошел к Кардану:

— Ну?

Кардан несколько секунд разглядывал карту, потом дернул головой и уверенно сказал:

— Вот тут!

Рукой он показать не мог, мешали наручники, и Тараненко быстро это сообразил.

— Носом покажи, не переломишься! — велел он, поднося планшет к самому лицу Кардана.

Сталкер примерился и клюнул экран кончиком носа. Солдаты тихо заржали.

— Тихо вы! — цыкнул на них капитан. — Не в цирке!

Тараненко поглядел на планшет и пробормотал:

— Ага, ага... Ваня, поддержи-ка!

Сиверцев приблизился и принял протянутый планшет. Тараненко тем временем вторично взялся за ПДА Кекса.

— Удобная вещь эти пэ-дэ-а, правда, Кардан? — хищно усмехнулся Тараненко. — Карта Зоны там по умолчанию. И треки по умолчанию пишутся. Всегда можно поглядеть, где был! Пользуешься этим, а, Кардан?

— Пользуюсь, — буркнул тот, не скажешь, что смутившись.

Несколько секунд Тараненко разбирался с записанными в ПДА треками.

— Гляди-ка! — качнул головой он. — И правда! Не знаю, как Кекс, но его пэ-дэ-а в леске действительно побывал. Когда, говоришь, вы рюкзаки подобрали?

— Часа в четыре примерно. Мы за леском на дневку встали, а как дело к вечеру — снялись. Да и собаки куда-то дружно слиняли, так что глупо было в обход перетягиваться. Ну мы и срезали.

— Понятненько, — задумчиво покивал Тараненко. — Складно у вас петь получается, не отнимешь. Прям ангелы, а не бандиты, нарушающие границы закрытой территории и тянущие наружу опасные радиоактивные артефакты. Что ж мне с вами делать, а, Кардан? Мож, просто шлепнуть на месте? Нарушение границ на лицо, вооруженное сопротивление налицо, даже преступный сговор — и тот налицо, запись разговора, сам понимаешь, ведется. Смерть при попытке к бегству, ля-ля-тополя. Старая, как мир, басня для правоохранительных органов. Нет человек — нет проблем. Заметь, это удобно и нам, и правоохранительным органам — в разы меньше мороки и затрат на кормежку-содержание всякой расходной мрази.

Сиверцев видел, что отмычка-первоходок малость позеленел лицом и судорожно сглотнул. Кардан держался не в пример лучше — уж этот-то громила за достаточно долгую сталкерскую карьеру побывал во множестве переплетов и прекрасно осознавал, что и слова Тараненко больше воды, чем реального руководства к действию. Да и дружок его не скажешь, чтобы был смертельно напуган.

— Ладно, Кардан, — вздохнул Тараненко. — Не буду перед тобой соловьем заливаться, ты и сам, думаю, уже все понимаешь. А если не понимаешь, то грош тебе цена.

Кардан угрюмо взирал на шефа ученых.

— В общем, отныне ты работаешь на меня. В конечном итоге. Сосункам своим потом объяснишь, что это значит. На заказчика твоего мы сами сначала поглядим, а потом и потолкуем с ним. У тебя ведь будет встреча с заказчиком, а, Кардан?

— Куда ж деваться, — буркнул сталкер. — Будет.

— Ну, вот и встретишься. Можешь даже о нашей встрече всю правду рассказать. Можешь и наврать, будто вы три дня и три ночи сдерживали атаки превосходящих сил противника, но пали в неравной борьбе с супостатом в нашем лице... и все такое. Мне без разницы. Просто помни, что из-под колпака никому из вас не улизнуть. А теперь...

Тараненко на секунду умолк, сделав вид, что задумался, хотя Сиверцев не сомневался: он все просчитал и продумал наперед. И коротко закруглился:

— ...проваливайте!

И — уже солдатам:

— Наручники можно снять!

Приказ был незамедлительно исполнен.

Сталкеры зашевелились, потирая запястья. Забирай без всякой команды выдал им по пачке галет, выуженных из кучи припасов, и лично Кардану — незаряженный пистолет, самый маленький из имеющихся среди конфискованного оружия. Обойму и горку выщелкнутых из нее патронов солдат до поры держал при себе. Другой солдат коротко перемолвился с дежурным, получил от него добро и разблокировал, а затем и отворил люк.

Кардан покинул вездеход первым. За ним вылез дружок. Наладились вылезти и отмычки, но на них Тараненко сварливо прикрикнул:

— Э-э! Сундук свой забирайте, мне-то он на кой!

Отмычки впали в ступор и замерли, не зная, что делать.

— Ваня, — обратился к Сиверцеву Тараненко. — Будь другом, запри сейф! И макулатуру гайшную внутрь запихни. Ага, спасибо. Ключ не им, ключ мне. Хватит с них и сейфа. Ну, чего встали. Хватайте сейф и марш отсюда!

Отмычки суматошно выволокли железный ящик наружу. Сиверцев поймал себя на том, что всю улыбаются, невзирая на очевидную балаганность произошедшего.

Перед тем, как захлопнуть люк, Забирай высыпал в подставленную сталкерскую ладонь с десятков пистолетных патронов и вложил туда же пустую обойму.

— Ну, вот, — вздохнул Тараненко, когда люк был вновь заблокирован. — Дело сделано. Как сказал палач, отрубив голову не винной жертве...

А потом в упор взглянул на Сиверцева.

— Ну, как тебе, Ваня, наши методы? — спросил он с интересом. — Не отвращают?

Сиверцев пожал плечами:

— Ну... Не скрою, полевую работу я представлял себе несколько... иначе. Однако не могу сказать, что потрясен до глубины души. В Зоне я новичок, но я не кисейная, в конце концов, барышня. И родился не вчера. Не волнуйтесь за меня... шеф. Я в игре, раз уж меня позвали.

— Ну и молодца, — удовлетворенно кивнул Тараненко. — Всем спать, разбор полетов после завтрака. Аминь!

Солдаты тут же принялись с удовольствием сдирать броню.

— Н-да, — философски вздохнул Сиверцев. — А ведь отмычкам Кардана теперь полновесный сейф волочь, без гравикомпенсации!

— Ничего, не надорвутся, — пожал плечами Тараненко. — Хотели романтики? Вот пусть и жрут ее горстями.

— Бросят они сейф, Николаич, — предположил из кабины офицер. — Протащат сколько смогут, умаются и бросят. Точно говорю.

— Могут и бросить, суки, — задумчиво сказал Тараненко. — А знаешь почему? Бандиты потому что! А с бандитов — что возьмешь?

Посетитель больше всего походил на бесплотную тень. Он сидел на стуле с высокой спинкой посреди освещенного пространства, но лицо его все равно толком разглядеть не удавалось. Никакой мистики — просто этот человек носил шляпу и держал голову так, чтобы тень падала на лицо. Скорее всего он делал это осознанно, в силу избранного рода занятий. Плащ тоже был длинный и свободный, из-за него нельзя было сказать наверняка, толст посетитель или худ.

— Говори, — велел Покатилов из-за стола.

— Сейф унесла команда Кардана, — бесцветным голосом сообщил посетитель. — Псих с Кексом самую малость опоздали.

Ученые тоже наведывались на пост, примерно через час после Психа с Кексом.

Покатилов удивился, но постарался, чтобы это было не очень заметно.

— Тараненко заглядывал на пост? — спросил он.

— Заглядывал, — подтвердил посетитель. — А потом ещё Кардана с сейфом перехватил.

«Ничего себе! — подумал Покатилов озабоченно. — Чё-то этот мерин яйцеголовый многовато себе позволяет».

— То есть сейф у ученых? — уточнил он на всякий случай.

— Нет, Кардана и его команду ученые отпустили и сейф им отдали.

— Отдали? — Покатилов недоумевал.

— Именно так. Из чего следует, что в сейфе либо изначально ничего ценного не было, либо оно там и осталось, незамеченное людьми Тараненко. Выпотрошенный сейф бессмысленно отдавать наемникам и ещё бессмысленнее тащить на себе, зная, что он пустой.

«Ерунда какая-то, — подумал Покатилов. — Логика в происшедшем наверняка есть, но я ее пока не улавливаю. Надо обмозговать, спокойно и тщательно, без суеты».

— А что Псих с Кексом?

— Псих с Кексом часа через четыре заглянули на пост ещё раз, а потом ушли на северо-восток и встали ночевать где-то за Дикими землями. Там не очень много удобных мест, зато встречаются заброшенные схроны «Долга». В один из них они скорее всего и забурились. Что-то у них неладно: когда шли от поста, на троих имелся всего один автомат, и ещё куда-то подевались вещмешки так что топали все трое налегке.

«Ну вообще отлично! — Покатилов сделался ещё мрачнее. Враздрай дело пошло, нужно срочно принимать меры. Только какие?».

Тараненко всё-таки знал больше, чем полагал Покатилов. И охотился он не столько на пси-монстра, сколько на дубликатор, в этом можно было уже не сомневаться. Иначе зачем ему чуть ли не сразу после входа в Зону стремиться на пост автоинспекции у западной трассы, а потом перехватывать более шустрого Кардана с сейфом?

«Монстр монстром, сам по себе он неприятен и вреден, конечно, но заработать на нем трудно. А вот тот факт, что монстр как-то связан с дубликатором и вечно вертится около него, — бесспорен. По всей видимости, Тараненко тоже это осознал. Но каков гусь, ловко и изящно навязал мне партнерство и ни сном ни духом не показал, что знает о дубликаторе! И я тоже хорош, проморгал, ничего не заподозрил. А ведь должен был, просто обязан! Старее, что ли?»

А если Тараненко не только ученый? Если он попутно работает на правительство или приватно на кого-нибудь из верхов? В конце концов, информация о дубликаторе могла просочиться и дальше подбрюшья Зоны. Дошла до меня, почему не может дойти ещё до кого-нибудь достаточно крупного, кто в состоянии подобную штуку удержать в руках и внятно ею распорядиться? Тем более времени прошло много, а я практически не приблизился к цели. Три сейфа выпотрошено, четвертый, можно сказать, уже тоже. Чёрт, надо форсировать события! Только как именно?».

— Ступай, — обратился Покатилов к посетителю. — Продолжай зондировать перемещения ученых и Психа с Кексом мне найти! Если будет что срочное — сразу звони. Кардана с сейфом я сам встречу. Хома, проводи в кассу...

— Да, босс! — дисциплинированно отозвался выступивший из комнаты подручный.

Когда дверь за Хомой и посетителем закрылась, Покатилов ещё раз перечитал сообщение от Кекса:

«Цель не найдена. Мы опоздали. Ждем команду на возврат либо дальнейшие инструкции».

Подтверждения о том, что Кекс получил и прочитал ответ с упомянутыми инструкциями, по-прежнему не было.

«Если информатор прав и Псих с Кексом лишились снаряжения, их молчание объяснимо. Без снаряжения им будет туговато, но вряд ли они станут сидеть в Зоне, постараются выйти. От Диких земель к безопасному выходу или, что почти то же самое,

стоянке Тараненко за день дотопать можно. Почти на пути Темная долина, а это местечко малопривлекательное. Один автомат они сохранили, да, может, в схронах ещё чего подберут. Прорвутся».

И сам себя поправил:

«Вопрос только — когда. Время уходит, словно песок сквозь пальцы. Но надо успеть. И ещё обязательно нужно сегодня же перехватить Кардана, душу из него вынуть, но выяснить — тот у них сейф или не тот. Если опять не тот — значит все сначала».

Глава двадцать четвертая

— Тоже не спится? — шепотом спросил Кекс, подсаживаясь столу, за которым Псих кипятил очередную кружку воды.

— Угу. Видимо, в щели у подземелий выпался. Чай будешь?

— Буду.

Кекс покосился на Батона, который мерно похрапывал на дальнем от стены матрасе.

«А этот дрыхнет, хоть бы хны... Двадцать лет — есть двадцать лет», — подумал он с легкой завистью.

— Времени сколько? — спросил Кекс, поскольку с утерей ПДА лишился единственного хронометра.

Псих не пользовался ПДА, зато носил наручные часы со смешным названием «Командирские». Тот, кто сталкеров ограбил, часами почему-то пренебрег. Возможно, не счел их сталкерским снаряжением.

— Полшестого. Скоро рассветать начнет. Подкрепимся и ходу.

Вспомнив о ПДА, Кекс резонно вспомнил и о письме боссу.

— Слушай, Псих, тут какой-нибудь коммуникатор в закромах найдется, чтоб сталкерскую сеть брал? Хоть плохонький. Почту проверить, вдруг от Покатилова пришло что-нибудь?

Псих пожал плечами:

— Хрен его знает, я в этих приборчиках не шибко разбираюсь. Погляди в столе, в ящичках справа, может, чего и нароешь.

Упрашивать Кекса было не нужно — он охотно пошарился по ящичкам и довольно быстро наткнулся на допотопные коммуникаторы десятилетней примерно давности. Теоретически они годились для чтения и отправки почты, но все батареи, как Кекс и опасался, были вглухую разряжены, а свежих взять было неоткуда.

— Не нашел? — поинтересовался Псих, когда он вернулся.

— Нашел, — безрадостно вздохнул Кекс, присаживаясь на стульчик. — Жаль, толку от них без батарей никакого.

— Да фигня, у научных почту глянешь, если дойдем.

У Кекса медленно вытянулось лицо.

— Что значит — если дойдем? — спросил он с тревогой.

— То и значит. — Псих пожал плечами. — Сам бы я точно дошел, а с вами... Всякое может случиться. Нам ведь мимо Темной долины идти. А возможно, и через саму долину.

— Когда мы на пост шли и от поста сюда, ты выглядел увереннее!

— Когда я иду, я всегда уверен, что дойду, — хмыкнул Псих. — А вот когда сижу в безопасности — на всякий случай сомневаюсь. Не обращай внимания, Кекс! Я хотел сказать — если дойдем, так у ученых почту глянешь, а если не дойдем — вообще по фиг нам почта.

— Да ну тебя, — буркнул Кекс недовольно. — С такими похоронными настроениями только в Темную долину идти, ага...

— А вот мы сейчас чайку! И все настроения мигом разгоним! Давай кружку.

Кекс подал.

Чай и впрямь отвлек от похоронных настроений, зато обострил другую проблему.

— Слушай, Псих, а где тут отлить можно? А то наружу как-то неохота.

— Да вон, в углу! Решетку видишь? Вот сквозь нее. Как управишься — водички плеснёшь, там что-то вроде стока имеется. А вот если по-крупному погадить — это, извиняй, придется терпеть до выхода.

— Не. — Кекс встал. — По-крупному как-нибудь потом.

— Не обоссы там все кругом! — проворчал Псих. — Аккуратненько! А то вонять будет, смерть врагам...

Кекс отмахнулся. После всего по совету Психа плеснул из кружки и на решетку, и на руки, а потом вернулся за стол.

— Знаешь что, — задумчиво сообщил ему Псих. — Я полагаю, нас обчистили бюреры.

— Почему ты так решил? — осторожно поинтересовался Кекс.

— Запах. Я сейчас сидел, анализировал и вспомнил, что после того, как мы там проснулись, ощущался легкий запах... ну, скажем так: не шибко чистоплотного существа. Бюреры именно так и смердят. Обычный сталкер, просиди он хоть год в Зоне без души, пованивает, естественно, но не так интенсивно. Снорк, как ни странно, тоже. Бюреры да карлики — только их можно унюхать раньше, чем узреть. Лучше всего эту вонь перебивает табачный дым, а мы все трое не курим.

— Бр-р-р... — прервал его Кекс. — Как-то я не врублюсь, к чему ты клонишь. Ну и что, что не курим?

— Мы лучше чувствуем запахи, понимаешь? Большинство сталкеров на моем месте и не вспомнило бы о бюрерах. И еще: помнишь, Дима Шухов, когда советовал оставить на посту автомат, сказал что-то вроде: «Раз никто из вас не курит, оставьте, мол, ствол, может помочь». Я ещё тогда гадал — какая может быть связь между «не курим» и «оставьте ствол»? Вот и теперь гадаю. У тебя никаких мыслей на этот счет нету, а?

Кекс, несколько сбитый с толку неожиданными умозаключениями напарника, отрицательно помотал головой.

— Должна быть связь, должна! — с уверенностью произнес Псих. — Дима Шухов обычно говорит загадками, но расшифровываешь их, как правило, уже постфактум. Что-то такое нам, видимо, встретится, связанное с запахами. Запомни это, Кекс! Хорошенько запомни!

— 3-3-3... Запомню, — пробормотал Кекс. — Хорошенько запомню!

«Чушь какая-то, — подумал он про себя. — А с другой стороны — мало ли какая чушь в Зоне может жизнь спасти? Так что лучше запомню...».

И ещё Кекс подумал, что у Психа периодически случаются малопонятные окружающим озарения, после которых он делает некие выводы и строит дальнейшее поведение согласно этим выводам.

Мутант Псих или не мутант, озарения на него снисходят или же он просто умеет мыслить логически — не так уж и важно. Важно то, что Псих серьезно воспринимает любую мелочь, любую деталь. Это иногда кажется смешным и непонятным... и скорее всего напрасно.

В Зоне только так и нужно. И только в этом случае у тебя есть шанс стать сильнее Зоны. Стать сильнее, а значит — выжить.

— А чего ты, как сюда пришли, на Батона вдруг вызверился? — понизив голос, спросил Псих.

Кекс недовольно поморщился:

— Болтать много стал. Молодняк надо в узде держать и периодически осаживать, а то на голову сядет. Сегодня в разговор встрял, завтра приказа послушался, а послезавтра тебе нож под лопатку всадит и хабар твой по твоим же каналам сдаст. Барыгам разным по фиг, у кого артефакты скупать — у того, кто их кровью и потом добывает, или у бандитов и иуд всяких. Считай это воспитанием.

— Н-да, — вздохнул Псих. — И тут дедовщина! Никуда без этого.

— А что — дедовщина? Я силой в отмычки никого не загонял. Когда нанимались, сразу предупредил: буду дрочить. Кому не нравится — скатертью дорога, у нас не коза

ностра, выход свободный, если никому ничего не задолжал. Я хоть дрючу, так и обучаю — больше года без потерь ходим. Ко мне в команду очередь постоянно. А тот же Басмач до того, как с Федой спелся, каждую ходку двоих-троих в Зоне оставлял.

— Да уж, — вздохнул Псих вторично. — У нас дедовщина к общему-то была, но не шибко крутая. И знаешь почему? С тем же молодым завтра идти фланги мослать, а у него рожок полный и твоя спина в нескольких шагах впереди... Сто раз подумаешь, прежде чем молодого вздрючить за что-нибудь.

— Слушай, Псих, а расскажи — как тебе наше время, а? По сравнению с твоим. Многое, наверное, изменилось? Мы-то тут живем, фиг на что внимание обращаем, а ты, можно сказать, с Луны свалился. Что изменилось? Что поразило больше всего? Расскажи, интересно!

— Расскажи... — пробурчал Псих. — Разве тут расскажешь и двух словах? Все изменилось. Мобильники эти ваши, телевизоры плоские, машины обтекаемые... Как сравню с дядькиным «Запорожцем» — не знаю, плакать или смеяться. Каждый делает что хочет... Вот к этому до сих пор не привыкну. В совке у каждого всё было расписано на годы вперед. Роддом — ясли — детский сад — школа. Дальше варианты: или сначала на завод, а потом в армию, или сначала в армию, а потом на завод. Ну, некоторые в институты поступали, не без этого. Такие потом на том же заводе мастерами да инженерами числились. Но суть одна: с восьми до семнадцати вкалывай, потом по пиву — и домой. Беспросветно все было, понимаешь? Наперед было ясно, что, кроме завода и пивнухи задрипанной, ты в этой жизни хрен чего увидишь. За границу не пускали. За тунеядство сажали. По телевизору — елей и вранье, а и магазинах шаром покати, простому народу жрать нечего. Тут, в Украине, ещё ничего было, а вот когда к нам родственники из Сибири приехали в начале восьмидесятых, так брательник мой двенадцатилетний, когда мама на стол копченой колбасы нарезала, у своего бати-сибиряка шепотом спрашивал: «Папа, а что это такое?». Прикинь? Пацан за двенадцать лет жизни ни разу не видел копченой колбасы! За пивом очереди стояли на несколько часов. И пиво было только двух сортов: «Пиво есть» и «Пива нет». В очереди быстрее по роже огребешь, чем пива купишь. Я до сих пор как в магазин какой-нибудь зайду — глаза разбегаются... Не только в смысле жратвы-питья. В смысле шмоток тоже. У нас в магазинах один тихий ужас продавался, покойник — и тот постеснялся бы надеть. А с другой стороны — нищих вроде не было. Попрошаек не было. На подъездах замков не было, и никто с лестничных площадок детские коляски-велосипеды не тырил. У домов — палисадники, цветочки, вишни, яблони. Мы лазили, рвали, ели — никто слова не говорил. А сейчас или двухметровый забор бетонный вокруг сада, или вытоптанная земля, ни травинки. Помню, мужики во дворе после работы в домино резались, а по выходным, бывало, телик с первого этажа на улицу вынесут, на табуретку поставят и футбол смотрят. На столе закуска, выпивка — до сих пор не пойму, откуда все бралось, если в магазинах пусто было? Я квартиру сейчас снимаю в городке, в хрущобе, год уже. Так соседи даже не здороваются. Ладно со мной, я, бывает, неделями в Зоне торчу, дома не появляюсь, откуда им меня знать? Но они же и между собой не здороваются, я сколько раз видел! Не пойму я этого. И злые все какие-то стали, детей вечером на улицу отпускать боятся, и правильно делают, я уже понял. А мы допоздна по дворам гоняли — и ничего, никто не ругал и никто на нас не покушался...

Кекс слушал, разве только рот не разинул. Ему и впрямь было интересно — фактически Псих родился в те же годы, что и родители Кекса, плюс-минус немного. Страну под названием СССР они застали только в детстве, а вместе с детством родителей закончилась и страна. Россия теперь за граница, выехать замучишься — паспорта, таможни, границы... Да и отношения у русских с украинцами как у кошки с собакой. А когда-то жили вместе, дружили, роднились — и ничего. Откуда вражда взялась, теперь и не понять. Кекс подозревал, что сверху, от доблестных правителей, которым всегда начхать было на трудовой люд, как бы он ни назывался — русскими, украинцами или как-либо еще. Особо в этом деле отличился рябой украинский президент, который только Гитлера не успел произвести в национальные герои и девизом которого на долгие годы стало: «Аби як, але не так, як у москалев». «Абы як» обычно получалось из рук вон паршиво. В России тоже не все

гладко было — одна история с беспардонно кинувшим всю страну «Альфа-банком» чего стоит. И ведь никого в итоге не наказали! Офисы «Альфа-банка», конечно, разнесли в щепы и крошку стеклянную, но стало ли кому-нибудь от того хоть сколько-нибудь легче? Ага, щаз! Псих даже по-своему счастлив: все эти бури и ужасы он благополучно проспал.

Закруглился Псих довольно неожиданно:

— А пиво, ничего тут не возразишь, стало лучше! И много его, какое хочешь — такое и выбирай. И всегда купить можно, даже среди ночи. Наверное, оттого народ и спивается, оттого и злобится. Теперешняя жизнь больше похожа на праздник, чем на будни, — все доступно, были бы деньги. Кто ж будет работать, если деньги можно просто отнять? Оттого и преступность, оттого и заводы встали, оттого и ближнего своего стукнуть тянет, а не здоровья ему пожелать. Такие вот дела, сталкер Кекс, по моему архаичному мнению.

Кекс вздохнул и покачал головой:

— Правду люди говорят: хорошо там, где нас нет. Видать, в смысле времён оно тоже справедливо. Но я, честно говоря, не согласился бы в вашем времени жить. Уж больно жуткие вещи иногда о совке слышу.

— Я не менее жуткие вещи в вашем времени вижу, — буркнул Псих и поглядел на часы. — Надо двигать, пожалуй. Раньше выйдем — моложе дембельнемся. Давай буди Батона.

Псих был прав: если снаружи рассвело, а скорее всего так оно и есть, нужно выходить. Кекс встал, едва не стукнувшись макушкой о низкий потолок, и бочком пошел к храпящему Батону.

Несильно пнув его под ребра, Кекс в голос скомандовал:

— Подъем! Вставай, Батон, лафа кончилась. Стартуем.

Отмычка тотчас вскинулся, поморгал, провел ладонями по припухшему со сна лицу, кашлянул и прохрипел:

— Ага, все, встаю!

Псих деловито укладывал патроны, сома в томате и сухари в единственный вещмешок, который предполагалось взять с собой.

Минут через пять все были готовы. Вещмешок, естественно навьючили на Батона. Из оружия в схроне нашлись только «калаши», поэтому вооружены все трое были одинаково. ПМ Кекс вернул себе, гранаты как поделили на посту автоинспекции, так больше и не тасовали.

— Ну? — выдохнул Кекс вопросительно. — Двинули?

Псих отчего-то мялся под задраенным люком, вертел головой, словно прислушивался.

— Что такое? — насторожился Кекс.

— Снаружи кто-то есть, — недовольно пробурчал Псих. — Не пойму кто. Мутант вроде. Одиночка.

Кекс в который раз пожалел об украденном ПДА — без него он чувствовал себя в Зоне как без рук. Приходилось полагаться на сверхъестественное чутье Психа, но Кекс знал, что все сверхъестественное рано или поздно дает сбой. В отличие от бездушной механики-электроники. Хотя нет, неверно: механика-электроника тоже сбоит, но все равно веры ей как-то больше. Биосканер, к примеру, Кекса ни разу ещё не подводил. А не подведет ли чутье Психа — иди знай... Хотелось надеяться, что нет.

— Подождем немного, — решил Псих. — По-моему, оно нас не чует, просто рыщет. Сейчас уйдет.

«Будем надеяться», — подумал Кекс, усаживаясь на краешек матраса. Рядом тотчас примостился Батон и, конечно же, наладился подремать. Кекс сердито пихнул его в бок:

— Але, не спим! По команде: «Подъем!» наступило светлое время суток!

— Вот что точно не изменилось за сорок лет, — флегматично заметил Псих, — так это армейские шуточки.

Минут пятнадцать сталкеры просидели в запертом схроне, прежде чем Псих решил, что можно выходить. Но что-то определенно Психа смущало, не выглядел он совершенно спокойным, хоть убей. Сначала долго не решался тронуть запор, потом, когда с негромким

лязгом люк разблокировался, он какое-то время стоял, прислушивался. Но через пару минут все же решился.

— Так, — прошептал он. — Делаем все быстро. Я открываю люк. Батон, выскакиваешь и вот этот (Псих показал рукой, какой именно) сектор на ствол. Если что видишь — стреляй, не задумываясь. И постарайся попасть. Ты, Кекс, берешь соседний сектор, правее. В рост старайтесь не вставать, будьте готовы в любой момент залечь, но так, чтоб стрелять было можно. Ясно?

Кекс просто кивнул, Батон сипло ответил: «Ясно!» и в который уже раз закашлялся.

— Поехали! — Псих толкнул люк вверх и отбросил его, освобождая круглый лаз в коллектор. Батон, загодя поставивший ногу на ступеньку стремянки, пружинисто распрямился и выскочил наружу, словно пробка из бутылки с шампанским. Кекс тоже оттолкнулся от ступеньки и ещё в прыжке осознал, что Батон уже стреляет.

Заметить Кекс мало что успел: в его секторе обнаружился неряшливо одетый мужичок с обрезом в руках. Хорошо, что стоял он боком и не успел ничего предпринять, Кекс саданул по нему короткой, в три патрона, очередью и попал в голову. Мужичок рухнул, взбрыкнув в сторону Кекса ногами, а сам Кекс охнул и обмяк — в голове неожиданно вспух раскаленный ком, мышцы расслабились, а в глазах потемнело.

Он ещё услышал, как позади хлопнул одиночный выстрел, а потом, теряя сознание, повалился на землю.

А секундой позже ком в голове исчез — разом, мгновенно. Кекс так и не успел лишиться чувств, тело снова слушалось его, а зрение вернулось. Кекс вскочил — очень вовремя, потому что прямо на них (рядом, держа наизготовку автомат, стоял Батон) перли два зомби и облезлый, но весьма шустрый тушкан.

Первым Кекс снял тушкана, очень удачно прострелив ему шею. Потом, совершенно автоматически, не задумываясь и не рассуждая, перебил ближнему зомби колени. Во второго выстрелил то ли Батон, то ли Псих — и зомби вообще лишился правой ноги. Он пытался ползти, но быстро это делать все равно не мог.

Псих тем временем вернул отброшенный люк на место, по быстрому присыпал его листвой и ветками и прикрикнул на спутников:

— Шевелись! Давайте за мной!

Кекс охотно повиновался, тем более что ползущий зомби одолел уже половину пути. Батон замкнул цепочку.

Метров через сто Псих на несколько мгновений задержался у трупа, который сначала показался Кексу человеческим. Кекс тоже взглянул — вместо лица он увидел сплошное кровавое месиво. Одежда на убитом была старая и заношенная, с дырами и прорехами, обуви не было вовсе. И ещё Кексу показалось, что у трупа непомерно большая голова — точнее, то, что от нее осталось.

А потом Кекс понял.

— Да это ж контролёр! — сказал он, запоздало пугаясь.

— Был контролёр, — без тени улыбки поправил Псих. — А теперь просто жмурик. Ладно, побежали...

Позади гнусаво причитал неугомонный зомби, так что Кекс не стал втолковывать Психу ничего о вреде бездумных забегов по Зоне. Пусть его. Раз бежит, значит, так надо. В конце концов, он мутант, поэтому лучше знает, что в Зоне уместно, а что нет.

Из бывшей свиты контролёра Кекс приметил ещё тройку слепых собак — мертвых, естественно. Застреленных. Надо понимать, Психом.

Бежали минут пять-семь, потом Псих заметно снизил темп, а там и вовсе перешел на шаг.

— Как мозги, гвардия? В норме? — обернулся и спросил он, не останавливаясь.

Кекс прислушался к собственным ощущениям — вроде бы все было в норме. Контролёр попросту не успел его взять на поводок.

— Норма, — заверил он.

— А ты, Батон?

— В башке гудит, — признался отмычка. — Но уже меньше.

— Жить будешь?

— Буду! — уверенно заявил Батон. — Назло врагам.

— Молодца, — похвалил Псих.

А Кекс припомнил минуты перед выходом из схрона и укоризненно кинул ему:

— Ты ж говорил, что снаружи кто-то один! Я, блин, на это и рассчитывал!

— Ничё, хорошо сработали, молотки, сталкеры! Контролёра иначе и не взять. Надо, чтоб двое-трое показались, а оставшийся его снял, пока он колпак набросить пытается. Я заметил — тех, кто о контролёре ещё не знает, он берет вдвое-втрое дольше обычного. А кто знает — или духом падают и пугаются, или сдаются заранее, черт его разберет. А если уж взглядом с контролёром успеют встретиться — все, пиши пропало. Так что все я правильно делал, ради вас же.

Батон смолчал, Кекс в сердцах ругнулся в сторону. Но как бы там ни было — Псих действительно поступил единственно верным способом. И счастье, что он наделен даром чувствовать созданий Зоны даже из-под земли, иначе сталкерская доля Кекса и Батона стопроцентно закончилась бы как у того оборванного мужичка с обрезом. Неделью-другую под колпаком у контролёра, без проблеска мысли в головах, а потом неизбежная смерть телесной оболочки либо от чьей-нибудь пули, либо от когтей и зубов какого-нибудь монстра. У тех, кто пробыл под управлением контролёра дольше семи, ну максимум десяти минут, необратимо разрушается личность, хотя мозг сам по себе продолжает функционировать.

Кекс справедливо полагал, что это гораздо хуже, чем смерть.

Тем временем над Зоной входил в силу очередной тускло серый день. Небо, совершенно беспросветно затянутое тучами, чуть-чуть посветлее выглядело только на востоке, там, где карабкалось к зениту невидимое с земли солнце. Похоже, что собирался дождь: с северо-запада напознала совсем уж темная, будто свинцовая туча, нагоняла троицу сталкеров. Слева виднелись пологие холмы, за которыми были расположены военные склады, самое начало Милитари, поэтому Кекс малость нервничал — зверья там водилось предостаточно, да и бандюков шастало немало. Справа оставались трущобы вокруг бара «100 рентген» — для Зоны местность просто супероживленная. В плюс играл тот факт, что в ближайших окрестностях бара издавна соблюдалось негласное перемирие, даже самые безбашенные беспредельщики из уголовников никого тут не трогали — или с шиком двигали в бар гулять, или расползались по схронам отсыпаться и заливать последствие гулянок. Псих вел примерно посредине между холмами и уже видимыми крайними пакгаузами, началом трущоб. Если никуда не отклоняться и идти на юго-восток часа два с половиной — три, выйдешь точнехонько к Темной долине, но Кекс предполагал, что они всё-таки отвернут к югу и в дальнейшем проскочат между долиной и Свалкой. А там финальный рывок по самой окраине Зоны — и все, уже до периметра рукой подать. Если не тормозить, к вечеру вполне можно успеть.

Жаль, что в Зоне не тормозить почти никогда не получается.

Траверз бара они миновали успешно и действительно потом отклонились к югу, как Кекс и предполагал. Дождик накрыл их невдалеке от трущоб, все натянули капюшоны и невольно ссутулились — под дождем любой человек, которому некуда спрятаться, норовит сгорбиться и нахотлится. Видимость сильно ухудшилась, но, с другой стороны, их самих тоже теперь можно заметить только вблизи. Однако, с третьей стороны, далеко не все твари Зоны пользуются для ориентировки зрением, от псиоников, к примеру, никакой дождь не укроет. В общем, Кекс шел и молился, чтобы им не встретился никто, пользующийся тепловой или ультразвуковой локацией, вроде псевдогадюк или нетопырей. Отбиться отбились бы, конечно. Но это, во-первых, задержка, во-вторых — трата боеприпасов, которых, увы, негусто. Да и неохота под этим чертовым дождем что-либо делать — даже руки из карманов неохота вынимать...

До барахолки на Свалке было уже рукой подать, когда Псих замедлился, а потом вообще встал.

Кекс насторожился, приподнял намокший край капюшона и всмотрелся вперед. Так и есть, на фоне серой пелены дождя вдалеке смутно проступали чуть более темные человеческие фигуры. Четыре. Три обычные, а четвертая поперек себя толще.

— Уж не Феда ли это с приятелями? — предположил Кекс шепотом.

— Шут его знает, не вижу, — тоже шепотом отозвался Псих.

— У Феда комбез приметный, — сообщил Кекс со знанием дела. — На заказ шитый, потому как фирменных такого размера не бывает. С оранжевыми вставками. Вставки видишь?

— Пока нет.

— Черт, я тоже, далеко. Бинобль бы...

— А они нас видят. Причем в бинобль, — угрюмо сказал Псих. — Это точно не вояки, те по четверо обычно не ходят. Стволы к бою — и пошли. Только не дергайтесь, вдруг испугаются и сами палить начнут...

Кекс стиснул зубы и перевесил автомат на грудь. Они пошли дальше, медленнее, чем раньше. Четверка тоже двинулась, как и раньше — навстречу, почти лоб в лоб.

— По-моему, таки Феда, — сказал Кекс без уверенности, но с надеждой.

Еще через пару сотен метров отпали последние сомнения — курсом на север, минуя Свалку, двигалась команда Басмача без самого Басмача. Толстяк Феда, Жучара, Мухомор и Дунай.

Мухомора и Феду Кекс знал давно и прекрасно, а Жучару так и вовсе числил в приятелях-собутыльниках. Если бы не странный наезд со стороны Басмача в начале нынешнего выхода, Кекс вообще не беспокоился бы. Но обстоятельства сложились таким образом, что Басмач был убит Психом. И неизвестно — знают об этом дружки Басмача или нет. Вдруг знают? И вдруг предъявят Психу с Кексом обоснованные претензии? Басмач, спору нет, по вел себя не по уму и не по сталкерскому закону. Но поди это теперь докажи!

Когда сталкерские команды разделяло от силы шагов пятьдесят, Жучара предупредительно поднял руку и крикнул:

— Кекс!

Кекс показался из-за спины Психа и вскинул руку в ответном жесте:

— Жучара! Мы, мы, все путем!

Две группы сошлись в чистом поле, под непрекращающимся дождем.

— Здорово, бродяги! — бодро поздоровался Кекс. — Куда путь держите, если, конечно, не секрет?

— И вам привет, бродяги, — ответил Жучара, насколько можно было судить — нейтрально. — Хорошо, что мы вас встретили.

Вопрос о цели похода Жучара изящно проигнорировал.

— Батон, поглядывай по сторонам, — велел Кекс отмычке. — Мы тут пока потолкуем.

Тот послушно кивнул и отошел метров на тридцать назад. Из четверки поглядывать по сторонам отрядили Дуная.

Феда, пыхтя, вертел головой, словно выискивал, куда присесть. Мухомор фыркнул, сдувая с кончика носа дождевую каплю. Псих помалкивал, видимо, уступив инициативу Кексу.

— А где Басмач? — решился и спросил Кекс как мог нейтрально.

— Мы думали, вы знаете, — сказал Мухомор, как показалось Кексу — не очень приветливо, и поморщился — на кончике носа медленно скапливалась новая капля.

Кекс сглотнул, лихорадочно соображая, как вести себя дальше, но, к счастью, дружок Жучара решил внести ясность в ситуацию:

— Не дергайся, Кекс! Мы подозреваем, что Басмача положили вы. Но никто не в претензии. Басмач нас кинул. Снюхался с гастролерами какими-то пришлыми, залетными и собирався с ними захватить то, что мы искали долго и нудно. Так что... Мы вам даже в известной степени благодарны. Мутный был человек Басмач.

У Кекса отлегло от сердца, но полностью расслабиться он себе все же не позволил: друзья-приятели перед тобой или нет, истинные их устремления все равно остаются тайной.

Слова произнесены, но это только слова, а какие за ними прячутся мысли и резоны — поди угадай. Лучше быть начеку.

— Может, расскажете, как все случилось? — попросил Жучара.

— А что вы уже знаете? — поинтересовался Кекс. — Чтоб два раза не повторять.

Жучара хмыкнул — уловка была довольно простая и прозрачная. Открытым текстом она звучала примерно так: «Хотелось бы понять, что вам известно, дабы не выболтать чего-нибудь лишнего».

— Да что тут особо знать? Всем известно было, что идете вы на Янтарь. И тут валится сообщение о смерти Басмача. Гробанулся он примерно на вашей трассе и примерно там, где вы в тот момент находились. Я понимаю, что на Агропроме и около кто угодно может шататься... Но сам посуди: так уж случилось, что мы примерно представляем, за чем вас послал Покатилов. Мы и сами это ищем. И Басмач тоже это давно искал. И вот, когда у нас на руках появился неплохой козырь, Басмач нас кидает и гонится за вами. А потом приходит сообщение о его гибели, а о твоей с Батоном — не приходит. И что мы должны подумать, а?

— Н-да, — пробурчал Кекс. — Несложная арифметика. В общем, примерно так все и вышло. Басмач начал петь, будто его послал Покатилов, в подмогу. Но Покатилов не мог никого послать, по крайней мере в тот момент. Кстати, Жучара, я без пэ-дэ-а остался. Почту надо глянуть — ну просто позарез.

— Я смотрю, и рюкзачка нет. — Жучара мазнул взглядом по Психу тоже. — Да и уходил ты не с «калашом»...

— Прикрутило, — сознался Кекс. — Обчистили нас. Хорошо, до ухоронки целыми дотопали. Так чего, пэ-дэ-а дашь на пару минут?

Жучара полез за пазуху.

— Держи... — Он протянул гаджет Кексу. — Только быстро. И не залей, ерш твою медь, каплет же!

Кекс промычал что-то такое, чего и сам толком не понял, и с готовностью цапнул ПДА. Влезть в сеть и войти в свой почтовый ящик было делом десяти секунд. На одиннадцатой секунде открылся список входящих писем. Непрочитанных было два, оба от Покатилова.

Кекс внимательно прочел оба. Потом вышел из ящика и сбросил соединение.

— Спасибо, Жучара!

И прошептал несколько слов на ухо Психу. Тот выслушал и кивнул.

— Ну что, бродяги, нам бы поспешить! Если вопросов больше не имеете, мы двинем!

— Да какие вопросы, — пожал плечами Жучара. — Вроде никаких. Мож, подбросить чего из снаряжения? Или харчей?

— Не, — отказался Кекс. — Вам нужнее, а мы на выход уже. Дотопаем.

— Как хотите, — вздохнул Жучара. — Удачно дотопать!

— И вам того же. Батон! Давай сюда.

Пока отмычка трусцой бежал к ним, Кекс по очереди пожал руки четверке сталкеров. Псих просто кивнул им, всем сразу.

Разошлись.

У Кекса заметно улучшилось настроение. Во-первых, он наконец-то прочел инструкции Покатилова и стало понятно — куда именно идти. Во-вторых, вроде бы разрешилось недоразумение с Басмачом — к счастью, ни Жучара, ни остальные парни из бывшей команды Басмача к странному поведению главаря никакого отношения не имели. Кекс страшно не любил разочаровываться в приятелях, хотя иногда, увы, это все же происходило.

— Куда топаем, точнее можешь сказать? — на ходу поинтересовался Псих.

— Могу, — усмехнулся Кекс. — В сторону второго восточного блокпоста, там, где мы входили. В поле за Желтым яром ученые должны стоять, нас дожидаться.

Псих удовлетворенно кивнул. Кексу показалось, что об ученых он и так знал. «Наверное, — подумал Кекс, — они с Покатиловым заранее так и договорились».

Дождь все лил и лил. Почва под ногами окончательно раскисла, сталкеры то и дело оскальзывались. Видимость совсем упала. Окружить и сожрать их маленький отряд сейчас

могла даже небольшая стая слепых собак. Одна у троицы оставалась надежда — на Психа. На то, что его аномальные способности не подведут.

Минут через двадцать после расставания с Жучарой и его друзьями Псих чуть замедлил шаг.

— Глядите, — сказал он и указал куда-то влево.

Кекс с Батоном взглянули.

То, что показывал им Псих, немного походило на гигантские песочные часы, вкопанные в землю ровно наполовину. В пределы окружности диаметром метров около трех собирались капли и струи дождя с площади раз в десять большей. На промокшей земле образовалась идеально круглая лужа, причем уровень воды в ней был заметно выше уровня окружающей почвы — лужа больше всего походила на линзу из какой-то вязкой жидкости.

— Это чё такое? — пробормотал изумленный Батон, снова позабывший о субординации.

— «Плешь», — охотно пояснил Псих. — Область повышенной гравитации. Сунешься — расплющит.

— Ишь ты, — покачал головой Батон. — Вот, значит, как она во время дождя выглядит...

Когда Псих, Кекс и Батон окончательно скрылись из виду, Феда дал знак, и все остановились.

— Дунай, — тихо сказал Мухомор. — Вернись метров на полста, пригляди. Вдруг появится кто — свистнешь.

Сталкер-молчун безмолвно кивнул и ушлепал по мелким лужицам на юг, туда, откуда они недавно пришли.

Жучара без приглашения вынул ПДА, включил его и протянул Феде. Толстяк-следопыт по совместительству был в команде также спецом по гаджетам и компьютерам. Он быстро и сноровисто коснулся тачскрина кончиками пальцев — раз, другой, третий.

Последний загруженный адрес. Почтовый ящик. Логин и пароль. Их Кекс, ясное дело, затер. И проследил, чтобы услужливый мейл-клиент не сохранил на будущее. Но Феда не слишком этому расстроился. В ПДА всех членов команды он давно подсадил простенькую резидентную программу, которая большую часть времени просто тихонько сидела в памяти. Но когда кто-нибудь с такого ПДА проходил процедуру парольного входа на какой-нибудь ресурс, программка аккуратно фиксировала адрес ресурса, имя пользователя и его пароль. Имя и пароль программка считывала с контроллера виртуальной клавиатуры в виде последовательности нажатий на клавиши, а адрес — из соответствующего поля браузера.

Через пару минут Феда благополучно влез в почтовый ящик Кекса. А ещё через несколько секунд прочел оба свежих письма от Покатилова и несколько старых.

Потом оторвался от гаджета и подставил дождику округлое, с двумя подбородками, лицо.

— Верно идем, — сказал толстяк и довольно улыбнулся. — И это всё-таки сейф.

Мухомор хищно оскалился и вскинул правую руку со сжатым кулаком, словно футболист, забивший победный гол на последней минуте финального матча. Жучара попытался щелкнуть пальцами, но руки были мокрые и скользкие — вместо отчетливого звука получилось вязкое черте что. Однако Жучара ничуть не расстроился, потому что новость была прекрасная.

Еще через минуту Мухомор тихо свистнул, и на зов тотчас явился Дунай. Четверка сталкеров вытянулась в цепочку и двинулась прежним курсом.

На бар «100 рентген».

Глава двадцать пятая

Когда Кардана взяли под локотки, он, естественно, удивился. Сильно, чтобы не сказать неимоверно.

Удивился и его собеседник. Покатилов намеренно не думал о нем как о заказчике — заказчик невидим и лично на подобные встречи никогда не ходит. А этот — всего лишь исполнитель. Вполне вероятно, что высокопоставленный, приближенный к заказчику, но — исполнитель.

«А ведь у меня такого нет, — неожиданно подумал Покатилов. — Вот такого — поверенного и приближенного. Не считать же особо поверенным Хому...».

Собеседник Кардана что-то жестко выговаривал ребятам Транца. Покатилов даже примерно представлял — что. Мол, не знаете, с кем связались, сейчас, мол, примчится кавалерия, и тогда...

На кавалерию этот усатый хлыщ надеялся зря: кавалерия в полном составе, все шестеро, лежала мордами вниз за вагончиком закусочной, и за ними активно присматривали даже не люди Покатилова, а патрульные из гарнизона, сумрачные ребята в полной боевой, вплоть до шлемов и брони. Они же, собственно, кавалерию и спеленали.

Зря, конечно, эти умники назначили встречу в уличной забегаловке. С одной стороны все просматривается, но ведь смогли же кавалерию спеленать так, что ни Кардан, ни его собеседник ничего не заметили? То-то и оно.

Транцу тем временем надоело слушать пустые угрозы, и он просто перенес собеседника Кардана вместе с креслом за полускрытый живой изгородью столик Покатилова. Осекся этот тип ещё в воздухе. За столиком он сразу же вперился взглядом в Покатилова и слегка побледнел.

«Узнал, значит... Это хорошо».

— Кардан! — чуть возвысив голос, произнес Покатилов. — Тебе особое приглашение нужно или как?

Один из мальчиков Транца легонько ткнул Кардана в плечо, и тот без лишних разговоров встал. Он был на полголовы выше означенного мальчика, но зато заметно уже.

Кардан выглядел спокойнее своего недавнего собеседника, во всяком случае, деревянности в его походке не было и в помине, да и лицо мало что выражало.

— Назовись, — потребовал Покатилов, обращаясь к собеседнику Кардана.

Тот насупился и неохотно пробурчал:

— Ну, допустим, Баграмов...

«Баграмов — так Баграмов, — подумал Покатилов с неожиданным равнодушием. — Какая мне разница, кого колоть?».

— Кто твой хозяин? — спросил он, краем глаза наблюдая, как из багажника машины Кардана, припаркованной напротив забегаловки, перегружают в болотного цвета «Лендкрузер» злополучный конторский сейф, притащенный Карданом из Зоны и стопроцентно пустой.

Баграмов подбоченился и с достоинством произнес:

— Я представляю интересы одной малоизвестной, но весьма могущественной компании, входящей в картель...

— Срал я на твой картель, — неприветливо перебил Покатилов. — Ты мне имя хозяина назови. Имя — и все. Назовешь — потом ещё пара вопросов, и я тебя, наверное, даже отпущу. Даже велю ребятам до автобуса довезти, чтоб ты убрался отсюда раз и навсегда.

— Ну, раз дело оборачивается таким образом... — замялся Баграмов. — Я представляю интересы семьи Аслан-Гиреевых.

«Мелюзга, — сразу определил Покатилов. — Я даже не слышал. Да и по повадкам было видно, что мелюзга. Что ж, тем лучше».

— Что должен был доставить из Зоны вот он? — Покатилов кивнул на относительно невозмутимого Кардана.

Баграмов сделал круглые глаза и выразительно покосился опять же на Кардана, из чего можно было сделать вывод: хоть Кардану и его друзьям о содержимом сейфа не разболтали. И то хлеб.

— Сейф, — вслух сказал Баграмов. — Который, если мне не изменяет зрение, уже перегрузили в ваш автомобиль...

Покатилов всем корпусом повернулся к Кардану, и столько было напора и мощи в этом движении, что с Кардана мигом слетела напускная невозмутимость. Кардан вмиг непостижимым образом ссохся и стал вроде бы чуть-чуть ниже, хотя ещё минуту назад возвышался над сидящими за столиком, как автобус над легковушкой. Даже над немаленьким Покатиловым.

— А ты мне ничего не хочешь рассказать, сынок?

Кардан напрягся, но быстро сообразил, что темнить нынче не след, и виновато пожал плечами:

— А я чего? Я как обычно. Заказали — пошел. Какая мне разница, что и для кого волочь? Сейф так сейф. И приволок. А денег, между прочим, не получил!

Покатилов хмыкнул:

— Корыстная у тебя, Кардан, душа! Хотя, если честь по чести разобраться, бескорыстные в Зону и не ходят. Не бзди, получишь свою монету! Считай, что заказ я перекупил. Садись сейчас в свою таратайку и дуй в мой бар. Я скоро приеду, поглядим на твой сейф и решим, сколько ты со своими обормотами заработал. Доступно?

Кардан самую малость повеселел. Он ещё не верил Покатилову до конца, подозревал возможные трудности, но уже осознал, что лично для него все далеко не безнадежно.

— Доступно вполне, — Кардан утвердительно кивнул. И осторожно справился: — Прямо уже и ехать?

— Прямо уже и едь, — фыркнул Покатилов. — В баре можешь пива треснуть, даже если в карманах пусто — нальют. Только водки не пей. Поговорим — тогда гуляй хоть неделю напролет. Не люблю пьяные разговоры. Уяснил?

— В полной мере, — заверил Кардан и встал.

На Баграмова он так и не взглянул, даже, как показалось Покатилову, намеренно избегал в ту сторону смотреть. Пересек площадку под навесом, вышел за ограду, повертел головой перед проезжей частью, пропуская одинокий грузовик, забрался в свой рыдван, развернулся и уехал.

Некоторое время Покатилов сумрачно молчал. Потом, не отрывая взгляда от пластиковой столешницы, словно бы ни к кому конкретно не обращаясь, заговорил:

— Из сложившейся ситуации я вижу два выхода. В принципе, мне оба подходят и уж точно ни один не огорчит. Тебя можно закопать где-нибудь в буферной зоне, за ближайшим блокпостом. С глаз долой — из сердца вон. И лбов твоих рядышком, там места много. Никаких шансов, что найдут: туда даже ментов не пускают. А военным гражданские дразги до задницы, они Зону охраняют, да и половина из них у меня на содержании, как скажу, так и будет. Но можно тебя и отпустить. Просто отпустить, и все. Хочешь — беги от своего Аслан-Гирея, хочешь — беги к нему, меня это мало беспокоит. Если твой хозяин не дурак, сюда он больше не полезет. В общем, давай рассказывай все, от корки до корки, и тогда твоя судьба может склониться ко второму варианту.

Баграмов побледнел пуще прежнего, но в целом он держался неплохо. Покатилов видел на его месте немало людей с виду более смелых, но на деле быстро мочивших штанишки.

Решился Баграмов быстро, но вывалить все подряд на Покатилова не спешил, не глотал окончания, не брызгал слюной. Изложил все довольно коротко, деловито и последовательно.

— Нас интересует составной артефакт, условно именуемый дубликатором. Формируется он из обыкновенного сейфа, какие производили в девяностых годах прошлого века в России, если совсем точно — из одной вполне конкретной двухсекционной модификации... ГОСТ, извините, наизусть не помню, в компе записано. Так вот, дубликатор начинает проявлять интересующие нас свойства, если артефакты начального уровня «жвачка» и «вязальная спица» особым образом расположить в верхней секции такого сейфа. По имеющимся данным, артефакт «вязальная спица» существует в единственном экземпляре, артефактов «жвачка» несколько, точное их число неизвестно, известно только, что почти все найденные экземпляры сосредоточены в руках одной из исследовательских

групп местного института. Сейф годится любой, главное, чтобы он был упомянутой модификации. Артефакт «вязальная спица» необходимо как можно более продолжительное время хранить непосредственно в сейфе, иначе рабочие свойства на неопределенный период пропадают, вероятно, имеет место эффект «зарядки». На нас вышло некое лицо, предложившее информировать о текущем местоположении «вязальной спицы». Связь была односторонняя, посредством звонка по мобильному. Местом был назван бывший пост автоинспекции на западной дороге, примерно за локацией Янтарь. Я нанял группу местных авантюристов, и сейф они принесли. Но я абсолютно уверен, что «вязальной спицы» в нем нет. Упомянутые авантюристы, главаря которых вы только что отослали к себе в бар, либо затеяли собственную игру, либо были банально ограблены. Большого я выяснить не успел, помешали ваши люди.

Это все.

— Складно поешь. — В словах Покатилова мелькнула толика уважения. — Главное — ничего лишнего. Я оценил.

Из того, что рассказал Баграмов, хозяин бара «Вотруба» знал не все. К примеру, о взаимодействии «жвачки» и «спицы» с сейфом слышал впервые, до сих пор он полагал, что «дубликатор» — компактная и законченная система, а не составная. Если два артефакта работают с любым сейфом, пусть даже единственной модификации, — вообще прекрасно. Лишь бы работали.

Вместе с тем Покатилов прекрасно понимал, что стопроцентно верить услышанному все равно нельзя. Мало ли что этот Баграмов наплел? Судя по тому, как сухо и исчерпывающе он обрисовал ситуацию, самообладания и мозгов ему не занимать, даже при том, что он очевидно струхнул (да и кто бы на его месте не струхнул?). Вполне возможно, что Баграмов сказал не все. Или, наоборот, сказал больше — дополнил правду выдумками. Решил выиграть время, к примеру. В то, что его отпустят, он верит вряд ли, и правильно делает, отпускать его глупо. Но и закапывать глупо — ещё глупее, чем отпускать.

— Телефон информатора?

Баграмов развел руками:

— Извините, не знаю, номер засекречен.

— Куда он звонил? На твою мобилу?

— Да.

— Давай сюда. — Покатилов требовательно протянул руку.

Баграмов наладился было залезть во внутренний карман куртки, но сразу двое ребят Транца шарахнули его ладонями по плечам. Баграмов замер, оттопырив полу куртки. Один из ребят, тот, что стоял слева, выудил из кармана обыкновеннейший коммуникатор «Шез1 Кшох» и бегло осмотрел, даже снял заднюю крышку и взглянул на батарею. Потом аккуратно положил его на стол перед Покатиловым.

— Вольно, — буркнул Покатилов.

Ребята тотчас отступили на шаг, встав где раньше. Баграмов выдохнул и отпустил полу куртки.

— Ну, что же, — процедил Покатилов. — В Зону с лопатами пока не поедem. Поедем ко мне. Считай, что ты принят на работу, пока за жизнь и еду. Рабочий день — круглосуточный, с рабочего места отлучаться запрещено. Вопросы, даже если они у тебя найдутся, можешь воткнуть себе в задницу.

Покатилов чуть заметно повел головой, и Баграмова тотчас поставили на ноги. Руки заламывать не пришлось: к машине новоявленный «работник» дошагал самостоятельно, хоть и под конвоем.

И все же осталось легкое чувство настороженности: все обошлось ощутимо легче, чем Покатилов изначально предполагал. А если дела идут легко и стройно — жди беды. Сто раз замечено...

У стола маячил Транец и терпеливо ждал. Минут через пять Покатилов наконец обратил на него внимание — повернул голову и вопросительно взглянул.

— Что с этими делать? — Транец указал большим пальцем руки себе за спину, на вагончик закусочной, за которым вояки стерегли шестерых громил Баграмова.

— С этими? — Покатилов ненадолго задумался. — А пусть подбросят им какой-нибудь ерунды на карман... «Волчьих слез» каких-нибудь или, там, «капель». И упекут в кутузку до выяснения. А дальше будет видно.

Транец кивнул и бодро направился за вагончик. А ещё минут через десять к придорожной забегаловке прикатил уазик из военной прокуратуры.

Покатилова к этому моменту за столиком уже не было — уехал.

Первые полчаса в офисе он потратил на Кардана. Затем около часа провел в одиночестве, запершись. Потом заявился к Соломону, причем отчего-то лично, и велел отыскать где-нибудь второй сейф старого образца, ГОСТ Р 50862-96, сдохнуть, но найти, доставить его в хозяйский кабинет и поставить рядом с первым, недавно привезенным.

А после этого направился в запасник, где отбывающие в Зону сталкеры подбирали экипировку и оружие. Сейчас там никого не было. Удивленный охранник отпер бронированную дверь, запустил внутрь хозяина и остался недоумевать снаружи. Недоумевал он недолго: вскоре явились четверо его коллег из особой наружной команды и щуплый очкастый парень из техгруппы. По имени охранник технаря не знал, только по прозвищу Флэш.

Еще через четверть часа Покатилов вызвал к бару Чигу на грязно-сером «Ниссане».

Глава двадцать шестая

После завтрака Тараненко, как и обещал, устроил солдатам разбор полетов, но в чем он заключался — Сиверцев так и не узнал, потому что его с Севой отрядили брать пробы микрофлоры. Первая работа по профилю с момента входа в Зону. Долговязый Сева привычно влез в полевой комбез, взял чемоданчик с реквизитом в одну руку, автомат в другую и подмигнул Сиверцеву. Ваня, нагруженный только своим «ружжом», вынужденно подмигнул в ответ. Автомат у Севы был сталкерский, оставшийся от команды Кардана. Как ни странно, но ни одного из бойцов Тараненко не отрядил в охранение, поэтому Сиверцев нервничал. Сева, напротив, вел себя спокойно и уверенно.

Оказавшись снаружи, Сиверцев для начала унял дрожь в коленках, подышал кисловатым, наполненным влагой и незнакомыми запахами воздухом и только потом затворил за собой люк. Запоры грустно лязгнули, и двое ученых остались один на один с Зоной. Нет, за пультом, конечно, дежурил солдат и в любой момент мог прийти на помощь чем-нибудь крупнокалиберным. Но Сиверцев побаивался, что для пушки как-то все едино — монстра ли кого-нибудь не в меру настырного рвать в клочья или же невинных жертв в лице неопытных ученых. Крупнокалиберная помощь начиная с некоторого расстояния, сама становится опасностью, не нужно было полжизни провести в непрерывных боях, чтобы это понимать.

Потом отвлекло хорошо знакомое дело. Действительно отвлекло, Сева даже посоветовал Сиверцеву всё-таки поглядывать время от времени по сторонам. Хоть и окраина, хоть и вездеход рядом, но Зона и тут Зона. Аномалий поблизости, слава аллаху, не обнаружилось, это ещё из вездехода выяснили, но забрести сюда теоретически мог кто угодно. К счастью, из живности Сиверцев увидел только парочку мокрых крыс в траве да странных насекомых, облепивших попавшийся на пути одинокий куст. Подходить к кусту ближе чем на пару метров Сева не велел, а проявлять излишнее любопытство у Сиверцева желания, ясное дело, не возникло. В общем, час с небольшим проскочили незаметно, и примерно к десяти утра оба ученых, вымокшие под дождем, вернулись к вездеходу с готовыми пробами.

Пока разоблачались и оформляли пробы — ещё четверть часа прошло, не меньше. Вообще у Сиверцева сложилось устойчивое впечатление, что Тараненко их с Севой не за пробами посылал, а в основном убирал с глаз долой, чтоб не видели и не слышали что-то

важное. Однако тогда почему двух других ученых он никуда не послал? Они посвящены в его темные делишки, так получается? Или Тараненко их запер в грузовом отсеке и заставил чем-нибудь заниматься для отвода глаз, а сам с солдатами в пассажирском толковал?

Все может быть.

Тем временем наружу, под дождь, вылезли двое солдат из тех, кто ночью не дежурил, и вездеход двинулся вчерашним курсом — туда, куда намерен не успели добраться до темноты. Почему вчера Тараненко гонял в охранение и разведку всех шестерых, а сегодня только двоих — Сиверцев не знал. Возможно, места были не столь опасные, а может, в дождь и двоих хватало. В Зоне много непонятного, и пройдет очень много времени, пока Ваня сможет по праву считать себя тут своим. Но он надеялся, что раньше доработает по контракту, получит причитающиеся денежки и уберется отсюда к такой-то матери и навсегда, обязательно навсегда, потому что с такими местами, как чертовка Зона, ни в коем случае нельзя давать слабинку: оглянуться не успеешь, как она схватит тебя, перемелет и сожрет.

Офицер снова включил панорамный экран, и Сиверцев поневоле разглядывал подернутую пеленой дождя серость перед вездеходом. Фигурки солдат еле-еле просматривались, хотя шли они всего лишь шагах в тридцати впереди. В какой-то момент вездеход замедлился, а потом взял левее, восточнее то бишь, углубился в хрупкий лесок — Сиверцев не увидел ни одного листика на черных, больше похожих на кораллы низких деревцах. Вездеход безжалостно давил их, и отчего-то казалось, что деревца-кораллы под гусеницами обращаются в мельчайшую угольную пыль.

Через некоторое время Сиверцев с легким изумлением обнаружил впереди блокпост, по всей видимости — второй восточный. Дежурили на нем, во всяком случае, не натовцы, а местные вояки. Вездеход на подходе коротко вякнул сиреной, с блокпоста в ответ проорали в громкую что-то неразборчивое из-за дождя. Водитель помалу сбросил ход, перед самым шлагбаумом развернулся и стал к нему задом. Люк открыли, все высыпали наружу, под навес — на официальной границе Зоны можно было уже ничего не опасаться. Караульные с блокпоста с любопытством глазели на прибывших — двое с вышки, один от шлагбаума. Из дежурки вышел заспанный старлей, поручкался с капитаном из вездехода и с Тараненко.

— Привет, гвардия, — весело поздоровался Тараненко. — Чё, наши не примчались еще?

— Сейчас будут, развилку уже прошли.

Вдалеке и правда, еле слышимые из-за шороха капель, рокотали двигатели.

Через несколько минут подкатил институтский автобус, а за ним приземистый оранжевый заправщик с надписью «Огнеопасно» на цистерне. Сменившиеся из лагеря на Янтаре и полевой заимки ученые вернулись в вездеход за вещами, а институтские рабочие-грузчики принялись перетаскивать из грузового отсека в автобус то, что указывал Тараненко, а в обратном направлении носили баллоны с питьевой водой и коробки с пайками. Погрузка заняла минут пять-семь; ученые коротко простились с командой вездехода и перебрались в автобус. Долговязый поклонник «Манчестер Юнайтед» Сева пожал Сиверцеву руку и хлопнул по плечу:

— Удачи, Ваня!

— Бывай, — пробормотал Сиверцев.

Если не считать Тараненко, он оставался единственным ученым на борту вездехода.

Потом Тараненко пошептался о чем-то с приехавшим на автобусе парнем референтского вида, просмотрел какие-то документы извлеченные из кожаной папки, некоторые подписал, позвонил кому-то с мобильного референта, что-то кому-то с полминуты нетерпеливо доказывал или объяснял, вернул мобильник референту и что-то ему тоже высказал, а затем величественно махнул рукой: отправляйтесь, мол. Автобус тут же уехал; вместо него поближе к вездеходу подобрался заправщик. Худощавый водила в промасленных рукавицах принял кишку с пистолетом на конце и вставил в жерло топливного бака, загоя приоткрытого. Уробно загудел насос.

Сиверцев отстраненно наблюдал все это — рядом кипела жизнь, но он в событиях не принимал никакого участия. Он не вполне понимал, зачем здесь находится, и это окончательно отрешило цитолога от реальности.

Не так он представлял работу на Тараненко, совсем не так...

Тем временем вездеход заправили, водитель бензовоза уложил на место кишку, а водитель вездехода навинтил крышку на горловину бака и запер лючок над ней. Солдаты-сталкеры побросали бычки в урну и разделились: двое экипированных остались снаружи, остальные полезли в вездеход. Тараненко напоследок перемолвился о чем-то со старлеем и тоже направился к вездеходу.

— Ну, чего, Ваня? — обратился он к Сиверцеву. — Поехали! Одни мы с тобой остались среди вояк!

Сиверцев грустно поглядел на шефа, так и не решив, подзуживает его шеф или же подбадривает. Он вздохнул и покорно забрался в вездеход, искренне надеясь, что со временем его роль в происходящем либо прояснится, либо он просто свыкнется с новыми условиями.

Вездеход снова уходил в Зону, в дождь и в неизвестность. Сиверцев сначала глядел на экран, но это быстро наскучило. Чем занять себя, он придумать не успел. Когда он совсем уж было собрался соорудить чаю, единственный бодрствующий солдат принялся будить отсыпавшихся коллег. Оказывается, прибыли на место будущей стоянки. Солдатам снаружи пришлось немного пострелять: выгоняли из капонира какую-то местную тварь, на экране похожую на большого то ли паука, то ли краба. Тварь сопела и причитала что-то неразборчивое, но после первых же выстрелов предпочла убраться со всей возможной поспешностью. Сиверцев не очень уверенно опознал в ней обыкновеннейшую псевдоплоть. В пользу этого предположения говорило и достаточно пренебрежительное отношение к ней солдат — псевдоплоть реально опасна лишь раненым.

Вскоре Сиверцев начал понимать, чем отличается короткая стоянка от долговременной. Солдатам даже не пришлось расставлять вокруг вездехода датчики слежения — они уже были расставлены, осталось только подключиться к ним бортовым компьютером. Один датчик оказался поврежденным, его пришлось заменить. Да и вообще было видно, что солдатам, водителю и начальству не впервой обосновываться здесь — каждый без слов знал, что именно ему делать.

Кроме, разумеется, Сиверцева, на чью долю оставалось пресловутое «подай-принеси», но поскольку процедура была многожды отработанной, этого «подай-принеси» выпало не слишком много.

Потом был довольно спокойный обед, на взгляд Сиверцева, скудноватый, но он уже понял, что в Зоне наиболее плотно стараются насыщаться во время ужина, перед ночной стоянкой. После обеда и короткого послеобеденного отдыха Тараненко вручил Ване схему расположения наружных сенсоров среды, которых, оказывается, в округе было понатыкано даже больше, чем датчиков слежения, показал, где находится чемоданчик со сменными картриджами, и с богом отослал его упомянутые сенсоры обходить. Вместе с Ваней отправился боец Мартынюк, который ни во что не вмешивался, просто молчаливо сопровождал, но присутствие закованного в броню солдата влияло на Сиверцева благотворнейше.

Смена картриджей оказалась делом несложным, а главное более-менее знакомым и привычным, Ваня даже на какое-то время позабыл о притороченном к боку дробовике по прозвищу «ружжо». Он как раз занимался последним сенсором, когда Мартынюк тихо попросил:

— Присядь-ка!

Через долю секунды Сиверцев оказался сидящим на корточках — рефлекторно, словно учился этому всю жизнь. Это бы и странно, но именно такой оказалась реакция впервые попавшего в Зону цитолога на слова бывшего военного сталкера. Точнее, даже не на слова, а на интонацию.

Мартынюк вопреки ожиданиям тоже присел — Сиверцев полагал, что тот станет стрелять в какую-нибудь местную тварь, возникшую в опасной близости. Однако солдат стрелять вовсе не собирался. Он внимательно глядел на крохотный экранчик биосканера, прилепленного к левому рукаву комбинезона. Сиверцеву очень хотелось спросить — кто или что там, но он благоразумно сдержался. Ну его... Лучше молчать и не шевелиться, меньше шансов напортачить.

Мартынюку, видимо, что-то сообщили по радиосвязи, потому что он тихонько произнес: «Понял!», и обращался он явно не к Сиверцеву — это Ваня тоже моментально почувствовал.

Потом Сиверцев догадался понаблюдать — куда Мартынюк вглядывается. Засек. Взглянул туда же, но увидел только уныло-серый пейзаж, подернутый эфемерной пеленой дождя. А несколькими секундами позже все же различил чей-то нечеткий силуэт на более светлом фоне.

Силуэт принадлежал либо человеку, либо какой-либо антропоморфной твари. Ну, хоть не псевдогигант и не химера, и на том спасибо...

Вскоре стало понятно, что человек не один. Шла группа, колонной, в затылок, один за другим. Сколько точно, Сиверцев сначала не понял, но никак не меньше троих. Ещё чуть позже стало видно — идут именно трое. Все вооружены и автоматы несут не за спиной, а в руках. Рюкзак только у замыкающего, самого здорового в смысле телосложения.

С места, где присели Сиверцев с Мартынюком, вездеход почти не просматривался — нужно было очень внимательно вглядываться, чтобы отследить легкую засветку из капонира. Трое гостей шли примерно на вездеход. Только сейчас Мартынюк прилежно взял их на ствол.

Прошло пару минут, гости приблизились настолько, что дождь уже не мешал как следует видеть их. Трое парней в одинаковых комбинезонах, лиц не разглядеть под капюшонами. Без брони. На Мартынюка и других военных сталкеров совершенно непохожи. Сиверцев склонялся к мысли, что это вольные сталкеры, но подобную публику он ранее встречал только в барах да в городке, а как они выглядят в Зоне, никогда, естественно, не видел.

— Стой, кто идет! — послышалось от капонира.

Кто-то из коллег Мартынюка также вышел под дождь. Ну да, вооруженный люд надлежит соответствующим образом встретить.

— Мы к Тараненко! — отозвался один из пришлых, и у Сиверцева сразу отлегло от сердца.

— Стволы в землю! — скомандовал невидимый солдат, кажется, Забирай. — И ко мне по одному!

Через минуту все трое скрылись в капонире. Мартынюк, чуть склонив голову, выслушал распоряжение по радио, встал и обратился к Сиверцеву:

— Заканчивай, наука! И дуй на борт. А мне тут ещё два часа гнить до смены...

Солдат сокрушенно вздохнул, ещё разок поглядел на биосканер и поудобнее перехватил автомат.

Извлечь картридж из сенсора среды и воткнуть на его место новый было делом двадцати секунд. Раз-два-три, и Сиверцев уже закрывал дверцу загрузочного отсека. Снятый картридж в чемоданчик, сам чемоданчик в руку, и все, можно возвращаться в сухое и безопасное нутро вездехода.

Полсотни метров до капонира Сиверцев преодолел бодрой рысцой. На склоне он неловко поскользнулся и чуть не упал, чертыхнулся на дождь, поравнялся с люком и постучал.

Люк открылся почти сразу.

— Залазь! — приглашающе качнул головой Забирай, облаченный по полной программе.

Упрашивать Сиверцева было не нужно, запрыгнул с охотой.

Трое гостей (без автоматов, отметил Сиверцев) стояли посреди пассажирского отсека, стянув капюшоны с голов. С одежды их капало. А совсем недавно так и вовсе текло, судя по лужицам на полу. С Сиверцева, к слову сказать, текло тоже.

На передней из двух оставленных лавок (остальные были убраны к бортам) сидел Тараненко. Рядом, в проходе, маячил Кутний, тоже в броне и при оружии. Дверь в грузовой была открыта, там кто-то чем-то лязгал, скорее всего — оружием гостей.

— Ваня, картриджи на сдачу, разоблачайся и сюда, — велел Тараненко буднично.

— Яволь, — сымпровизировал Сиверцев. Вроде бы импровизация пришлась к месту.

Протиснувшись мимо гостей и мимо Кутнего, Ваня обернулся, перед самой дверью в грузовой отсек.

Одного из пришлых, самого невысокого, он знал — и наглядно, и по сталкерскому прозвищу. Второго, самого здорового, знал только наглядно. Относительно третьего у Сиверцева уверенности не было — может, видел когда, а может, и нет.

— Здорово, Кекс, — нейтрально сказал Сиверцев и ушел в грузовой отсек. Ибо знакомые знакомыми, а работа работой. Велели определить чемоданчик с заполненными картриджами в возвращаемый из полей контейнер — надо определять, остальное потом.

Сиверцев привык на совесть отрабатывать деньги, которые ему платили.

Когда он вернулся в пассажирский отсек, троица пришлых во главе с Кексом уже сидела напротив Тараненко, а упакованный в броню Кутний куда-то делся (скорее всего ушел во внешнее охранение, потому что Сиверцев слышал, как бряцали запоры входного люка). Забирай сидел на откидном сиденье у самого люка.

— Садись. — Тараненко сдвинулся на край лавки. — Ты, я смотрю, гостей уже знаешь, можно не представлять.

— Более-менее, — отозвался Сиверцев, присаживаясь рядом.

— Ну и славно, — кивнул Тараненко. — Значит, вернемся к нашим баранам. И что, Кекс, так вот вас и срубило, моментально?

Сталкер пожал плечами:

— Да фиг его знает, моментально или постепенно. Не помню я. Факт тот, что очнулись мы через три с лишним часа. Ни оружия, ни припасов — ничего. Лаз в подземелья заблокирован, а снаружи собаки гиганта жрут.

— Интересные дела, — задумчиво произнес Тараненко и полез во внутренний карман. — А вот эта штуковина тебе знакома?

У Кекса глаза чуть на лоб не вылезли.

— Так это... Это ж мой пэ-дэ-а! — Сталкер сграбастал гаджет, оживил, а затем поднял очумелый взгляд на Тараненко. — Откуда он у вас?

— От Махмуда, — невозмутимо ответил Тараненко. — Сорока на хвосте принесла.

Сталкеры на соседней лавке переглянулись. Вид у них сделался настороженный и нерешительный. Видя это, Тараненко сжалился:

— Ладно, ладно, не дергайтесь, сейчас все объясню. По пунктам, чтоб понятнее было. Только не перебивайте, дослушайте до конца.

Пункт первый, информативный: с вашим боссом, хозяином «Вотрубы», мы в некотором роде партнеры. И Ваня тоже его... консультирует.

Пункт второй, тоже информативный: вчера на западной дороге вы видели вот этот самый вездеход. И псевдогиганта, кстати, прихлопнули именно мы. Но мы тогда знать не знали, что у входа в подземелья кто-то прячется.

Пункт третий: твой пэ-дэ-а, да и остальные ваши вещи тоже мы позаимствовали у команды Кардана, сегодня ночью, под самое утро. Там все, и «херсталы» ваши, и рюкзаки, и прочая трахомудия. Кардан говорит, что вещи они подобрали у дороги, в рощице где ночуют собаки. Не знаю, может, он и не врал, я поглядел треки — через рощицу один таки проходит.

Пункт четвертый: некий сейф, за которым вы лазили на пост автоинспекции, нашелся опять же у Кардана. Не хмурься, Кекс, я же говорил, мы с Покатиловым работаем вместе. Однако внутри сейфа ничего ценного, увы, не обнаружилось, так что не только вы, Кардан тоже опоздал.

Ну и пункт пятый: Покатилов считает, что псионик, которым уводит сталкеров кровососу на убой, не сегодня завтра пройдет где-то тут, неподалеку, за новой жертвой.

— Кровососа мы прибили, — хмуро сообщил Кекс. — Хотя это не очень сильный аргумент.

— Прибили? — заинтересовался Тараненко. — Где?

— Там же, где Полоза нашли. За Янтарем.

— В тот же день?

— В ту же минуту. Ну, может, несколькими минутами позже.

Тараненко подобрался, словно кот, завидевший беспечную мышь.

— То есть... Вы нашли Полоза, убили рядом с ним кровососа, а спустя какое-то время необъяснимо уснули у входа в подземелья?

— Ну да! — подтвердил Кекс. — Я ж говорил уже.

— Дела. — Тараненко взволнованно помассировал виски кончиками пальцев. — Ребята, это был привет от псионика, сто процентов!

— Это-то понятно, — согласился Кекс. — Непонятно, почему он нас пощадил.

— Может, ещё не знал, что его дружок-кровосос уже того?

— У него таких дружков небось пол-Зоны, — пробурчал Кекс с сомнением. — Слишком ничтожно для причины.

— Ты прав, — кивнул Тараненко. — Ещё версии?

Кекс переглянулся со своим спутником — не здоровяком, а другим, которого Сиверцев помнил хуже всех.

— Есть мнение, что мы проснулись быстрее, чем псионик успел кого-нибудь подослать. Проснулись и убрались. Хорошо, что невдалеке автомат дожидался — пару километров, считай, с голыми руками прошли.

— Где это вас автомат дожидался? — с подозрением спросил Тараненко,

Сталкеры опять переглянулись.

— Да это... — чуточку виновато, словно сознаваясь в чем-то предосудительном, проговорил Кекс. — Нас ещё на посту Дима Шухов посетил. Посоветовал припрятать хотя бы один ствол. Покумекали мы и послушались, оставили «калаш», пистолет и несколько гранат. Ну и пожрать самый мизер. За этим и вернулись в итоге, спасибо Диме.

— Вы и Шухова повстречали? — изумился Тараненко. — Днем? Прямо не выход, а героическая фэнтези!

— Между прочим, он нас реально спас, — заявил Кекс со значением. — Словно знал, что нас обчистят.

— Почему «словно»? Он действительно знал. Предвидел.

Тараненко говорил вполне серьезно, что Сиверцева в общем то удивило — он сам рассказы о Черном сталкере считал обычными байками-страшилками, звучащими в основном в моменты застолья и обычно после обильных возлияний.

— Вот и я о том же, — кивнул Кекс. — Можно сказать, по лезвию проскочили.

— Не говори, я таких везунчиков давно не встречал. В общем владей своей балалайкой. — Тараненко взглядом указал на ПДА в руках Кекса. — Остальные вещички в багажнике, можете забрать когда захотите. Надеюсь, Кардан и его свора ничего ценного не сперли.

— Контейнеры на месте? — с надеждой спросил Кекс.

— Какие контейнеры? — очень натурально удивился Тараненко.

Кекс замаялся.

— Да мы, это... по дороге артефактов кое-каких надыбали. Не пропадать же добру... Подобрали. Не было их среди поклажи, а? Не может быть, чтоб Кардан хабар бросил.

Тараненко укоризненно поглядел на сталкеров:

— Слушайте, граждане нарушители! Здесь, между прочим, территория международного исследовательского центра! Даже если мы и конфисковали у других нарушителей предметы, имеющие научную ценность, с момента конфискации это достояние исследователей! Все, забыли и проехали!

— Понятно, — с огорчением выдохнул Кекс, но далее спорить не стал.

Сиверцев прекрасно помнил, как грузил контейнеры с артефактами в хранилище. И даже примерно представлял, сколько подобный улов мог стоить. Тараненко действовал с цинизмом прожженного дельца. Про таких говорят: «Что с воза упало, не вырубешь топором...».

«Корыстные настали времена, — подумал Ваня с грустью. — Зона смерти и Зона чудес в конечном итоге является Зоной большого и малого бизнеса, где каждый пытается приумножить личный капитал, причем желательно за счет других. И так в итоге и получается: одни гибнут, а вторые торгуют чудесами, которые добыты погибшими...».

Кекс отвлекся на свой ПДА — то ли читал, то ли отправлял почту. Остальные двое терпеливо дожидались, когда можно будет сбросить мокрую одежду и пристроиться где-нибудь у обогревателя, желательно с кружкой в руках, да не пустой, знамо дело. Сиверцев вполне понимал их, хотя снаружи пробыл всего ничего — утром час и сейчас примерно столько же. А эти ребята, судя по тому, что удалось услышать, с утра топали без передыху.

Тараненко без труда угадал их желания, подумал, встал и махнул рукой:

— Ладно, обсыхайте, грейтесь... пожевать чего-нить сообразите. Ваня, покажешь, где пайки, котел и вода. Если чего надо — спрашивайте. Я в кабине.

Шеф удалился; проходя мимо Забирана, кинул ему на ходу:

— Ты тоже можешь броню скинуть.

— Добро, — пробасил Забирай, поднимаясь на ноги.

— Ну чего? — обратился к Сиверцеву незнакомый сталкер. — Показывай сушилку, что ли...

К месту вышли, когда уже смеркалось.

— Вон они, — тихо сообщил ведущий и протянул руку, показывая.

Вездеход прятался в капонире посреди обширного пустыря. Ещё пара капониров, пустых, виднелась невдалеке.

— Угум-с, — промычал Покатилов. — Ставьте тент.

— Я бы не рекомендовал оставаться на ночь под открытым небом.

— Вот я и говорю, натягивайте тент, — повторил Покатилов ворчливо.

— Я не это имею в виду, босс, — терпеливо пояснил проводник. — Ночевать вне помещения опасно.

— Мы на окраине. — Покатилов пожал плечами. — Тут мало кто шастает. Да и патронов у вас мало, что ли?

— Тем не менее в помещении было бы надежнее.

Покатилов начал сердиться:

— Ёрш твою медь, ты видишь здесь помещение, а? Я тоже не вижу. Думаешь, мне охота тут торчать, мокнуть? Я бы с удовольствием пересидел где-нибудь в тепле. Так негде!

— Надо было ехать, — вставил щуплый Флэш, похожий в шлеме не по размеру на зеленого новобранца. — «Ниссан» бы сюда легко прошел.

— Заткнись, Флэш, — лениво сказал Покатилов. — И вообще, что за балаган? Почему тент ещё не натянут?

— Уже почти, босс, — донеслось чуть сбоку, где трое остальных бойцов занимались не болтовней, а делом. — Ещё пару минут.

— Распустил я вас, — вздохнул Покатилов. — Надо почаще в Зону гонять, а то охренели уже от скуки, советовать мне начали.

— Извините, босс...

Покатилов что-то неразборчиво пробормотал.

Через пару минут небольшая квадратная палатка с полупрозрачными бортами и куда более плотной крышей-тентом встала за низким, по пояс, холмиком. В принципе ее можно было разглядеть от капонира, особенно если внимательно приглядеться, да в оптику, но Покатилова это почему-то не взволновало.

— Флэш! Датчики!

Технарь влез под тент, чтоб ни на что не капало, и развернул ноутбук. Потом развесил несколько гибких экранов прямо на внутренних бортах палатки. Поколдовал над клавишами, и на экранах по очереди проявились изображения и поверх сбоку — столбцы служебных сообщений с каждого датчика слежения. Датчики были чужие, их ставили ученые и они же ими пользовались. Однако перехватить их сигналы было нетрудно, что Флэш и сделал.

Помимо чужих расставили и несколько своих датчиков — в стороне, противоположной от капонира. Когда с этим было покончено, Покатилов влез под тент и уселся на раскладной стульчик.

— Кофе, — буркнул он, и Флэш, оставив свою аппаратуру, вынул из рюкзака при входе плоский термос и упаковку пластиковых стаканчиков.

— Ребятам тоже налей, — велел Покатилов. — Каплет, блин, с самого утра без перерыва...

Дождь и впрямь успел всем осточертеть, дальше некуда.

Флэш, передав первый стаканчик боссу, по очереди наполнял новые и выдавал бойцам. Ночь обещала быть длинной и, ясное дело, бессонной.

Глава двадцать седьмая

Кекс с Психом мало спали прошедшей ночью, поэтому сморило их довольно рано. Вояки с учеными поубирали все лавки внутри вездехода и выстлали пол спальниками. Трое из числа вояк тоже залегли практически сразу с наступлением сумерек, только у противоположного борта. Батон некоторое время помаялся, подумал и улегся спать: молодняку сколько ни дрыхни — все мало. Дверь в кормовой отсек периодически открывалась, и по проходу кто-нибудь шастал, но спящим это не мешало. Главное, никакие мутанты не достанут, а остальное проза, так что спи — не хочу. Народ и отрывался.

Ночью Кекс проснулся всего один раз, сходил в сортир, потом, уже снова улегшись, ещё разок проверил почту. Пришла свежая весточка от Покатилова: тот велел ничего не предпринимать, ждать вместе с группой Тараненко и по возможности помогать им. «Ждать так ждать, — подумал Кекс устало. — Ждать — не лес валить».

Он действительно устал, потому что выход получился какой-то... нервный, что ли. Скомканный. Вроде бы и в тяжелые ситуации они реально не попадали, выкрутились почти без проблем. Ну да, без оружия по Зоне шастать — врагу не пожелаешь. Но ведь обошлось все! То ли благодаря необычным способностям Психа, то ли благодаря его же безграничному везению. Кекса чем дальше, тем сильнее глодало странное чувство неправильности, не натуральности последних четырех дней в Зоне. Почти все, что случилось и произошло, шло вразрез с его многолетним опытом. Псих ещё со своей сумасбродной историей про сорокалетнюю кому и гипотетическим чутьем на мутантов — которое, увы, глазами ж увидишь и руками не потрогаешь. Можно, конечно, успокоить себя, мол, все проверено в деле, да только убедительных доказательств словам Психа в общем-то нет. А слова — что слова? Поди разбери, может быть, это никакое не чутье, а просто цепочка невероятных совпадений. И Батон ещё не ко времени расслабился болтать стал непозволительно много для отмычки.

Одним словом, криво все как-то шло, криво до невозможности. Да плюс еще — снова не выполнен заказ босса, а два порожних выхода подряд могут кого угодно навести на неприятные мысли. Попробуй докажи, что оба раза сейфы умыкнул кто-то более расторопный! Во второй раз вроде Кардан, если Тараненко не врет. А в первый — вообще неизвестно кто. Но Покатилову на невиновность Кекса, разумеется, начхать. Нахмурится и натурально в асфальт закатает, ему недолго. И ничего ведь не сделаешь, совсем ничего. Позарился на заманчивые покатиловские гонорары, обрек себя на вечный страх перед начальственным гневом. Получите, как говорится, и распишитесь. И письма от босса какие—

то куцые приходят, все больше намеки, а не понятные приказы. Не сообразишь — здравствуй, асфальтовый каток!

Кекс невесело вздохнул и очень непоследовательно подумал что, пожалуй, слишком уж драматизирует ситуацию. До асфальтового катка всё-таки далековато, не такой уж Покатилов монстр, если разобраться. Кекс ведь уже разок прокалывался год назад, и в тот раз частичка вины лежала и на нем тоже. Обстоятельства обстоятельствами, но и сам лоханулся.

Покатилов выслушал, вник и простил. Штрафанул, правда в дальнейшем вел себя так, будто ничего не произошло. Кекс тогда перетрухнул и долго ещё бледнел перед входом в покатиловский кабинет, тихо радуясь, что там всегда темно.

И вот опять — как же он противен, липкий страх перед более сильным...

Вздохнув ещё раз, Кекс более по привычке, чем по надобности запустил биосканер. На экране проступили зеленые точки тесной группой — сам Кекс, Псих с Батоном, спящие солдаты, Тараненко с парнем-контрактником Сиверцевым, дежурный в кабине. Снаружи вездехода никто не лоцировался, хотя Кекс точно знал, что там где-то бродит как минимум один патрульный. Поразмыслив, Кекс предположил, что обшивка вездехода экранирует сигнал, зевнул и выключил ПДА.

Фиг с ним. Все завтра.

А вот дежурный в кабине отследил на своем биосканере шесть объектов неподалеку от вездехода. Это были люди, не мутанты. Кто такие — дежурный не знал, но Максим Тараненко, отправляясь спать, велел ему не поднимать тревоги, если такие сигналы появятся.

Дежурный тревоги не поднял, да и люди с места не двигались. Видимо, ночевали, как и группа Тараненко.

Ночь прошла спокойно.

Проснулся Кекс от возни около внешнего люка — один солдат готовился покинуть вездеход, ещё двое помогали ему влезть в броню. Местный начальник Тараненко уже проснулся и с полотенцем через плечо собирался уйти в сторону санузла.

Кекс подумал, что у научника Тараненко очень странная команда — сплошь военсталкеры, причем из наиболее матерых, и всего один ученый-контрактник среди них, да и тот вроде раньше всё больше в городке ошивался, в лабораториях исследовательского центра, а в Зону никогда не ходил. Кто топчет Зону — в барах бывает наездами и гудит на порядок громче. Не то что всякая шушера из obsługi.

Вскоре и Псих с Батоном проснулись.

Утро вступало в права: с триплексов убрали бронеплиты, и в пассажирский отсек вездехода втек хилый дневной свет. Дождь как зарядил вчера, так и лил, не переставая. Нетрудно было представить, как снаружи все раскисло.

После неизбежных утренних процедур (Кекс с удовольствием почистил зубы, раз такая оказия) с разрешения Тараненко занялись разбором вещей и снаряжения, которые были конфискованы у Кардана. Herstal'ы и боеприпас к ним оказались в полном порядке, ПДА свой Кекс ещё вчера обрел. Да и прочие мелочи отыскиались — все до единой. Кроме, разумеется, всех собранных на марше артефактов. Жаль, конечно, стоили они изрядно. Но с властью не поспоришь, а ученые и военсталкеры в Зоне — власть. Вроде ментов в окружающем мире. До чего ручонки дотянутся — абзац, прощайся и забудь, отнимут сто процентов.

Даже странно, что оружие не присвоили. Хотя, возможно, они знают: на самом деле хозяин оружия — Покатилов. С такими деятелями бодаться никакая власть не любит, потому что Покатилов сам власть, и немалая, пусть и неофициальная. Теневые воротилы в пределах веселой страны Украина фактически и есть власть — тут вам не сытая и цивилизованная Европа.

Тараненко со стаканчиком в руке (от стаканчика одуряюще пахло заварным кофе) проследовал в кабину. Некоторое время он провел там, о чем-то озабоченно переговариваясь с дежурным военсталкером. Потом отдал команду, и ещё двое бойцов принялись натягивать броню.

Чего-то там у них явно произошло. Кекс даже не успел выпросить себе стаканчик кофе. — Эй, Кекс! — позвал Тараненко, возникая в дверях кабины. — Поди-ка сюда.

Кекс повиновался — отложил свои шмотки, встал и приблизился.

— Ну?

Тараненко посторонился, приглашая войти в кабину. Кекс вошел.

— Знаешь, что это такое? — Научник ткнул пальцем в один из многочисленных экранов.

Кекс присмотрелся.

— Похоже на датчик жизненных форм, — сказал он через несколько секунд.

— Он и есть, — кивнул Тараненко. — Гляди, это мы. А кто вот это — не знаю. Каких-то сто десять метров от вездехода.

Биосканер в кабине стоял стационарный, мощный, и экран у него был здоровущий, не то что портативка, вшитая в ПДА. Там, куда указывал научник, Кекс без труда различил шесть меток, опознаваемых прибором как люди, снабженные сертифицированным всевозможными околосонными комитетами оборудованием. Монстров в округе не наблюдалось, да и редко они забредали сюда, на самую окраину Зоны.

— Всю ночь рядом просидели, — сказал Тараненко задумчиво. — наших тут нет, я узнавал. На радиозпросы не откликаются. Кто бы это мог быть, а? Мож, кто из твоих дружков?

— Может, — пожал плечами Кекс. — Мало ли кто может тут отдыхать?

— Сейчас мои ребята туда наведаются. — Тараненко повернулся и глянул в дверной проем — у внешнего люка торчали два полностью упакованных военсталкера. — Я хочу, чтобы ты сходил с ними. Если это наши, просто прогуляешься. Если ваши — поговоришь с ними, чтоб стрельбу сдуру не затеяли. Ты ж вроде сталкер в законе, а?

Кекс поморщился и пообещал:

— Поговорю.

Сталкер в законе, ага. Бандит ты форменный, пан Тараненко, а не научник! И лексикон у тебя бандитский. И, что характерно, так бывает со всеми, кто из ученых переквалифицируется сначала в администраторы, а потом и в ловцы финансовой удачи... Впрочем, не Кексу об этом с притворным гневом рассуждать, ибо сам злостно нарушает кучу законов и работает на тех же бандитов.

Озвучивать эти соображения вслух Кекс, понятное дело, не стал. Сходил, облачился в комбез и ботинки, прихватил маску и Herstal и присоединился к громилам у входа.

Психу он шепнул: «Я сейчас!», а Тараненко объявил: «Готов!».

— Ни пуха, парни! — выдохнул Тараненко из кабины и открыл запоры люка.

Влажный воздух Зоны мазнул по лицу и ворвался в ноздри.

Вслед за военсталкерами Кекс выбрался наружу, ступил в скопившуюся на дне капонира лужу и сразу же натянул капюшон на самые глаза. Лило пуще вчерашнего.

Солдаты бочком прошли к выходу из капонира. Под ногами противно чавкало. Кекс, никогда не видевший военсталкеров вблизи, да ещё в Зоне, с интересом присматривался — как идут? Куда смотрят? Судя по всему, ребята дело знали. Не поперли дуrom по прямой, отнюдь. Подозрительный лысый пятачок на пути аккуратненько обошли и в странную ямку по пояс глубиной соваться не стали — там трава какая-то ненормальная произрастала, светло-синего цвета, и Кексу ни она, ни сама ямка сразу же не понравились. Вряд ли это могли быть микроаномалии, но не понравились они Кексу, и все тут, — в ямке почему-то не было лужи, а пятачок-плешь выглядел неестественно ровным и гладким, словно блин шлифованного гранита. Вменяемый сталкер от подобных странностей держится подальше. Военные держались тоже.

Метре на шестидесятом Кекс разглядел впереди неплохо замаскированный тентик-палатку. И мысленно отметил два места рядом, где вполне могли прятаться молодцы с автоматами.

На восьмидесятом метре их окликнули:

— Эй, гвардия! Не пальните с перепугу, мы свои!

— Свои бывают разные! — ворчливо отозвался один из солдат. — Мож, назоветесь?
— Назовемся, не сомневайся! Только не тебе, а Тараненко! Осторожно там, мы выходим!

Показались два типа, экипированные примерно так же, как и военсталкеры. Потом из палатки вылез шуплый тип в здоровенном, не по размеру, шлеме.

А следом за ним — Покатилов. В камуфлированном комбинезоне, такой же кепке и тяжелых армейских берцах.

У Кекса натурально отвисла челюсть.

— Босс? — пробормотал он с изумлением. — Здесь?

— Захлопни пасть, Кекс, — сказал Покатилов ровно. — Муха влетит.

Кекс совладал с лицом и напоказ клацнул зубами.

— Тараненко на месте? — обратился Покатилов к воякам.

— На месте, — заверил один из них. — Провести?

— Проведи. Флэш, ты со мной. И вы двое тоже. А вы оставайтесь, если что — связь на восьмом канале.

— Да, босс, — кивнул один из остающихся.

«Стало быть, рации у них есть, — подумал Кекс. — И на запросы Тараненко они не отвечали с определенным умыслом. Чтобы наш визит состоялся, к примеру».

На обратном пути Кекс отметил, как Покатилов с подозрением покосился на все ту же ровную плешь чуть в стороне. Не утратил, стало быть, босс сталкерской сноровки! Зона, конечно, сильно изменилась за последние годы. Но основы сталкерского ремесла остались прежними. Если шастал здесь — на всю жизнь навыки въедаются, палкой потом не выколотишь.

Расплескивая лужу в капонире, добрались до входного люка, при их приближении предупредительно распахнутого. Покатилов первым уцепился за поручень, пару раз стукнул ботинками о ступеньку, сбивая налипшую грязь, и поднялся в отсек.

— Не ожидал увидеть вас здесь! — произнес Тараненко, едва Покатилов оказался внутри. — Совершенно не ожидал! Не страшно?

— Я, между прочим, в прошлом сталкер, — буркнул Покатилов. — Смею надеяться, не из худших, раз выжил.

— А нельзя ли узнать ваш сталкерский псевдоним? — поинтересовался Тараненко. — Или это тайна?

— Не тайна. Когда-то меня звали сталкер Лось. Полагаю, за телосложение. Пока Кардан не нарисовался, больше меня сталкеров просто не было. Даже Гупи был похлипче. Так что трепещи, наука. — Покатилов повертел головой, оглядываясь.

У дальнего борта двое солдат как раз организовывали столик. Тараненко приглашающе повел рукой:

— Ну, что ж, добро пожаловать, сталкер Лось! У нас тут скромно, по-полевому, но кое-что всяко найдется.

Посреди стола уже возвышалась бутылка коньяку, а Середа сноровисто расставлял на подстеленные салфетки парадные стаканы из небьющегося стекла.

Покатилов с интересом воззрился на выпивку.

— От коньяку не откажусь. Но сначала, Максим, нацепи-ка какой-нить плащик и пойдем прогуляемся. Да без охраны.

Тараненко напрягся; это было отчетливо видно. Он лихорадочно что-то соображал и высчитывал в голове, а Покатилов с интересом наблюдал за ним, сузив глаза до едва заметных щелочек.

— Х-хорошо, — наконец согласился Тараненко. — Сейчас. Если вдруг что — нас прикроют огнем, тут пушечка отличная.

— Не бойсь, наука. Я ещё не забыл, с какой стороны у автомата приклад.

Тараненко шепнул что-то одному из солдат, и тот принес из багажника брезентовый плащ-пыльник и резиновые сапоги.

— Ребятам кофейку предложите, а то наш термос уже давно дно кажет, — попросил Покатилов, отойдя к самому люку. Через несколько секунд он уже был снаружи.

Тараненко тихо выругался, набросил плащ, вскочил в сапоги и тоже покинул вездеход.

Кекс чувствовал, что и его, и Психа Покатилов тоже скоро вызовет прогуляться, поэтому раздеваться не стал, только автомат оставил в углу, где обосновались Псих с Батоном, а сам подсел к столику, где угощали бойцов Покатилова. Может, военсталкеры и недолюбливали вольных, с гостеприимством тем не менее у них все было нормально: и кофе сообразили, и печенюшек каких-то, и даже коньячку. Правда, ту бутылку, что предназначалась Покатилову, прибрали, выставили другую, попроще. Оно и понятно, та небось из личных запасов Тараненко, начальственная.

Покатиловские орлы от чистого коньяку отказались, но в кофе капнули охотно. Очкарик Флэш наотрез отказался даже от капель в кофе. Кекс отказываться не собирался, ему, а также Психу и Батону, щедро плеснули в железные кружки. Вояки Тараненко также предпочли всего лишь облагородить коньяком кофе (служба, ничего не попишешь, тем более и офицер ихний то и дело рожу из кабины высовывал). Зато Сиверцев, научник, которого Кекс в окружении Тараненко вообще не помнил, ломаться не стал и охотно принял кружку с дозой коньяку.

Чокнулись, причастились.

Кекс сразу раздобрел — после нескольких дней напряжения чувствовать себя в практически полной безопасности было очень-приятно. Сиверцев, которого, как оказалось, звали Ваней, тоже довольно жмурился после коньяку, словно хорошо отождравшийся и отоспавшийся котяра. Бойцы Покатилова о чем-то болтали с военными Тараненко — о чем-то своем, тактически-специфическом, Кекс послушал с полминуты и скис. Батон, наоборот, сидел рядом с ними и жадно внимал. Псих, позевывая, косился на спальные в углу и видимо, размышлял, не поспать ли еще.

— Слушай, Ваня, — принялся расспрашивать Кекс. — Ты ведь обычно в «Ать-два» заседаешь, верно?

— Есть такое, — подтвердил научник.

— А с кем из тамошних дружбу водишь? Вроде бродяги о тебе хорошо отзывались. Только не помню, кто именно.

— Полоз, наверное, — сказал Сиверцев и вздохнул. — Говорят, вы его нашли пару дней назад.

— Нашли... — подтвердил Кекс. — Он был твоим другом?

— Другом — вряд ли, — Сиверцев покачал головой. — Ни в Зоне, ни рядом у меня настоящих друзей нет. Приятелем Полоз был, собутыльником — тоже. Но все равно жаль его. Ни за что сгинул. Давай помянем, что ли?

Глотнули, не чокаясь.

— Такая уж сталкерская доля. — Кекс говорил, глядя в уже почти пустую кружку. — Сегодня собутыльник, а завтра сообщат: гикнулся, мол, сталкер такой-то. А могут и не сообщить. Сколько нашего брата просто ушло в Зону, и ищи-свищи. Никаких следов не осталось.

Сиверцев не ответил, только в очередной раз вздохнул.

— А здесь ты как оказался? Ты ж вроде не у Тараненко работал, а где-то в лабораториях.

— Было дело, — закивал Сиверцев. — Четыре года в микроскоп глядел, даже по выходным. А пару дней назад — трах-бах, и Тараненко забрал меня к себе. Я первый раз в Зоне. Если, конечно, это считается — на броневику покататься.

— Ничё, — заверил Кекс. — Для начала оно даже лучше. Никуда не влезешь сдуру. Больше половины новичков гробится в первые же выходы, даже если идут с тертыми бродягами.

Сиверцев поглядел на Кекса большими и грустными глазами и снова промолчал. Хотя явно хотел сказать что-либо о методах тертых бродяг, которые зеленых новичков

обыкновенно посылают вперед, а сами потом идут по трупам. Что термин «отмычка» возник отнюдь не на пустом месте.

Но Сиверцев не сказал ничего. Может быть, боялся, может быть, просто не хотел с ходу портить отношения. Кекс прекрасно чувствовал его настроение, потому что не первый год имел дело с новичками, а кто плохо чувствует новичков, тот редко становится сталкером-вожаком. И ещё ему отчего-то очень захотелось доказать Сиверцеву, что он, Кекс, не такой. Не такой холодный убийца, каким был тот же Басмач.

— Я своих молодых берегу, — хмуро сообщил Кекс научнику. — Кого хочешь спроси, у меня последнее чепе хрен знает когда было. Вон тот белобрысый, Батоном кличут, — уже год со мной ходит. Так что не все из наших молодняк гробят.

— Да я верю, — тихо ответил Сиверцев. — Полоз тоже такой был.

Кекс кивнул и подумал, что надо бы, пожалуй, сменить тему.

— Но босс-то каков! — сдержанно восхитился он. — Раз-два — и в Зону! Не ожидал я, честно говоря, увидеть его где-нибудь помимо офиса.

— Давно на него работаешь? — с интересом спросил Сиверцев.

— Да лет пять уже. А что?

— Так, — вздохнул научник. — Оцениваю собственные перспективы.

— Под серьезным человеком спокойнее, — рассудительно проговорил Кекс. — Во-первых, снаряжение хорошее, да и покупать его не надо, вроде как в аренду берешь. Но вторых, гарантированный сбыт. В-третьих, шваль всякая стороной обходит. В общем, сплошные плюсы.

— Минус, я так понимаю, только один, — предположил Сиверцев. — Приходится сильно делиться. Берешь свой небольшой процентик за спокойствие, а основную часть забирает босс.

— Я выбрал, — пожал плечами Кекс. — Ты много знаешь счастливицков, ухвативших в Зоне удачу за хвост? Я — очень мало. Едва десяток из многих тысяч. На жизнь заработаю, пусть даже на замок во Франции не хватит. Зато больше шансов вернуться домой живым-здоровым да с жирненьким счетом в каком-нибудь приличном банке.

— А ты откуда родом? — поинтересовался Сиверцев.

— Из Черноморска. Знаешь, где это?

— Наверное, на Черном море, — улыбнувшись, предположил научник. — В Крыму?

— Ага! На западе, перед самым Тарханкутом.

— А я из Череповца, — вздохнул Сиверцев. — Металлургический комбинат — вот и все достопримечательности. Я иногда думаю: случись какая-нибудь авария не на Чернобыльской АЭС, а у нас на комбинате, Зона вышла бы примерно такая же...

Псих сидел на соседней лавочке и прислушивался, но в разговор до сих пор не вступал. А тут вдруг пробормотал:

— Черноморск, Череповец, Чернобыль... Других букв в алфавите нет, что ли?

И — чуть громче — бросил залегшему на кипу спальников Батону:

— Эй, Батон! Ты откуда родом?

— Из-под Одессы, — буркнул тот, с неохотой раскрывая глаза. — А что?

— А конкретнее?

— Из Чабанки!

Псих повернулся к Кексу с Сиверцевым. Лицо у него было круглое и озадаченное.

— Только не говорите мне, что это просто совпадение! — сказал он многозначительно.

К их разговору начали прислушиваться. Во всяком случае, один из охранников Покатилова, скуластый и остролицый, неожиданно сообщил:

— Я из Чебоксар, если что.

— А я — из Читы... — прогудел военсталкер Середа и растерянно добавил: — Мартынюк, знаю, из Черновцов. Во блин...

Неизвестно, чем бы это все закончилось — ситуацию разрядил открывшийся люк. В вездеход скользнул Тараненко, сразу же принявшийся стаскивать с себя мокрый плащ.

— Ваня! — кинул он Сиверцеву. — На, накинь. Тебя тоже прогуляться зовут.

Сиверцев оделся и отправился на беседу с Покатиловым. В иных условиях можно было бы сказать «на ковер», но, учитывая обстоятельства и погодные условия, скорее «в лужу». Отсутствовал он недолго, Кекс только и успел что кофе выпить.

— Твоя очередь. — Сиверцев вручил намокший плащ Кексу, но тот не взял. Натянул на голову капюшон собственного комбинезона, да и все.

Покатилов дожидался метража в десяти от кормы вездехода, у самого начала съезда в капонир. Разумеется, Кексу пришлось пересказать все злоключения последних дней, подробно и планомерно. Кекс пересказал, стараясь ничего не упустить — и странный наезд Басмача во главе каких-то гастролеров, и богатый, но и конечном итоге напрасный сбор артефактов, и первый визит на пост, и явление Димы Шухова, и навеянный сон в щели у подземелий, и второй визит на пост, и нервный рывок к схрону в Диких землях. Даже странную историю Психа Кекс вознамерился было изложить, но Покатилов прервал его коротким: «Я знаю». Слушал Покатилов внимательно и спокойно, не перебивая. Насторожился он только когда Кекс заканчивал рассказ, живописуя встречу с четверкой stalkеров неподалеку от «100 рентген». Причем насторожился по поводу, о котором Кекс вообще не подумал. — Ты читал почту с пэ-дэ-а Жучары?

— Да, — подтвердил Кекс, не понимая — а что в том плохого? Пароль он затер и проверил потом, не сохранило ли его услужливое автозаполнение. — Не надо было?

Вместо ответа Покатилов развернулся и быстрым шагом пошел к вездеходу, оставив Кекса нервно переминаться с ноги на ногу под нескончаемым дождем. Через пару минут он вернулся вместе с Флэшем, вынужденным снова натянуть великоватый ему шлем. В руках Флэш держал прорезиненный всепогодный планшет.

— Где там твой ящик в сети расположен? — нетерпеливо спросил Покатилов.

Кекс по буквам продиктовал адрес, а потом по просьбе Флэша ввел пароль — дабы не терять попусту время. Флэш сразу полез в какую-то статистику, которой Кекс сроду не пользовался и даже не знал, что она существует.

— ... Последний заход в ящик был ночью, — сообщил Флэш. — В четыре двенадцать.

— Ты лазил в это время? — Покатилов повернулся к Кексу.

— Да, как раз ваши последние инструкции получил. Ждать с Тараненко и всё такое.

— Понятно. Дальше.

— Вчерашний вечер, восемнадцать ноль девять и восемнадцать сорок пять, — объявил Флэш.

Кекс, не дожидаясь вопроса, пояснил:

— Это тоже я, когда Тараненко мой пэ-дэ-а вернул.

Флэш продолжал пролистывать статистику:

— Ранее: десять пятьдесят четыре и одиннадцать ноль две. Заходили физически с другого гаджета.

— Это когда Жучару встретили, — похолодев, сообщил Кекс. — Но я заходил только один раз...

Покатилов скрипнул зубами.

— Замечательно! Им понадобилось всего восемь минут, чтобы узнать все, что знал ты. Ты письма какие-нибудь тер со вчера?

— Нет, — виновато выдохнул Кекс и затравленно взглянул на босса. — Но как же они без пароля? Нельзя ж без пароля...

Покатилов холодно взглянул на него.

— Есть способы. Ладно, Кекс, не паникуй. Никаких тайн в письмах все равно не было, иначе я бы их не отсылал. Просто мы теперь знаем, что бывшая команда Басмача тоже интересуется вашими похождениями, а не только сам Басмач интересовался.

— Басмач уже ничем не интересуется, — уточнил Кекс.

— Да какая разница. — Покатилов поморщился. — Тот, кто его озадачил, пока ещё жив. Хоть он и сидит запертый у меня в офисе, над ним тоже кто-то остается. Ты лучше скажи, фамилию Баграмов ты где-нибудь слышал?

Кекс задумался, вспоминая.

— По-моему, нет, — сказал он довольно уверенно. — Ничего не вспоминается.

— А эта рожа знакома? Не подкатывался к тебе?

Покатилов вынул из кармана распечатку снимка. Кекс изучил узкое, несомненно, восточное лицо, четко очерченные скулы, колючие глаза, прямые темные волосы, полосу усиков над верхней губой.

— Черт его знает. — Кекс с сомнением передернул плечами. — Явно не вспоминается. А так — мало ли народа ошивается в барах?

Не меняясь в лице, Покатилов ладонью стер с фотографии дождевые капли и вернул ее в карман.

— В любом случае Феда и компания вчера двинули в «100 рентген» и скорее всего сидят там, — сказал он чуть погодя. — Что ж, подождем и мы.

Кекс не очень понял — о чем говорит босс. Но спрашивать, конечно же, не осмелился.

— Ладно, Кекс, ступай. И вызови мне Психа.

— Да, босс...

С Психом Покатилов разговаривал недолго, минут семь, после чего вернулся в вездеход и всё-таки позволил Максиму Тараненко угостить себя коньяком. Но ни о чем важном при этом, разумеется, уже не говорили.

Глава двадцать восьмая

Ушел Покатилов в опускающихся на Зону сумерках.

Сиверцев в который раз вспомнил короткую беседу с ним, больше похожую на сжатый отчет. Ничего особенного, сухое изложение событий да сдержанный восторг новичка от увиденных диговин Зоны. Сиверцеву казалось, что нужный баланс деловитости и раскрепощенности соблюсти удалось. Покатилов в очередной раз велел на все глядеть и все запоминать, а если вдруг чего произойдет, в смысле — тварь в балахоне таки объявится, — ни во что не вмешиваться, но постараться запечатлеть в памяти как можно больше.

Да, и ещё Покатилов попросил ни в коем случае ничего не снимать, ни на видео, ни на фото. Поразмыслив, Сиверцев догадался почему: если псионик подтирает за собой даже записи с камер наблюдения (не сам, разумеется, руками взятых под контроль операторов), значит, любой обладатель фиксирующей аппаратуры невольно становится объектом первоочередного ментального влияния. Знающий о съемке, уже ведущейся или только предполагающейся, не сумеет скрыть свое знание от псионика. Тут прокатил бы разве что вариант со специальным человечком, который втихую установит камеру, обязательно, чтобы никто о ней не знал, и уберется как можно дальше, в идеале — вообще за десятки километров от места будущей съемки. Сама по себе камера неподвластна пси-сканированию, а раз о ней никто в ближайшем окружении не подозревает, не сможет и выдать. Но и это не панацея: Сиверцев слышал о тварях из Зоны, которые чуяли даже слабую электромагнитную активность. Любой работающий электронный прибор для них — как маячок в ночи. От таких камеру утаить уже невозможно.

В общем, Сиверцев чувствовал себя как на иголках. Вокруг плелась и плелась многоступенчатая интрига и вершилась непонятная без обладания подробностями игра. Подробности знал только Покатилов и, пожалуй, ещё Тараненко, но Тараненко скорее всего не в полной мере. Кроме того, Сиверцеву показалось, что Покатилов утратил доверие к Тараненко, хотя явно это и не продемонстрировал. Но если уж салага Сиверцев заметил некий холодок в отношении Покатилова к партнеру, то многоопытный шеф полевой группы, зубр подковерных игр, и подавно.

Не очень Ваня понимал и то, зачем из Зоны приперлись трое сталкеров во главе с Кексом. То есть зачем из Зоны — понятно, если дело сделали, незачем там торчать, а если дело сорвалось (а на то похоже) — тем более незачем. Но почему они сидят тут, с группой Тараненко, а не уходят прочь, за пределы Зоны, в городок? В качестве подмоги, что ли, оставлены? Так ведь эпическим мордоворотам Тараненко они сомнительная подмога. Между

военными и вольными сталкерами, спору нет, перемирие, но и не сплошное же братание-лобызание при этом! А с другой стороны, если вдруг предположить гипотетическую конфронтацию Тараненко и Покатилова — свои люди во вражьем стане несомненный плюс. Между прочим, Покатилов недвусмысленно дал понять Ване, что считает его своим, а не Максима Тараненко человеком. И в подобной ситуации Сиверцеву надо все время держать нос по ветру и умело лавировать меж возможных рифов, дабы не разозлить ни формального шефа, ни теневого, предпочитающего старомодное заокеанское обращение «босс».

В общем, лежал Ваня в спальнике, чувствуя затылком надежную твердь «ружжа» под тюфяком-подушечкой, и размышлял. Предыдущими ночами он высыпался, а реальной работы днем было исчезающе мало — не вымотаешься, ещё неделя такой командировки — и смело можно будет подсчитывать вес нагулянного жирка.

Но, с другой стороны, такое вот «стояние на Эльбе» могло в любой момент прекратиться, да с веселой беготней и, возможно, даже с перестрелкой. Если ждали визита псионика, то уж понятно, что не с целью погонять с ним чаи. Кстати, вот ещё вопрос: с чего Покатилов взял, будто псионик пройдет именно тут? Как же трудно выстраивать картину событий, зная лишь самые крохи...

Но кто ты такой, цитолог Сиверцев из города Череповца, чтобы знать что-либо помимо крох? Малек ты пока голопузый, пешка в чужой партии, мелкий винтик в сложном механизме выкачивания денег из удивительного образования под именем Зона. Винтики не срывают куш, они могут надеяться лишь на некоторый гонорар, кажущийся достойным только подобным же или ещё менее значимым винтикам.

«Вот бы, — подумал Сиверцев мечтательно, — акулы перегрызлись между собой до смерти, а приз в виде дубликата достался, ну, например, тому же цитологу Сиверцеву... Уж он-то сумел бы им потихонечку распорядиться как следует. Главное, не тиражировать купюры, кому нужны купюры с одинаковым номером? Лучше золотишко или какой-нибудь дорогостоящий хай-тек — кто там всерьез запоминает серийники гаджетов или ноутбуков, в самом-то деле...».

Ваня чертыхнулся и отогнал сладкие мечты подальше.

«Вот с таких мыслей, — подумал он, трезвея, — и начинается путь на кладбище».

Потом Сиверцев, видимо, уснул, потому что эта мысль запомнилась как последняя на тот вечер.

Пробудился он от того, что кто-то легонько потряс его за плечо.

— А? — Сиверцев распахнул глаза.

В отсеке царил полумрак дежурного освещения — и спать не мешает, и почти все видно, ни на кого не наступишь впотьмах. Над Ваней склонился полностью одетый и ни разу не заспанный Тараненко. Рядом на своем спальнике сидел Кекс, несомненно, только что разбуженный.

— Ваня, — спросил Тараненко негромко, — ты проснулся уже?

— Да. Что-то стряслось?

— Где Псих? Не видел?

Сиверцев невольно повернулся и поглядел на соседнее с Кексовым лежбище — там действительно было пусто, а ещё дальше мирно спал белокрысый Батон.

— Не видел. — Сиверцев по-детски протер глаза кулаками, отгоняя остатки сна. — Вроде ложился вместе со всеми, как гости ушли.

— И ты ничего не слышал, надо понимать?

Сиверцев напрягся, вспоминая.

— Ну, вроде дежурные шебуршали, когда менялись. В сортир кто-то ходил, дверь в грузовой вроде хлопала.

— А наружный люк не открывался? — продолжал допытываться Тараненко.

Сиверцев пожал плечами:

— Черт его знает, вроде не слышал.

Тараненко буркнул: «Засада...» и недовольно покачал головой.

— А чего, — пробормотал Сиверцев вопросительно, — что-нибудь пропало?

Тараненко поглядел на него в упор и неожиданно сообщил:

— Вроде того. Только хуже.

Сиверцев недоуменно хлопал глазами. А что, собственно, может быть хуже? Разве только если убили кого-нибудь.

— Пару часов назад, — заговорил Тараненко, — пси-монстр посетил бар «Вотруба». Как ранее и предсказывал Покатилов. Но мимо нас он либо вовсе не проходил, либо прошел незамеченным. На этот раз монстр увел не сталкера, а некоего делягу по фамилии Баграмов, который был заперт в одном из помещений покатиловского офиса. Для тех, кто не знает, уточню: именно Баграмов нанимал Басмача и отправил с ним четырех своих головорезов, чтобы расправиться с группой Кекса. И он же зарядил Кардана с друзьями вынести из поста на западной дороге сейф со всем содержимым. Так что подъем, ребятки. Облава. За Покатиловым я уже послал.

«Облава, — подумал Сиверцев, впадая в растерянность. — Это что же, местность прочесывать? Ночью?».

Цитолог совершенно не представлял себя в роли загонщика, да с «ружжом» в руках. Он же по Зоне ходить совершенно не умеет! Даже если с кем-нибудь бывалым пошлют — до новичка ли будет бывалому? Пси-монстра заметить бы, вот основная проблема! А Ваня тем временем вступит куда-нибудь не туда, и поминай как звали...

Кстати, а как, собственно, Тараненко себе представляет облаву на пси-монстра? Этот кого увидит — раз-два, и под контроль. Боец на контролёрском поводке без колебаний перестреляет своих. И если в итоге сам не погибнет под пулями, может потом в себя и не прийти. Сиверцев хорошо знал, что ожидает жертв пси-контроля — полная утрата личности и кисель вместо мозгов. Врагу не пожелаешь...

Параллельно Сиверцев одевался, без участия сознания, совершенно на автомате. Кекс, уже полностью одетый, о чем-то шептался с Батоном.

Пятеро бойцов Тараненко закончили экипироваться и готовы были покинуть вездеход. Нацепил броню со шлемом и старший маршрута — похоже, он намеревался идти в загонщики, а не руководить вояками из кабины вездехода. Водила прогревал двигатели и, позевывая, отстраивал изображение на экранах заднего вида.

— Ваня! — окликнул Тараненко из кабины. — Ты где?

— Тут, — подал голос Сиверцев.

— Ты там гляди с бойцами не ломанись! — предупредил Тараненко. — Спросонья-то. Рановато тебе, оставайся на борту.

У Сиверцева отлегло от сердца: всё-таки новое начальство ещё не окончательно свихнулось и не собирается посылать его, тихого-мирного цитолога, на верную смерть.

— Я тоже подумал, что рановато, — пробормотал Сиверцев и вынужденно улыбнулся. Бойцы, глядя на него, снисходительно захмыкали.

— Кончай базар! — прикрикнул на них капитан. — Николаич, мы на старте! — это уже Тараненко.

— С богом, Петро! — выдохнул тот.

— Марш! — скомандовал капитан.

Люк с тихим шипением разблокировался, ближний солдат тут же налег на него плечом, сдвигая, а затем решительно выпрыгнул в капонир. Хлюпнуло. Потом ещё раз, ещё и еще...

Последними вездеход покинули Кекс с Батоном, зато вместо них явились Покатилов и Флэш. Едва они очутились внутри, люк вернулся на место и с тем же шипением заблокировался. Вездеход дрогнул и, задирая корму, полез задним ходом из капонира. Сиверцев и Флэш невольно схватились за шкафчики под потолком, чтоб не повалиться на «лежбище скотиков». Покатилов успел скользнуть в кабину и усесться к пульту рядом с Тараненко.

— Псих смылся, — буднично сообщил Тараненко.

Сиверцев, кое-как отпихнувший из-под ног спальник и зафиксировавший на его месте лавочку, уселся и жадно прислушался.

— То есть как это смылся? — переспросил Покатилов, напрягаясь.

— А вот так. Аккурат дали мне знать, что псионик посетил «Вотруб», я глядь — а Психа-то и нету. Остальные двое спят, а его — след простыл. И дежурные не видели, что самое странное, ни бортовой, ни наружный.

— Ну наружный ладно, — терпеливо произнес Покатилов. — Но как: получилось, что не заметил бортовой? Не мог же Псих просочиться наружу, не открывая люка, сквозь борта?

— Не знаю, Виктор Палыч, не знаю! Дежурный, правда, говорит, что отлучался в туалет. Минуты на три. Думаю, тут-то Псих ноги и сделал. Иных вариантов я не вижу.

Покатилов зло засопел.

— Вот тебе и странный сталкер! — сказал он чуть погодя. — Вот тебе и сорок лет в коме! Мутант чертов...

Сиверцев слушал, затаив дыхание. Вездеход давно уже вырулил из капонира и осторожно полз по Зоне, чуть переваливаясь с гусеницы на гусеницу.

— Вы думаете... это он? — осторожно предположил Тараненко.

— А что еще прикажешь думать? — ощерился Покатилов. — Уж больно значимое совпадение!

— Тогда получается, и странная отключка Кекса с Батоном у подземелий — его рук дело. Или чем там они на нормальных людей морок наводят? Не руками же, в самом деле...

Покатилов молча взирал за лобовое стекло — снаружи уже начало светать, но при включенных фарах это было не очень заметно.

— Кекс говорил, сканеры его распознают как человека, — зачем-то сообщил Покатилов. — Интересно, почему?

— Кстати, это аргумент в пользу Психа, — отметил Тараненко. — Детекторы жизненных форм любую пси-активность мозга улавливают сразу, а пси-активные организмы без вариантов опознаются как мутанты.

— Может, когда Кекс сканировал окрестности, Псих свое пси не проявлял, — не очень уверенно предположил Покатилов.

— Исключено, — возразил Тараненко со знанием дела. — Пси-возможности не скроешь, они или есть, или отсутствуют, и детекторы это фиксируют по умолчанию. Я знаю, я сам их программировал когда-то, самые первые модели. Теперешние биосканеры — просто грамотное развитие все тех же идей и возможностей, только на новой элементной базе.

Сиверцев мог поручиться за слова Тараненко — хоть сам Ваня непосредственно никогда не занимался ни псионикой, ни программированием детекторов жизненных форм, но и имеющихся у него знаний вполне хватало, чтобы отчетливо понимать: Тараненко абсолютно прав. Пси-активность в пассивной фазе все равно остается пси-активностью и приборами исправно регистрируется. Вроде того, как даже в безветренную погоду, когда воздух неподвижен, тем не менее можно с уверенностью определить: вокруг не безвоздушное пространство, не вакуум, воздух присутствует. Так и с пси: сам факт способности к псионике сродни наличию в некоем объеме воздуха, а пси в активной фазе — особое состояние этого воздуха, ветер, а то и ураган, по той же аналогии.

— Умный ты, Максим, дальше некуда, — недовольно заметил Покатилов. — Только пользы с твоих познаний сейчас — кот наплакал. Лучше детектор включи, что он там кажет?

Тараненко развернул в нужную сторону один из экранов на гибкой штанге:

— А вот глядите сами. Это мы в вездеходе, это мои и ваши люди снаружи, можно пересчитать. Чертова дюжина — семеро моих, четверо ваших и два сталкера, все сходится.

Покатилов сверился с каким-то своим карманным приборчиком, Сиверцев не рассмотрел, с каким именно.

— Правее надо брать, — сказал он. — Они на триста сорок шесть градусов от нас.

Тараненко вопросительно уставился на Покатилова.

— Чего смотришь? — проворчал Покатилов. — У Баграмова на одежде маячок. Цепляли его, правда, для других целей, но отчего бы сейчас не воспользоваться?

Тараненко тотчас расплылся в азартной улыбке:

— Так это ж шикарно, Виктор Палыч! Далеко до них?

— Не знаю, чтобы дальность засечь, нужно два пеленгатора, а лучше даже три. У меня только один. Азимут дает и больше ничего.

— Жаль, но и то хлеб, — вздохнул Тараненко. — Интересно, долго маячок проработает? В Зоне обычная электроника быстродохнет...

— Будем надеяться, достаточно долго, — поморщился Покатилов. — Слушай, а побыстрее нельзя? Тащимся, словно вши по плешу...

— Это к ведущим. — Тараненко развел руками. — Зона всё-таки не проспект. Хоть четыре ночи без выбросов, да и последний совсем слабый был — все равно есть риск куда-нибудь вляпаться. Уж лучше пусть ребята глядят.

— Мы ночами без всяких приборов шастали, — проворчал Покатилов, видимо, имея в виду времена сталкера Лося. — И от патрулей военных только так уходили.

— Ну и много из вашего поколения уцелело? — резонно поинтересовался Тараненко.

Покатилов не ответил, вместо этого снова сверился со своим приборчиком-пеленгатором.

— Еще правее, — сказал он, взглянув ещё и на плавающий в глицериново-спиртовой смеси шарик бортового гироскопа. — Упреждение я учел.

Тараненко тут же заговорил в микрофон:

— Петро! Директ десять градусов вправо! Даже пятнадцать!

Ответ капитана был слышен только Тараненко, но цепочке зеленых точек на экране детектора жизненных форм чуть-чуть притормозила на правом фланге и занесла вперед левый, вездеход во время неизбежной остановки вразнобой шевельнул гусеницами и тоже лег на новый курс.

— Фары погаси, — обратился Тараненко к водителю. — Хлопцы просят, говорят — мешают...

Водитель тотчас выполнил приказ. Сразу стало заметно, что уже почти рассвело.

Военсталкеры, охранники Покатилова и Кекс с Батоном растянулись цепью, и на взгляд Сиверцева, перемещались довольно резво, чуть ли не трусцой. Время от времени кто-нибудь в цепи отклонялся от прямой, обходя препятствия и опасности. Старший маршрута чуть поотстал от цепи; он координировал общие действия, а также указывал наиболее подходящий путь вездеходу.

Таким манером отмахали километров пять, не меньше. Судя по карте, примерно на таком же расстоянии и чуть левее курса располагались трущобы на окраине Диких земель, бывшая вотчина группировки «Долг». Все, что от нее осталось, — до сих пор действующий бар «100 рентген» в одном из подвалов да пара десятков схронов к северу от Диких земель.

— В бар они чешут, что ли? — напряженно спросил Покатилов. — Странно, я вообще-то расспрашивал бродяг, которые туда заходят.

— И чего?

— Да ничего в общем-то, — пожал плечами Покатилов. — Ни какой связи с нашей... темой.

«Чего это Покатилов так разоткровенничался? — удивился Сиверцев. — Вслух рассуждает при мне, при водителе. Вроде раньше только с глазу на глаз мог что-нибудь сообщить».

Сиверцев покосился на Флэша — тот жадно уставился в экран-панорамник на переборке кабины. Ну, да, по первому разу оно интереснее всего!

«Забавно, — подумал Сиверцев. — Похоже, я уже не главный салага на борту: как минимум в экран успел насмотреться за двое суток».

— Это не они, а? — спросил Тараненко, сосредоточенно колдуя над монитором, изображение на котором он все время то увеличивал, то уменьшал.

Сиверцев привстал и глянул на монитор перед Тараненко, но увидел мало что: увеличенное изображение сильно дергалось и прыгало, он вообще ничего не понял и не разобрал, только мельтешение темных пятен. Как-то это надо было сопоставить с курсом, с данными биосканера, ну и с пеленгатором Покатилова тоже.

Биосканер четко показывал вездеход, наружную цепь и несколько красных точек слева от вездехода; Сиверцев сразу понял, что это не то — просто какие-то твари Зоны шастают по каким-то своим недобрым делам.

— Далеко, детектор пока не берет, — буркнул Тараненко с досадой. — По-моему, всё-таки они. Двое, и примерно на азимуте баграмовского маячка.

Покатилов буркнул что-то неразборчивое, Сиверцев не расслышал — вездеход как раз тряхнуло на очередной неровности почвы.

— Ага, — оживился Тараненко. — Петро говорит, они тоже видят эту двойку. Чешут в направлении бара! Надо чуть левее теперь взять, наперерез.

— Берите, — согласился Покатилов, в очередной раз сверившись с пеленгатором.

Тараненко заговорил в гарнитуру, цепочка бойцов придержала левый фланг и подстегнула правый. Вездеход плавно подкорректировал курс.

Прошло ещё минут пять.

— А это у нас кто? — озадачился Тараненко при виде новых сигналов на биосканере.

Биосканер Сиверцеву теперь был виден с ребра — Тараненко протянул руку и развернул монитор к себе.

— Четверо, — заметил Покатилов. — Уж не Мухомор ли с Федой, Жучарой и Дунаем? Вечно они рядом отираются, стервецы! Четыре, блин, мушкетера!

— Это их Кекс вчера повстречал перед тем, как на нас выйти?

— Их, — с досадой подтвердил Покатилов. — И сдуру с Жучарыного пэ-дэ-а в сеть полез, почту читать. Ну они потом все письма в его ящике и проглядели.

— За ними стоит кто-нибудь? — холодно поинтересовался Тараненко. — Или кустари, художественная самодеятельность?

— Вроде кустари... Между прочим, та фотка из «Ать-два» — их работа. Многим разослали, а кое-кому ещё на флэшках подкинули. Развели, мать его, профсоюз, за права сталкеров решили бороться! А как запахло деньгами — моментально в ловцов за сокровищами перековались.

— Вот этому я как раз не удивлен. — Тараненко усмехнулся. — Это как раз очень человечески. Я другого не пойму: если это они на перехвате, на что они рассчитывают? Что мы монстра положим, а они снимут сливки? Бред ведь, наив и цветочки...

— Когда охотятся тигры, — буркнул Покатилов, — рядом всегда отираются шакалы. Уж извини за пафос, Максим.

Тараненко хмыкнул и наклонил голову:

— Правда всегда чуточку пафосна. Лучше скажите, Виктор Палыч, вы уже придумали, как улов делить будем?

— Сначала надо поймать, — отрезал Покатилов. — Шкура неубитого медведя обычно очень плохо делится, тебе ли не знать!

— Да все равно хорошо бы представлять собственные перспективы. А то получится, что вложился я по максимуму, а добыча, как обычно... тиграм.

Покатилов с неудовольствием обернулся и глянул в дверной проем. Прямо на Сиверцева. Тот попытался выглядеть меланхолично, но насколько это удалось, проконтролировать, увы, не мог.

Сиверцеву показалось, что Покатилов сейчас захлопнет дверь в кабину, он вроде бы и руку уже протянул. Но потом посмотрел влево от себя, туда, где сидел Тараненко и чуть дальше — водитель. И убрал руку.

— Не сейчас, — глухо произнес Покатилов, так и не закрыв дверь. — Что-то мы многовато треплемся, Максим. Займемся лучше делом.

Разговор прервался. В пассажирском отсеке звучал только гул двигателей да слабые голоса из чьих-то наушников — вероятно, переговоры солдат.

Сиверцев отвлекся и поглядел на экран — цепочка загонщиков резво, чуть ли не трусцой рвалась вперед. Да и беглецов вроде бы уже можно было различить — по крайней мере два темных пятнышка, медленно перемещавшиеся в направлении верхнего левого угла экрана, Сиверцев разглядел.

— Вот дьявол, — беспокоился Тараненко. — А ведь эти четыре мушкетера перехватят их раньше нас!

Покатилов ответил не сразу, помедлил немного.

— А может, оно и к лучшему? — предположил он.

— Рассчитываете, что Мухомор с друзьями монстра положат. Так они его и обыщут, можно не сомневаться.

— Ну и что? Нагоним же.

Теперь на какое-то время задумался Тараненко.

— А вдруг не положат? Вдруг он их — р-раз! — и на поводок?

— Лучше их, чем наших, — сказал Покатилов. — Вряд ли он способен контролировать сразу многих. Скажи-ка своим, чтоб были готовы в случае чего.

— А вашим?

— А мои и так слышат, — буркнул Покатилов.

Тараненко поправил наушник с микрофончиком на штанге и невольно чуть изменив голос, заговорил:

— Петро!

Пауза.

— Ты четверых, что навстречу идут, засек?

Пауза.

— Ага! Учтите: они к монстру ближе вас, так что он может взять кого-нибудь из них, а то и всех четверых, под контроль. Причем однозначно раньше, чем за вас примется.

Пауза.

— Вооружены, конечно, это же сталкеры! — фыркнул Тараненко. — В общем... будьте готовы бить на поражение. Угу.

Сиверцева передернуло. На поражение! Не перегибает ли, черт возьми, Тараненко? Откуда у него полномочия отдавать подобные приказы?

Тем временем неясные пятнышки на экране превратились в две вертикальные черточки.

На марше Кекс не забывал поглядывать на Батона — тот шел крайним справа. Кекс, соответственно, вторым. Ничего, нормально Батон шел, с понятием. Чуть отклонялся, если впереди открывалось место, куда ступать не стоит, косился на остающиеся далеко справа слабенькие аномалии — а раз косился, значит, заметил их. Матерее отмычка, если так и дальше — скоро сталкерское звание заслужит.

В следующую секунду Кекс привычно выдавил посторонние мысли прочь из сознания. В Зоне лучше оставаться сосредоточенным, а не витать в эмпиреях.

Но вообще Кекс чувствовал себя странно. Не на своем месте. Метрах в двадцати слева шел упакованный в броню военсталкер вот он находился именно там, где и положено. Кекс же вообще не понимал толком — что делать и чего ждать. Покатилов отдал команду — и все, изволь выполнять...

«Надоело все, — с тоской подумал Кекс, в который уже раз отвлекаясь. — Домой хочу. К морю, к маме».

И снова одернул себя — посторонние мысли прочь!

Так и качался он на качелях — то задумываясь, то встряхиваясь.

Слегка отставший офицер командовал движением; воякам было удобно общаться — в шлемах у них имелись встроенные переговорники, а Кексу с Батоном оставалось уповать на догадливость. Хорошо ещё вояка слева попался смысленый: иногда свистом привлекал внимание Кекса и, когда тот оборачивался, сигналил рукой, куда подворачивать. Спасибо ему...

Четверка из личной гвардии Покатилова, надо думать, расположилась далеко на левом фланге. В общем, логично, вояки за собой всегда стремятся оставить центр.

Миновали жиденский лесок. В противоположной стороне дважды татакнул чей-то автомат — видать, угощали свинцом каких-то мелких тварей. На самой опушке пришлось сильно вильнуть — несколько деревьев на пути были плотно увиты мерзкой белесой паутиной, Кексу и в голову не пришло к ней приближаться. Что-то там, в самом центре гнезда, между трех особенно близких стволов, смутно шевелилось, и чувствовалась в этом шевелении безусловная угроза.

За леском снова подвернули; открылась неровная низина, в которой там и сям виднелись то ли большие лужи, то ли миниатюрные озерца, поросшие чахлым камышом и осокой.

Сталкер слева в очередной раз по-разбойничьи свистнул. Кекс повернул голову — вояка показывал далеко вперед и влево. Прищурившись, Кекс всмотрелся и в следующую секунду разглядел два силуэта, похожих на человеческие. Оба спешили подняться по противоположному склону низинки.

Вояки прибавили шагу. Кекс, чертыхнувшись, тоже. На ходу он сверился с ПДА — аномалии в низинке были, как раз там, где больше всего луж, примерно по центру. Однако на их с Батоном пути было сравнительно чисто, и это радовало.

По ощущениям, выбравшись из низинки и поднявшись на невысокий гребень, должны были уже видеть окрестности бара «100 рентген».

Двое впереди шли медленнее, чем преследователи, — Кекс понял это довольно скоро. Монстр с жертвой не успели ещё взобраться на гребень, а цепь вояк, покатиловской охраны и Кекс с Батоном уже прошлепали по мокрому, просочились между гибельных участков и начали подъем.

Вездеход в низинку не полез, попер в обход, причем справа, со стороны Кекса с Батоном.

«Интересно, — в очередной раз отвлекся на постороннее Кекс. — А куда Псих подевался? Банально сбежал? Но с чего бы?».

Подъем был пологий, зато длинный. Минут через пять Кекс с Батоном взобрались достаточно высоко, чтобы открылся вид на далекие трущобы. Вояки на подъеме вырвались чуть-чуть вперед, но теперь неожиданно запнулись на самом гребне. Вскоре Кекс понял почему — пси-монстр с жертвой оказались заметно ближе, чем можно было ожидать. Их встречал кто-то со стороны бара, но разглядеть, кто именно, не получалось, потому что встречающие не стояли во весь рост, а залегли.

А затем открыли огонь.

Кекс сквозь зубы матюкнулся и на всякий случай рухнул на влажную землю, тихо радуясь, что настоящая грязь осталась в низинке. Батон тоже ушел в горизонталь — то ли сам понял, что происходит, то ли по примеру Кекса, не важно: главное, не стал изображать из себя удобную мишень для шальной пули. Вояки же, напротив, после секундного замешательства дружно ринулись вперед, на этот раз вообще бегом и скорее всего по радиокоманде.

«Да ну его! — подумал Кекс зло. — Кто в броне, тот пускай и воюет! А я в головорезы не нанимался, я — сталкер, а не солдафон».

Метрах в полуста левее на гребень, урча, взобрался вездеход. Взобрался и припустил следом за солдатами.

Кекс поглядел на ПДА: удивительно, но монстр и его жертва отображались на экранчике зеленым, как люди. Те, кто их встречал, тоже, и было их четверо.

«Четверо... — подумал Кекс. — Феда, Жучара, Мухомор и Дунай? Или кто другой? В принципе Жучара при встрече прозрачно намекнул, что они тоже на сейф охотятся. А где сейф, там и пси-монстр. Но Жучара-то каков хитрец, целый спектакль передо мной разыграл тогда, у меня на кухне, — флэшка, фотография, подсунь Покатилову, а не то перещелкают нас всех... А на деле ловит удачу, как и все мы тут, в Зоне».

Батон осторожно выглядывал из-за кочки, около которой залег. Что-то там впереди происходило интересное. Кекс тоже поглядел.

Монстр даже под пулями вел себя странно — почему-то никого не попытался взять под контроль, просто бессмысленно топтался на месте. Кекс прекрасно видел и его, укутанного в балахон, и его жертву, понуро стоящую поодаль. А потом монстр несколько раз дернулся, нелепо всплеснул руками и повалился на землю.

«Подстрелили гадюку!» — обрадовался Кекс. Он-то знал, от чего люди могут так дергаться — от пуль, попадающих в тело.

Монстр в балахоне теперь валялся на земле. Стрельба как по команде утихла; почти одновременно с этим ожил человек, которого монстр вел на поводке, — выпрямился, принялся озираясь, потом заметил застреленного псионика и невольно начал пятиться от него, а чуть позже и вовсе развернулся и побежал. Четверка стрелков вскочила на ноги и поспешила навстречу солдатам, явно пытаясь добраться до лежащего монстра раньше них. Но прежде всех к месту примчался вездеход.

— Кажись, пальбе конец! — объявил Кекс Батону. — Пойдем, что ли...

Батон дисциплинированно встал. Кекс тоже. Лежать им пришлось всего ничего — секунд пятнадцать-двадцать, до того быстро все произошло.

— Если опять начнут палить, залегает, ну их к бесу, — скомандовал Кекс; Батон с готовностью кивнул.

Тем временем накатывались новые звуки — похоже, с востока пожаловал вертолет. Кекс обернулся глянул — да, что-то такое в небе виднеется на фоне низких туч. Ещё через полминуты стало понятно, что это действительно вертолеты, целых три.

— Ну, блин, движняк! — пробормотал Кекс, качая головой. — Как на настоящей войне, елы-палы!

Вертолеты, со свистом рассекая винтами воздух, пронесли над головами, заложили плавный разворот и к изумлению Кекса пошли на посадку — все три.

— Офигеть! — впечатлялся сталкер. — Чем дальше, тем веселее!

Батон тоже недоумевал — лицо у него было чрезвычайно озадаченным. Было с чего — над окраинами Зоны натовцы летали с давних пор, постреливали с вертолетов тоже регулярно. Но садиться? Слишком для винтокрылых машин рискованно, легко угодить в зону действия любой аномалии, а сверху их не всегда можно разглядеть.

К моменту, когда Кекс с Батоном подоспели к месту, там происходило следующее: из вертолета высыпала гурьба вояк в такой же броне, как и на подручных Тараненко. Кекс даже не смог отличить тех, кто прилетел, от тех, с кем недавно шел в одной шеренге. Феда, Мухомор, Жучара и Думай стояли безоружные, с руками за головой, на мушке нескольких вояк. Вездеход замер с открытым люком, около которого нерешительно топтались Сиверцев и Флэш, а Тараненко с Покатиловым стояли над трупом монстра. Четверо охранников Покатилова, вооруженные, держались около босса.

Тараненко, присев на корточки, как раз копался в складках балахона — видимо, искал карманы или, может быть, сумку.

— Ну, что? — поторопил его Покатилов.

Тараненко, сопя, перевернул труп на спину и продолжил изыскания.

«Как-то все до банальности просто получилось, — подумал Кекс, ощущая в происходящем странную ненатуральность. — Побежали, стрельнули, убили. Вертолетики прилетели, всех под охрану взяли. И все, финита! Как-то все по-бутафорски, словно не взаправду... Не так я себе представлял поимку пси-монстра, совершенно не так!».

Неожиданно Покатилов шагнул вперед, вплотную к лежащему монстру. Постоял секунду, тихо, так, что расслышали только те, кто стоял совсем рядом, сказал: «Ну что, Псих, здравствуй и прощай?», присел и стащил капюшон с лица убитого. Кекс пригляделся и ошеломленно присвистнул.

— Где второй?! — совершенно нечеловечески заорал Покатилов, вскакивая на ноги. — Где?

Все до единого принялись озираясь, но «жертвы» лже-пси-монстра давно след простыл.

Лже — потому что никакой это был не монстр. Это был Хома — подручный Покатилова. Монстр всех перехитрил: он с самого начала прикинулся жертвой, а взятого на поводок и прихваченного из «Вотрубы» Хому обрядил в балахон, а потом хладнокровно подставил под выстрелы.

Покатилов вскочил на ноги и кинулся к вездеходу. Тараненко на бегу проорал: «Вертушки в небо!» — и тоже юркнул в нутро вездехода.

Вертолеты вместе погрузившимися вояками взмыли; шестерка солдат Тараненко, подстегиваемая офицером, быстро забралась на броню. Один охранник Покатилова остался у труп Хома, остальные вместе с боссом втиснулись в вездеход, и тот, расшвыривая гусеницами комья мокрой глины, стрелой рванул на северо-восток.

Жучара и компания растерянно переминались с ноги на ногу там же, где и стояли, только руки уже опустили. К ним Кекс и направился, потому что бежать сломя голову вослед вездеходу было по меньшей мере глупо.

Батон, разумеется, увязался за Кексом. Бывшая команда Басмача молча взирала на их приближение.

— Здорово, Кекс! — упавшим голосом поприветствовал Жучара.

— Здравствуй, Иудушка, — желчно отозвался Кекс. — Ну как, много полезного в моей почте нарыл?

Жучара опустил глаза.

— А как у меня на кухне вещал, мама дорогая, — продолжал Кекс. — Станиславский обрыдался бы!

— С той поры многое изменилось, Кекс, — глухо произнес Жучара, не поднимая глаз. — Если бы ты знал всё, ты бы понял.

— Я знаю достаточно, чтобы считать тебя сукой, Жучара. И дружков твоих тоже. И я пальцем теперь не шевельну, чтобы кому-нибудь из вас помочь.

— А чем ты нам можешь помочь? — довольно нагло встрял Мухомор. — Покатилову, боссу своему, замолвишь шестерское словечко?

— Дурак ты, Мухомор, — с сожалением сказал Кекс. — Впрочем, мозгов у тебя всегда было немного, это факт. Вы замочили гражданского, между прочим, вон он валяется. Знаете его? Хома, администратор из бара «Вотруба». При чем замочили на глазах военных сталкеров и легальных научников. Это тебе не нарушение границ Зоны и не вынос потенциально опасных предметов, это статья покроче.

Лицо Мухомора заметно вытянулось, из чего можно было заключить, что всю полноту собственного положения он до сих пор не осознавал. Потом он начал заполошно озираться — на Федю поглядел, на Жучару, на внешне бесстрастного Дуная.

Хома был прострелен по меньшей мере в пяти местах, поэтому надеяться на то, что за убийство засудят только кого-нибудь одного (а теперь Кекс ничуть не сомневался в крысиных нравах помянутой четверки), было попросту наивно.

— Валить надо, — заметил Феда, срываясь в фальцет.

— Без оружия? В Зоне? — с сомнением протянул хмурый Жучара.

— Да фигня, в «Рентгенах» купим, — затараторил Мухомор. — Не у этих же лохов просить...

Кекс мрачно посмотрел на Мухомора, скрипнул зубами, но ничего не сказал.

— Значит, валим, — заключил Жучара и уже было развернулся, чтобы двинуться в сторону близких трупоб.

Но тут грянул выстрел; Жучара жутко заорал и схватился за ногу, а секундой позже повалился на землю. Из-под пальцев у него так и хлестала кровь.

Стрелял единственный из охранников Покатилова — быстро, не целясь, от бока. Прежде чем Кекс схватился за свой автомат, охранник успел выстрелить четырежды, и все сталкеры бывшей команды Басмача, вразноголосицу вопя и воя, уже валялись не земле, держась кто за бедро, кто за лодыжку, кто за колено. Стрелял охранник исключительно по ногам.

Батон сдернул Herstal с плеча, но стрелять не решился. Кекс тоже не мог понять — что происходит?

К счастью, охранник не стал играть в молчанку:

— Убери ствол, Кекс. Мы в одной упряжке. Босс решит, что с ними делать.

В общем-то он действовал вполне логично: Покатилову так или иначе нужно будет свалить ответственность за недавнюю стрельбу и смерть Хомя на кого-нибудь стороннего. Тем более что Хому-то пришили именно эти четверо. Спустить на тормозах столь серьезное преступление уже невозможно — ввиду свидетелей из военных и ученых. Баста, налицо серьезное ЧП в пределах закрытой территории.

«А ведь и нам с Батоном в Зоне находиться как бы не положено, — озабоченно подумал Кекс. — Но Покатилова дожидаться все равно придется. Что-то мне подсказывает: нас его боец тоже не отпустит».

Шум вертолетных винтов опять начал нарастать: одна из машин вновь поднялась в воздух и быстро пошла на восток, к границе Зоны. Две другие стартовали через минуту, один на северо-восток, другой на юго-восток.

Вездеход, отъехавший примерно на километр, резво полз назад.

Долго ждать Покатилова, к счастью, было не нужно.

Глава двадцать девятая

Вездеход рванул так, что Сиверцев побоялся за устроившихся на броне бойцов — как бы их не сдуло. Да и самому пришлось вцепиться во что подвернулось — правой рукой в убранный к борту раскладной столик, левой в лавку. Флэш, который до столика дотянуться не мог, вцепился в куртку Сиверцева над боковым карманом. Троица охранников Покатилова мудро устроилась прямо на полу, спинами к переборке, и теперь их швыряло меньше всех, да и упасть они никуда не могли. Покатилов, Тараненко и капитан каким-то образом расперлись в кабине — все трое стояли, но их практически не болтало. Потом Сиверцев вспомнил, что в кабине вдоль всей переборки очень удачно привинчен поручень, как в трамвае или троллейбусе.

Над вездеходом почти беззвучно пронесся вертолет, заноса вбок тоненькую хвостовую штангу. Беззвучно в том смысле, что из-за рева двигателей и лязга гусениц его было практически неслышно.

— Вон, вон, левее! — азартно заорал в кабине Покатилов, и вездеход вслед за тем ощутимо дернулся. Флэш оглушительно клацнул зубами, а через секунду зашипел от боли — наверное, прикусил язык или губу.

Экран в пассажирском отсеке почему-то не работал — или сам погас, когда вездеход остановился, или водила выключил, а потом забыл включить. Так или иначе, Сиверцев довольствовался тем, что удавалось рассмотреть за лобовым стеклом в узкую щель дверного проема. Да и до дверей, собственно, было далековато, и вдобавок в поле зрения постоянно маячили силуэты стоящей в кабине начальственной троицы.

Вертолет (Сиверцев не понял — тот же или уже другой) вторично мелькнул за лобовым стеклом, на этот раз сверху вниз — садился, причем так быстро, что Сиверцев даже подумал — падает. А потом и вездеход резко встал. Над головам гулко забухали солдатские ботинки.

— Люк! — рывкнул в кабине Покатилов, и водила поспешил разблокировать путь наружу. Все, кто только что торопливо в вездеход грузился, теперь столь же торопливо его покидал. Бедняга Флэш, давно ошалевший от постоянной суматохи, держался за челюсть и непрерывно моргал — он был совершенно не полевым человеком, даже новичок Сиверцев это отследил с ходу. Ему бы клавиатурой шелестеть в каком-нибудь укромном углу, где компьютеров больше, чем стволов, но что делать, вытащил босс в гиблое место, приходится терпеть.

Поскольку обязанностью Сиверцева было смотреть и запоминать, в вездеходе он отсиживаться не стал — наладился наружу. Кроме того, ему и самому было страшно любопытно — что же в конце концов произойдет? События понеслись вскачь, оценивать их Сиверцев банально не успевал, так что решил пока впитывать, а разбираться потом, в более спокойной обстановке.

Когда он вынырнул из люка и прыгнул на податливую землю, совсем рядом как раз садился очередной вертолет, поэтому, кроме рокота движка и шелеста лопастей, ничего слышно не было. Но едва вертолет коснулся «лыжами» почвы и движок сбросил обороты, стало слышно, как бойцы хором на кого-то орут: «Руки! Руки!».

Метрах в десяти от вездехода кого-то положили мордой в травку и усиленно сверху утюжили — прижимали к земле руки, упирались в спину коленями. Разоружали и упаковывали, видимо. Потом Сиверцев сообразил, что мордой в землю лежит не один человек — тот, кого раньше принимали за жертву пси-монстра, — а опять-таки двое. Откуда взялся второй и кто это может быть Сиверцев даже гадать не стал, понимал, что ни в жизнь не отгадает.

Наконец бойцы, практически синхронно, принялись вставать, заодно поднимая на ноги и свежееотловленных типов. Один из них, худощавый, похожий на татарина мужчина с тонкими усиками, на ногах вообще не держался, висел в руках солдат. Второй стоял сам, но за локти и за волосы на голове его крепко зафиксировали. Сиверцев его сразу узнал — это был сталкер Псих.

— С этим что? — хмуро спросил Покатилов, указав на усатого, безвольно повисшего в могучих лапах мордovorотов Тараненко.

— Кажется, готов, — бесстрастно сообщил Забирай. — Пульс я не нащупал, но, честно говоря, не больно-то и старался.

— Обыщите-ка его как следует, — велел Покатилов. — Только качественно, каждую соринку из кармана выньте! Максим, обеспечь чего-нибудь постелить!

— Ваня! — рывкнул Тараненко, нашарив глазами Сиверцева. — Одеяло сюда!

Сиверцев метнулся — «подай, принеси», ага. Он грешным делом подумал, что на одеяло положат усатого типа, но нет — его продолжали держать двое, а третий обшаривал карманы и все, что удавалось найти, бросал на расстеленное рядом одеяло. Покатилов тем временем остановился напротив Психа и внимательно поглядел ему в глаза.

— Привет, Псих. Недалеко ты убежал, надо сказать...

Псих выглядел напряженным, но скорее от выкрученных рук и запрокинутой назад и удерживаемой за волосы головы, чем от страха — лицо его было более-менее спокойным.

— Никуда я не бегал, — сказал он, шевеля только губами. — Я, наоборот, помог этого орла поймать.

— Какого орла? — уточнил Покатилов.

— Которого сейчас обыскивают, — пояснил Псих. — Только зря: то, что вас больше всего интересует, лежит у меня в нагрудном кармане.

Один из солдат, повинувшись повелительному взгляду, тотчас запустил руку Психу в карман.

— В левом, — уточнил Псих спокойно.

Солдат полез в другой карман и вынул то ли какую-то тряпицу, то ли носовой платок — Сиверцев не рассмотрел. В тряпицу было что-то завернуто — солдат принялся разворачивать и несколькими секундами позже продемонстрировал Покатилову и Тараненко тонкий светло-серый стержень, видимо, металлический. Тараненко требовательно протянул руку.

— Ручаюсь, это «вязальная спица»! — с непонятым выражением произнес он, повертев стержень так и эдак, а потом хитро взглянул на Покатилова. Тот выдержал взгляд и тягуче ответил:

— И это знаешь, Максим? Резвый ты малый!

— Профессия такая, — осклабился Тараненко.

Тем временем закончили потрошить карманы усатого. Тараненко под внимательным присмотром Покатилова разобрал находки, но ничего его вроде бы не заинтересовало. Да и нашлось у усатого с гулькин нос: упаковка каких-то таблеток, жменя украинских монет, две зубочистки в вакуумном тюбике и солнечные очки, в Зоне не особенно нужные. Если рассуждать логически, у него и не могли ничего особенного найти, поскольку этого типа увели напрямик из-под заключения в покатиловском логове, а уж там-то его сто процентов обыскали не единожды. Будь он тем самым псиоником, ещё можно было рассчитывать на интересный улов, но псиоником, судя по всему, Покатилов и Тараненко считали Психа. Сиверцев не знал почему, объясняя собственное неведение скудной информированностью. А раз эти двое считают — значит есть основания.

Но почему тогда Псих застыл в крайне неудобной позе, с вывернутыми руками и не предпринимает никаких попыток освободиться? Ну, держат его, да, но что мешает взять на пси-поводок тех же солдат? Ерунда какая-то.

— Теперь этого общите, — распорядился Тараненко, тихой сапой перехвативший инициативу у Покатилова. Покатилов на ученого искоса взглянул, но более никак не отреагировал.

Солдаты принялись обшаривать Психа более тщательно, но, ко всеобщему удивлению, добавить к предметам на одеяле ничего не смогли — в карманах у Психа не оказалось даже скатавшихся шариков пыли.

— Н-да, — вздохнул Покатилов, вновь овладевая ситуацией. — Негусто. Может, объяснишь, сталкер Псих, что происходит? Как так получилось, что ты из вездехода чудесным образом испарился и торчишь сейчас перед всеми нами, как говно на палочке?

— Объясню, — с готовностью отозвался сталкер. — Как почувствовал, что пси-монстр недалеко прошел, так я за ним и подался. А будить никого не стал, все равно только мешали бы.

— Интересненько, — хмыкнул Покатилов. — Этот упырь с Хомой на поводке поблизости от вездехода нарисовался только под утро. А ты слинял ещё ночью. Это как понимать?

— Элементарно, — ничуть не смутился Псих. — С Хомой он возвращался из «Вотрубы», а я его почуял ещё на пути туда.

— О как! — Покатилов с сомнением поглядел на Психа. — Ну, ладно, допустим. Почуял, и что дальше?

— За ним двинул, — пожал плечами Псих. — И довел до самого блокпоста. Прошли они за шлагбаум, как нож сквозь масло, часовые даже не шевельнулись. Таращились, будто в пустоту.

Покатилов нахмурил брови.

— Это ты монстра из вежливости на «вы» величаешь или я что-то упустил? Прошли?

— Прошли, — подтвердил Псих. — Монстр и тот, кто монстра нес.

— Нес? — Покатилов явно плохо понимал, на что намекает сталкер, и от этого хмурился все сильнее.

— Ну, да! Монстр самостоятельно передвигался... плохо. Во всяком случае, медленно. Вы бы лучше велели своим мальчикам меня отпустить, чем зря разговоры разговаривать. Тут проще один раз показать, чем полчаса языком молотъ.

— А что ты можешь показать?

Псих коротко ответил:

— Монстра.

Судя по всему, Покатилов с Тараненко окончательно перестали что-либо понимать. Переглянулись они, во всяком случае, очень кинематографично.

— Монстра? — переспросил Покатилов зачем-то.

— Угу, монстра. Точнее, самую важную его составляющую — тут, недалеко валяется.

— Ну-ка! — вмешался Тараненко, обращаясь к солдатам. — Давайте его живенько в походное положение.

Голову Психу тотчас освободили, да и руки прекратили выкручивать — стали просто придерживать.

— Значит, так, — принялся объяснять Тараненко. — Ты говоришь, куда идти. И тихонечко идешь, не пытаешься чудить. Впереди идет один из нас. Будешь ему командовать — направо, налево. Усек?

— Усек, — заверил Псих. — Кому командовать?

— Кутний, на исходную! — Капитан, повинувшись выразительному взгляду Тараненко, отрядил вперед одного из солдат.

Названный послушно встал метрах в пяти впереди Психа.

— Готов, — доложил он.

— Во-он к тем кустикам! — объявил Псих. — Рукой, извини, показать не могу.

— Покажи, — буркнул один из держащих Психа солдат. — Только ме-е-едленно!

Он демонстративно оторвал ладонь от рукава Психа, но не убрал ее далеко — так и замер с растопыренной пятерней в нескольких сантиметрах от сталкерского плеча.

Псих преувеличенно плавным движением указал на нужные кустики — до них было метров тридцать.

— Кутний, марш! Четверо — с нами! — скомандовал капитан солдатам с вертолетов.

Кутний неторопливо зашагал в указанном направлении; за ним шел Псих с сопровождающими, потом капитан и Покатилов с Тараненко — последние двое бок о бок. За Покатиловым неотступно следовали личные охранники. Четверо солдат из вертолетчиков разделились — попарно разошлись на фланги. В самом хвосте пристроились Сиверцев и Флэш — к счастью, их никто не решил отцепить.

Когда Кутний приблизился к кустикам почти вплотную, Псих сказал:

— Стоп! Дальше всем не обязательно. Пусть кто-нибудь один пошарит там. Найти нетрудно.

Кутний вопросительно зыркнул на начальство.

— Поосторожнее там, — очень серьезно предупредил капитан. — Как будто там растяжка. Ну, ты понял, да?

Солдат утвердительно кивнул и, пристально всматриваясь под ноги, маленькими шажками практически вошел в кусты, так, что крайние ветви коснулись его штанин. На это потребовалось примерно секунд тридцать.

Потом он аккуратно развел ветви стволом автомата и с опаской потыкал во что-то лежащее на земле, но невидимое за жиденькой зеленью.

— А это в руки-то брать можно? — поинтересовался он, не оборачиваясь.

— Уже можно, — сказал Псих. — Если на слово не верите, могу я взять.

— Нет уж, — буркнул Тараненко. — Кутний, бери!

Солдат нагнулся вперед и аккуратно взял что-то в руку. Или кого-то. Со стороны могло показаться — кошку за шкуру. Только то, что он взял, размерами несколько превышало кошку. Но это точно было какое-то существо, возможно, уже мертвое. Свисающие конечности, во всяком случае, виднелись отчетливо и болтались совершенно безвольно, и именно поэтому из подсознания упорно лезло безличное определение «что-то», а не более уместное для живого создания «кто-то».

Сиверцев затаил дыхание. Рядом вытягивал шею и отчаянно щурился близорукий Флэш.

Держа существо в вытянутой руке, Кутний приблизился.

— Ёперный театр! — вырвалось у кого-то из солдат.

Существо, если не принимать во внимание размеры, во многом походило на человека. Точнее, на уродливого и грязного донельзя младенца. Только лицо у него было совершенно не детское — острое, скуластое, заросшее редкой щетиной, даже на щеках. А на висках, в промежутках между глазом и ухом, и справа, и слева, отчетливо виднелись отвратительные красноватые язвы с только-только начавшей запекаться кровью.

— Смахивает на детеныша карлика или бюрера, — довольно спокойно прокомментировал Покатилов. — А вот этой окровавленной дрянью на башке — ещё и на контролёра.

— Знакомьтесь, — произнес Псих спокойно. — Это та часть монстра, которую я бы назвал ретранслятором. К счастью, уже дохлая.

Голова у карлика свисала под неестественным углом — несомненно, у него была сломана шея.

— Псих, — обратился к главному подозреваемому Покатилов. — Если ты сейчас не объяснишь все простым человеческим языком, я тебя самолично пристрелю. Ты понял?

— Понял, — отозвался Псих. — Коротко или подробно?

— Понятно! — отрезал Покатилов и огляделся.

Ему, разумеется, не особенно нравились посторонние уши, но и оставаться один на один с Психом Покатилов явно не хотел. Видимо, он рассудил, что солдаты по-любому нужны, а остальные и так знают довольно много.

— Хорошо, — сказал Псих и начал рассказывать. — Вы как-то упоминали, что монстр сам по себе может оказаться никаким не псиоником, а пользоваться пси-артефактом. Так оно и обстояло в реальности, только артефакт оказался живым. По всей видимости этот карлик — какой-то дальний родственник контролёра. Я не знаю, каким образом тот, кого вы называете монстром, сумел подчинить себе этого мутанта, но факт остается фактом: карлик стал его пси-инструментом. Тот усатый тип поэтому и носил свободный балахон, когда выходил из Зоны и навевался в бары, — чтобы скрывать под ним маленького мутанта. Там в кустах и кенгурятник валяется, в которых мамыши младенцев носят, можете взглянуть. А история с исчезновениями сталкеров началась после того, как за пределы Зоны просочилась информация о дуп...

— Об этом поговорим отдельно! — резко оборвал Психа Покатилов и не очень естественно закашлялся.

Сиверцев сразу понял, о чем шла речь. О дубликаторе, разумеется. Покатилов по-прежнему старается все с ним связанное не разглашать. Оно и понятно... Хотя и так можно предположить, что собирался сказать Псих: этот усатый тип, которого Покатилов назвал Баграмовым, скорее всего тоже охотился за дубликатором. Когда в его поле зрения начали попадать и другие охотники, Баграмов принялся доступными ему методами устранять конкурентов. Убивать людей вне Зоны, ясное дело, было затруднительно. Вот он и заманивал их в Зону. И отдавал безоружными кровососам, которых, видимо, тоже умел контролировать с помощью прирученного пси-карлика. Однако информация продолжала хаотически распространяться, причем, видимо, быстрее, чем Баграмов успевал ликвидировать особо ярких охотников за дубликатором. И если одиночек-сталкеров или небольшие сталкерские команды выводить из игры было в общем-то нетрудно, то когда за дело принялись мощные организации, Баграмову пришлось сменить тактику. По всей видимости, он стал скармливать руководителям — вроде Покатилова и Тараненко — ложную информацию. Например, о местоположении пресловутого сейфа — то-то сталкеры Покатилова и вояки Тараненко на пост автоинспекции сбежались, будто муравьи на мед! И синхронно опоздали, потому что на самом деле Баграмов и не думал отдавать им сейф. А нанятый для подстраховки и ничего не подозревающий Кардан в итоге благополучно вынес сейф, как оказалось — пустой, из Зоны. В общем, Сиверцев понимал, что вариантов можно было навоображать массу, но сам он знал об этой истории слишком мало, чтобы утверждать что-либо наверняка. И вряд ли когда-либо узнает достаточно.

Между тем Покатилов решил прекратить расспросы и переходить к активным действиям.

— Максим, — обратился Покатилов к Тараненко. — Ты дашь мне вертолет. Охраны не нужно, мои ребята справятся. Этого типа (он кивнул на Психа) и вон того (Баграмова) я заберу. В кустах надо как следует пошарить, хотя я не думаю, что там найдется много интересного. Пойдем.

Почти все гурьбой переместились назад, к вездеходу и вертолетам, только двое солдат по приказу Тараненко принялись осторожно шарить в кустах.

У самого вездехода, оторвавшись от основной массы народа, Покатилов тронул Тараненко за плечо.

— Давай «спицу», — сказал он требовательно, поворачивая руку, которой только что удерживал Максима, ладонью вверх.

Сиверцев оказался рядом случайно, у него не было мыслей подслушать разговор или подсмотреть какие-нибудь тайные подробности. Но на него не обратили внимания, поэтому он увидел и услышал все.

— Боюсь, Виктор Павлович, вы не вполне представляете себе сложившуюся ситуацию, — сказал Тараненко и изогнул губы в выставочной улыбочке. — Вертолет я вам, разумеется, дам. А вот Психа, Баграмова, труп карлика и, главное, «спицу», уж извините, нет.

Покатилов начал раздражаться.

— Максим, — сказал он с нажимом. — С некоторых пор ты меня стал разочаровывать. Зачем тебе это? Не надо играть с огнем. Ты ещё рыльцем не вышел играть на таком уровне.

— Ну почему же не вышел? — возразил Тараненко достаточно спокойно. — Вы просто не осведомлены, кого я представляю на самом деле. Вон в том вертолете, между прочим, сидит целый генерал. Мой шеф. Причем мы здесь в отличие от вас, Виктор Павлович, совершенно официально и за спиной у нас не сомнительного происхождения частная организация, а большая европейская страна.

— Та-ак, — протянул Покатилов, начиная понимать. На лице у него последовательно отразилась целая гамма чувств. — Официально, значит... Вот, дьявол, об этом я совершенно не подумал. И которая из контор, позволю спросить?

— Научная разведка, — секунду поколебавшись, сказал Тараненко. — Это наиболее точное именование.

— И какой же, позволю спросить, страны?

— А вот это не суть важно. — Тараненко пожал плечами. — Достаточно большой и достаточно влиятельной, не только в Европе, но и во всем мире.

«Вот это да, — подумал Сиверцев, уставший уже удивляться. — Чем дальше, тем интереснее!».

— Насчет вертолета я сейчас распоряжусь... А то дознаватели вот-вот придут, трупы — они и в Зоне трупы. Тем более ваш Хома даже не сталкер. С правосудием вам, Виктор Павлович, лишний раз пересекаться вряд ли интересно.

Покатилов сокрушенно вздохнул:

— Ну, гляди, Максим. Если ты позволил себе насочинять... Сам понимаешь...

— Я редко сочиняю, — холодно отозвался Тараненко. — Профессия обязывает.

Сиверцев отстраненно наблюдал, как Покатилов, Флэш и трое его охранников грузятся в один из вертолетов, как вертолет взлетает и вопреки ожиданиям не перепрыгивает к месту, где недавно пристрелили Хому, а набирает высоту и уходит на восток. Сиверцев задумчиво провел его глазами.

— Ну, что, Ваня? — Оказалось, Тараненко какое-то время за ним наблюдает. — Как тебе новые приключения?

— Неожиданно, — честно признался Сиверцев. — Вы уж извините, оказался невольным свидетелем... но клятвенно заверяю: я ничего не слышал!

Тараненко усмехнулся:

— Не слышал... Ну-ну! У тебя теперь один путь, Ваня.

— В смысле? — не понял Сиверцев.

— Ты, Ваня, невольно стал носителем достаточно важной информации. Простого исследователя Сиверцева Покатилов перемелет и выплюнет. А вот если исследователь Сиверцев в конечном итоге работает на солидную организацию...

— А, — догадался Сиверцев. — Опять вербуете?

— Вербую, — сознался Тараненко. — Ты мне подходишь, я уже это говорил. Да и знаешь ты в самом деле непозволительно много, чтобы остаться в стороне. Можешь, конечно, сделать вид, что какое-то время подумаешь над моим предложением, но на самом деле думать тут нечего, за тебя все уже давно придумали.

«Да уж, — на Сиверцева нахлынула легкая тоска. — Похоже, и ближайшее время самому мне думать почти не придется: все действительно уже давно придумано кем-то более ушлым и хитроумным».

И ещё Ваня отметил: почему-то все таинственные поначалу истории всегда заканчиваются на редкость обыденно и буднично. В особенности если к ним оказываются причастны силовые ведомства.

— Ладно, — смиловился Тараненко, глядя на кислую физиономию Сиверцева. — Потом все как следует обсудим. А пока ступай, помоги упаковать тушку псионика, там же одни дуболомы, полтора класса образования. Ещё напортачат.

С кашей в голове и смятением в душе Сиверцев побрел к солдатам, ближний из которых растеряннo вертел в руках стандартный контейнер для биообразцов. Скорее всего не мог понять, как он открывается.

Эпилог

Кекс ещё долго вспоминал тот странный выход в Зону и последовавшие за ним не менее странные события. Его с Батоном, а также раненых Феду, Мухомора, Жучару и Дуная за периметр вывезли какие-то военные, но не военсталкеры Тараненко, а то ли из прокуратуры, то ли ещё из какого-то правоохранительного подразделения. Допрашивали, разумеется. Но потом отпустили — только Кекса с Батоном, остальных посадили в изолятор, а потом вроде бы даже судили. Перед тем как отпустить, рыжий очкастый следователь словно бы невзначай намекнул, что если Кекса ещё хоть раз увидят ближе чем за полсотни километров от Зоны — упекут следом за Федой и остальными. Батона это тоже касалось, разумеется.

Как повел себя Батон, Кекс так и не узнал: сам он, не будь дурак, в несколько дней продал все, что имел, включая квартиру, снаряжение и артефакты из заначки, и уехал домой, в Черноморск. Ему долго ещё снилась Зона, но постепенно она ушла из его жизни и сделалась лишь одним из воспоминаний — ярким и необычным, но с годами постепенно тускнеющим.

Не узнал Кекс и того, как сложились судьбы других участников той опасной, как прятки на осевой, истории, но он никогда и не стремился это узнать. Потому, наверное, и уцелел.

Но, возможно, ему было бы интересно убедиться, что исчезновения сталкеров из баров вокруг Зоны после его уезда прекратились. Что у Покатилова возникли какие-то неприятности или трудности и он с большим трудом сумел их преодолеть, хотя «Вотруб» сохранил и по крайней мере часть прежнего бизнеса тоже. Что Сиверцев и Тараненко с ног сбились в поисках Психа, который бесследно исчез в Зоне, куда его зачем-то привезли после недели бесперывных допросов.

А уж если бы он увидел, как сбежавший Псих втихую, глубокой ночью, вынимает из тайничка неподалеку от места, где погиб Хома и где тот выход закончился для самого Кекса, некую штучковину сероватого металла, похожую не то на циркуль, не то на пару вязальных спиц, и заворачивает ее в лист бумаги с единственной надписью: «ГОСТ Р 50862-96», Кекс точно мало что понял бы.

И все это в итоге стало всего лишь ещё одной тайной Зоны Чернобыльской АЭС.

В самом деле, мало ли у Зоны тайн?

*Март — ноябрь 2009
Москва — Коблево — Николаев*

